

**Русский Гуманитарный Интернет
Университет**

БИБЛИОТЕКА

**УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Поль Анри Гольбах

**Разоблаченное христианство или
рассмотрение начал христианской
религии и ее последствий**

Содержание.

- ПРЕДИСЛОВИЕ (ПИСЬМО АВТОРА).
- ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ. О НЕОБХОДИМОСТИ КРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К РЕЛИГИИ И О ПРЕПЯТСТВИЯХ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ НА ЭТОМ ПУТИ.
- ГЛАВА 2. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.
- ГЛАВА 3. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСТВА.
- ГЛАВА 4. О ХРИСТИАНСКОЙ МИФОЛОГИИ, ИЛИ О ТЕХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ХРИСТИАНСТВО ДАЕТ НАМ О БОГЕ И ПУТЯХ ЕГО.
- ГЛАВА 5. ОБ ОТКРОВЕНИИ.
- ГЛАВА 6. О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ: О ЧУДЕСАХ, О ПРОРОЧЕСТВАХ, О МУЧЕНИКАХ.
- ГЛАВА 7. О ТАЙНАХ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ.
- ГЛАВА 8. ДРУГИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ТАЙНЫ И ДОГМАТЫ.
- ГЛАВА 9. О РИТУАЛЕ, ТАИНСТВЕННЫХ ОБРЯДАХ И ТЕУРГИИ ХРИСТИАН.
- ГЛАВА 10. О СВЯЩЕННЫХ КНИГАХ ХРИСТИАН.
- ГЛАВА 11. О ХРИСТИАНСКОЙ МОРАЛИ.
- ГЛАВА 12. О ХРИСТИАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ.
- ГЛАВА 13. О ХРИСТИАНСКОМ КУЛЬТЕ И ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ХРИСТИАНИНА.
- ГЛАВА 14. О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ.
- ГЛАВА 15. О ЦЕРКВИ, ИЛИ О ХРИСТИАНСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ.
- ГЛАВА 16. (И ПОСЛЕДНЯЯ) ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

(Суеверие есть нездоровое заблуждение, оно боится тех, кого следует любить, оскорбляет то, что обожает; какая разница, отрицаешь ли богов или оскорбляешь их?)

Senec. Ep. 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ (ПИСЬМО АВТОРА).

Милостивый государь, я получил ваши замечания о моем труде и весьма вам за них признателен. Я тронут вашей похвалой и вместе с тем слишком люблю истину, чтобы обижаться на ту откровенность, с которой Вы делаете свои возражения; я нахожу последние достаточно серьезными и заслуживающими всего моего внимания. Плохой философ тот, кто не имеет мужества выслушать возражения на свои взгляды. Мы не богословы; наши разногласия разрешаются мирным путем, они ни в чем не должны походить на споры апостолов суеверия, которые стараются лишь поймать противника на удочку каверзных аргументов и в ущерб добросовестности всегда отстаивают только свое тщеславие и упрямство. Мы оба стремимся к благу человечества, оба ищем истины; поэтому мы не преминем прийти к соглашению.

Вы прежде в его признаете необходимость критического подхода к религии, считая нужным отдать ее взгляды на суд разума. Вы согласны, что христианство не выдерживает этой критики и что для здравого смысла оно всегда будет лишь сплетением абсурдов, бессвязных сказок, бессмысленных догматов, ребяческих обрядов и понятий, заимствованных у халдеев, египтян, финикиян, греков и римлян. Одним словом, вы согласны, что эта религия — лишь нескладный продукт почти всех древних суеверий, порожденных восточным фанатизмом и изменявшимся соответственно обстоятельствам и предрассудкам тех людей, которые выдавали себя за озаренных свыше, за посланцев божьих, за глашатаев новой воли божества.

Вы содрогаетесь при мысли о тех ужасах, которые совершали христиане под влиянием своего духа нетерпимости, как только это было в их власти. Вы понимаете, что религия, построенная на кровожадном боге, не может не быть кровожадной. Вы приходите в ужас от того кошмара, который с детства овладевает государями и народами и делает их рабами суеверия и попов, препятствует им понять свои истинные интересы, делает их глухими к голосу разума и отвращает их от их великих задач. Вы признаете, что религия, построенная на экстазе и обмане, не может иметь надежных принципов и должна вести к вечным спорам и смуте, к преследованиям и насилиям, особенно если государство вменяет

себе в безусловную обязанность вмешиваться в эти религиозные пререкания. Наконец, вы даже признаете, что верующему христианину, стремящемуся к совершенству согласно буквальным предписаниям евангелия, должны быть чужды все земные отношения, на которых зиждется истинная мораль; вы признаете, что он может быть только бесплодным мизантропом, если он размазня, или же воинствующим фанатиком, если у него течет горячая кровь в жилах.

Но раз вы соглашаетесь со всем этим, почему вы считаете мой труд опасным? Вы говорите, что народу необходима религия, хорошая ли или дурная, что она является необходимой уздой для простых и грубых людей, которые без нее не имели бы стимулов воздерживаться от преступления и порока. Вы находите, что победа над религиозными предрассудками — невозможное дело, считаете, что государи, которые одни только в состоянии одержать ее, слишком заинтересованы в сохранении народной темноты, идущей им на пользу. Если не ошибаюсь, к этому сводятся главнейшие ваши возражения. Попытаюсь их опровергнуть.

Во-первых, не думаю, что та или иная книга может быть опасной для народа. Народ мало рассуждает и мало читает, у него нет для этого ни досуга, ни способностей. Кроме того, человека из народа сдерживает не религия, а закон; если какой-либо шалый ум станет подстрекать толпу к воровству и убийствам, ее удержит страх виселицы. Вдобавок если случайно нашелся бы среди народа человек, который в состоянии читать философское произведение, то этот человек, надо думать, был бы не из преступного мира.

Книги читаются только той частью нации, которую ее положение, воспитание и взгляды ставят выше преступления. Эта просвещенная часть общества, воздействующая на власть, читает книги и судит о них. Если в этих книгах содержатся ложные «ли вредные» положения, они вскоре предаются забвению или общественному осуждению; если они содержат истину, их нечего бояться.

Восстания — дело рук фанатиков, попов и невежд; просвещенные, бескорыстные и здравомыслящие люди всегда — друзья порядка. Вы, милостивый государь, не из тех малодушных мыслителей, которые полагают, что истина может оказаться вредной. Истина вредна только тем, кто обманывает людей, и всегда будет полезна всему прочему человечеству. Вы уже давно должны были убедиться, что все несчастья человечества происходят только от наших заблуждений, от непонимания своих интересов, от наших предрассудков и ложных представлений.

В самом деле, человек с сколько-нибудь последовательным умом не может не видеть, что причиной извращения политики и морали

являются религиозные предрассудки. Только в силу религиозных представлений стали смотреть «а государей как на богов. Следовательно, тиранов и деспотов породила религия; они издали плохие законы, пример их развратил вельмож, вельможи развратили народ. Я подробно осветил эту истину в своем «Исследовании о происхождении восточного деспотизма». Развращенные массы впали в жалкое рабство, каждый старался вредить друг другу, чтобы выслужиться перед сильными мира и избавиться от нищеты. Цари объявлены были подобиями бога и стали столь же неограниченными владыками, как и он; их произвол решал, что справедливо и не справедливо, их воля часто освящала угнетение, насилие и грабеж; милости их приобретались низкопоклонством, порочностью и преступлением. Под властью государей, зараженных религиозными предрассудками, граждане сошли с правильного пути и все время вели между собой открытую или тайную борьбу, у них не было стимулов к добродетели.

Что в состоянии сделать религия в обществе, построенном на таких началах? Она грозит наказаниями на том свете, обещает небесные награды; помешало ли то и другое людям предаваться своим страстям и искать счастья легчайшими путями? Повлияла ли эта религия на нравы государей, обязанных ей своим божественным могуществом? Преданные вере государи то и дело ведут несправедливейшие войны, бесцельно проливают кровь своих подданных и губят их достояние; они вырывают у бедняка последний кусок хлеба, чтобы умножить сокровища ненасытного богача; они разрешают и даже предписывают воровство, лихоимство и насилия. Многие государи считают эту религию опорой своего трона; но сделала ли она их гуманнее, нравственнее, чище, умереннее, сделала ли она их более верными своему слову? Увы! Заглянем в историю; мы увидим, что самые ревностные к вере, благовернейшие государи были в то же время клятвopеступниками, узурпаторами, прелюбодеями, ворами и убийцами; они поступали без всякого страха божьего, хотя имя бога было у них вечно на устах. В их окружении, у их приближенных мы находим постоянное сочетание христианства с преступлением, благочестия с лихоимством, набожности с утеснениями, религии с предательством. А какое зрелище представляют собой жрецы нищего и распятого бога, которые основывают свое существование только на его религии и утверждают, что без нее невозможна никакая мораль? Увы! Мы видим среди них царство гордыни, алчности и похоти, властолюбие и мстительность. Когда мы жалуемся на бесчинства попов, нам затыкают рот, заявляя, что мы должны брать пример с их слов, а не с их поступков. Но можем ли мы доверять врачу, который,

заболев тем же недугом, что мы, отказывается принимать лекарства, прописываемые им нам? Вот уже столько веков попы то и дело произносят душеспасительные проповеди; оказали ли их назидания действительное влияние на народные нравы? Если кто-либо обратился в результате их речей, какая польза от этих обращений? Преображают ли эти речи сердца масс? По признанию самих церковников, эти обращения крайне редки. Народы погружены в омут суеты, извращенность людей растет с каждым днем, хотя каждодневно попы разглагольствуют против пороков и преступлений, разрешаемых обычаем, поощряемых правительством, одобряемых общественным мнением и вознаграждаемых властью имущими. Люди считают себя вынужденными предаваться этим порокам и преступлениям, чтобы не оказаться за бортом. Итак, по признанию самих церковников, религия бессильна против порчи нравов, хотя человеку с детства прививают ее правила и неустанно повторяют их на каждом шагу. Люди не считаются с религией, если она становится поперек дороги их желаниям; они слушаются ее лишь тогда, когда она потворствует их страстям и согласуется с их характером и их представлениями о счастье. Человек, ведущий распутный образ жизни, смеется над нравоучениями религии; честолюбец не считается с религией, когда она пытается сдержать его аппетиты; скупец не слушает ее, когда она велит ему творить милостыню; царедворец издевается «ад ее наивностью, когда она велит ему быть прямодушным и искренним. Зато государь внимает ее урокам, когда она учит его, что он является подобием божества, что он должен быть таким же неограниченным владыкой, как бог, может распоряжаться жизнью и смертью своих подданных и их достоянием и должен уничтожать последних, если они держатся другого мнения. Желчный человек охотно слушает назидания своего попа, говорящего ему о ненависти; мстительный человек ловит слова попа, позволяющие ему мстить за себя под предлогом отмщения обид, нанесенных богу. Другими словами, религия ничуть не изменяет человеческих страстей; люди покорны ей только в тех случаях, когда она отвечает их желаниям. Только на смертном одре религия перерождает человека; но это уже не приносит никакой пользы обществу, и если запоздалое раскаяние умирающего приносит ему прощение грехов, то это лишь поощряет живых продолжать свои безобразия до последнего издыхания. Тщетно религия будет проповедовать добродетель, если эта добродетель идет вразрез с интересами людей и не приносит им выгоды. Невозможно водворить в народе добрые нравы, если сам государь лишен нравственности и добродетели, если сильные мира сего считают эту добродетель слабостью, если попы пятнают ее

своим поведением, если человек из народа, несмотря на все громкие слова и увещания постов, прекрасно понимает, что должен приноравливаться к порокам тех, кто сильнее его, иначе не выпутается из нужды. В обществе с таким режимом мораль вынуждена оставаться бесплодными умозрениями, она может упражнять дух, но не влияет на поведение людей, за исключением разве горсти людей, которые по своему характеру склонны к умеренности и довольны своей долей. А все те, кто гоняется за счастьем и желает улучшить свое положение, будут плыть по течению; оно заставит их побороть угрызения совести.

Итак, не попы, а только государь в состоянии привить добрые нравы в своем государстве. Он должен проповедовать своим примером; он должен устрашать преступников карою закона; он должен поощрять добродетель наградами и в первую очередь следить за общественным воспитанием, дабы в сердца граждан внедряли только страсти, полезные для общества.

Государство почти не интересуется у нас воспитанием, проявляет к нему полнейшее равнодушие. А между тем воспитание имеет самое существенное значение для благосостояния государства. Почти у всех современных народов школа ограничивается преподаванием языков, бесполезных для большинства учащихся; вместо преподавания морали христианина пичкают фантастическими сказками и непостижимыми уму догматами религии, находящейся в полном противоречии с разумом. С самого начала подросток слышит в школе, что должен отказаться от свидетельства своих чувств и взнудать свой разум, последний опорачивают в его глазах как лживого руководителя; ученик слышит, что должен подчиниться авторитету своих наставников. Но кто эти наставники? Это — попы, заинтересованные в том, чтобы мир оставался при воззрениях, полезных только для них. Эти продажные педагоги, невежественные и исполненные предрассудков, сами редко оказываются на уровне образованного общества. Могут ли эти жалкие и черствые души научить своих воспитанников тому, чего они сами не знают? Могут ли эти педанты, презираемые даже теми, кто отдает им своих детей на воспитание, внушить своим воспитанникам любовь к славе, благородное соревнование, высокие чувства, которые являются источником всех качеств, полезных для государства? Научат ли они их стремиться к общественному благу, служить родине, сознавать долг человека и гражданина, обязанности отца семейства и детей, господ и слуг? Разумеется, нет. Из рук этих жалких и неспособных педагогов выходят лишь суеверные и невежественные люди; восприняв уроки своих учителей, эти люди оказываются круглыми невеждами во всем том, что важно для общества, они вступают в

общество бесполезными членами.

Куда мы ни взглянем, преподавание самых необходимых предметов оказывается в полном загоне. Мораль, под которой я понимаю также политику, не занимает почти никакого места в программе европейского воспитания. Христианину преподается только та мораль не от мира сего, экзальтированная, полная противоречий и неустойчивая, которую мы находим в евангелии. Я надеюсь, что мне удалось доказать следующее: эта мораль в состоянии лишь унижить ум, сделать ненавистной добродетель, воспитать жалких рабов, сломить порыв души; или же, если заронить семена ее в горячие сердца, она создает только неистовых фанатиков, способных потрясти устой общества.

Несмотря на всю бесполезность и извращенность христианской морали, защитники христианства осмеливаются утверждать, что нравственность не мыслима без религии. Впрочем, что называется на языке христиан нравственностью? Она означает у них: молиться без устали денно и нощно, посещать церкви, каяться, бежать от радостей жизни, жить в уединении, уйти в себя. Какая польза от всего этого для общества? Все это можно проделывать, не имея и тени добродетели. Если подобные упражнения открывают врата небесные, то для земли они совершенно бесполезны. Если это — добродетель, то надо признать, что без религии нет добродетели. Но, с другой стороны, можно строго соблюдать все предписания христианской религии и не обладать при этом ни одной из тех добродетелей, которые при свете разума оказываются необходимыми для общества.

Итак, следует строго различать между моралью религиозной и моралью политической. Первая создает святых, вторая — граждан; одна создает людей бесполезных и даже вредных для общества, другая должна ставить себе задачей воспитывать полезных, активных членов общества, способных служить ему, исполнять обязанности супруга, отца, друга, товарища; при этом совершенно безразлично, каковы их метафизические взгляды — что бы ни говорила теология, они гораздо менее надежны, чем непреложные указания здравого смысла.

В самом деле, несомненно, что человек — общественное существо, которое во всем ищет своего счастья; он делает добро, когда находит это в своих интересах, и оказывается злым обычно только потому, что в противном случае был бы вынужден отказаться от своего благополучия. Ввиду этого школа должна разъяснять молодежи отношения, существующие между людьми, и обязанности, вытекающие из этих отношений; правительство должно с помощью законов, наград и наказаний закреплять уроки школы. Пусть

полезные и добродетельные поступки ведут к счастью, а порок и преступление — к позору, презрению и наказаниям. Тогда у людей будет человеческая мораль, основанная на природе человека, на национальных нуждах, на интересах народа и его правителей. Возможно, что эта мораль, независимая от витающих в небесах представлений теологии, не будет иметь ничего общего с моралью религиозной; но общество ничего не теряет с последней, так как она, как мы показали, на каждом шагу приходит в конфликт с благом государства и семьи, с общественным спокойствием.

В руках у государя, которому общество вверило верховную власть, великие стимулы для воздействия на людей. В его власти водворять добрые нравы; в этом отношении он могущественнее богов. Его присутствие, его награды, его угрозы, даже один взгляд его сильнее, чем все проповеди попов. На самых набожных людей почести этого мира, чины, богатство действуют гораздо сильнее, чем все пышные надежды, вселяемые религией. Самый религиозный царедворец больше боится государя, чем бога.

Поэтому, повторяю, проповедовать должен государь; ему надлежит реформировать нравы. При добром и добродетельном государе будут процветать добрые нравы; граждане получают хорошее воспитание, оно с детства внушит им добрые задатки, приучит их уважать добродетель, гнушаться преступления, презирать порок, страшиться позора. Это воспитание не останется бесплодным, если граждане на каждом шагу будут убеждаться, что таланты и добродетель ведут к почетному положению и благосостоянию, удостаиваются отличий и милостей, порок же ведет только к презрению и позору. Во главе народа, воспитанного на таких принципах, просвещенный государь действительно будет великим, могущественным и славным. Его проповеди будут действительно проповедей попов, которые вот уже столько веков безрезультатно разглагольствуют с амвона против порчи нравов. Квинтилиан замечает: (все, что государи делают, они как бы приказывают делать и другим).

Если попы узурпировали у верховной власти право народного воспитания, то пусть эта власть снова возьмет это право в свои руки или, по меньшей мере, не терпит, чтоб попы обладали монополией воздействия на народные нравы и моральной проповеди. Пусть государь задаст острастку попам, проповедующим принципы, явно вредные для общества. Попы могут, если им это нравится, учить, что бог превращается в хлеб; но ни в коем случае не следует допускать, чтобы они учили ненавидеть и уничтожать тех, кто отказывается верить в это неизреченное таинство. Нельзя допускать, чтобы экзальтированные визионеры имели возможность возмущать

подданных против законной власти, сеять раздор, разрывать узы, связывающие граждан, нарушать общественное спокойствие — все это на почве религиозных убеждений. При желании государь всегда в состоянии обуздать попов. Будучи лишен поддержки, фанатизм становится жертвой позора. К тому же попы чают монарших милостей и подачек, и большинство попов всегда готово пожертвовать мнимыми интересами религии и совести, если считает это необходимым для своего благополучия.

Мне возразят, что государи всегда будут считать в своих интересах поддерживать религию и слуг ее — во всяком случае из политических соображений, что так будут поступать даже те государи, которые в душе освободятся от религиозного кошмара. На это я отвечаю: государей легко убедить на множестве примеров, что христианская религия неоднократно играла роковую роль в жизни государей, что попы были и всегда будут соперниками их власти, что по природе своей попы — самые непокорные подданные. Каждого просвещенного государя, повторяю, легко убедить в том, что в его истинных интересах — править счастливым народом, что личная безопасность и слава государя зависят от благосостояния, которое он обеспечивает своему народу, одним словом — что счастье государя связано со счастьем народа. Легко убедить просвещенного государя, что он будет гораздо могущественнее во главе народа, состоящего из честных и добродетельных граждан, нежели во главе стада рабов, невежественных и испорченных, которых он вынужден обманывать, чтобы держать в своих руках, вынужден мистифицировать религиозным кошмаром, чтобы добиться своих целей.

Итак, не будем терять надежды, что когда-нибудь истина проложит себе путь к престолу. Если свету разума и науки так трудно дойти до государей, то в этом повит корыстные попы и алчные царедворцы; они стараются удержать государей в состоянии вечного детства, рисуют им могущество и славу монарха в эмпиреях и отвлекают их от того, что необходимо для их действительного счастья. Каждый государь, осмелившийся жить своим умом, поймет, что власть его всегда будет шаткой и хрупкой, если она будет опираться только на фантомы религии, на народную темноту и произвол поповщины. Он поймет отрицательные стороны фанатического управления, которое создавало до сих пор только самонадеянных невежд, упрямых и нередко непокорных христиан, неспособных быть полезными гражданами, и делало массы столь восприимчивыми к словам обманывающих их пастырей. Он поймет, какие несметные ресурсы окажутся в его руках, если отнять у попов дело народного образования; с давних пор узурпировали его у нации тунеядцы,

которые под предлогом обучения народа водят его за нос и высасывают из него все соки. Было высказано мнение, что духовенство могло иногда служить преградой для деспотизма. Однако опыт доказывает, что это сословие всегда «мело в виду только свои собственные интересы. Итак, интересы народов, а также интересы хороших государей говорят, что это сословие ровно ни к чему не нужно. Монастыри, этот позор в глазах здравого смысла, служившие только для вознаграждения лени, для торжества поповского цинизма и для раздольной жизни монахов, решительный и мудрый государь заменит учреждениями, полезными для государства, способствующими развитию талантов, обучению юношества, награждению заслуг и добродетели, облегчению положения народа и воспитанию полезных граждан.

Надеюсь, милостивый государь, что эти рассуждения оправдают меня в ваших глазах. Мне не важно мнение тех, которые видят свой интерес в бедствиях своих сограждан; не их я стремлюсь "убедить — людям порочным и не слушающим голоса разума ничего нельзя доказать. Смею надеяться, что вы перестанете считать мою книгу опасной и мои надежды совершенно несбыточными. Многие безнравственные люди нападали на религию потому, что она шла вразрез с их склонностями; многие мудрые люди презирали ее потому, что она казалась им смешной; многие относились к ней безразлично потому, что не видели реального вреда, приносимого ею. Как гражданин, я нападаю на нее потому, что считаю ее вредной для блага государства, врагом умственного прогресса и противной здоровой морали, интересы которой неотделимы от политики. Мне остается сказать вам вместе с поэтом, который, как и я, был врагом суеверия:

(Если ты считаешь это истиной, дай мне руку; если же это ложь, выступи против).

Пребываю и т. д.

Париж, 4 мая 1768 г.

ГЛАВА 1.

ВВЕДЕНИЕ. О НЕОБХОДИМОСТИ КРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К РЕЛИГИИ И О ПРЕПЯТСТВИЯХ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ НА ЭТОМ ПУТИ.

Разумное существо должно во всех своих действиях иметь в виду свое собственное счастье и счастье себе подобных. Нас всячески уверяют, что важнее всего, для нашего счастья как на земле, так и за гробом — религия. Но преимущества религии существуют для нас лишь постольку, поскольку она делает счастливым наше

существование в этом мире и поскольку мы уверены, что она выполнит свои заманчивые обещания относительно нашей загробной жизни. Наш долг перед богом, которого мы считаем вершителем наших судеб, может быть основан только на благодеяниях, которых мы ожидаем от него, и на бедствиях, которых мы страшимся с его стороны. Итак, человек должен проверить основания своих опасений. Для этого он должен обратиться к опыту и разуму; только они одни могут служить ему путеводителем в этом мире. По тем преимуществам, которые религия доставляет человеку в обитаемом им видимом мире, он может судить о действительности тех благ, которые она сулит ему в мире невидимом, куда она велит нам обращать свои взоры. Большинство людей держится своей религии только по привычке. Они никогда не пытались серьезно разобраться в причинах своей приверженности к религии, в мотивах своего поведения, в основаниях своих религиозных воззрений. Иначе говоря, люди всегда больше всего боялись углубленного подхода к религии, хотя все считают, что религия для них важнее всего на свете. Они следуют по дорожке, проторенной их отцами; веруют, потому что им с детства твердили о необходимости веры; надеются, потому что надеялись их предки; трепещут, потому что трепетали прежние поколения; почти ни разу они не удосужились отдать себе отчет в основаниях своей веры. Очень немногие люди обладают досугом и способностью разобраться в предметах своего привычного культа, своей полусознательной привязанности, своих традиционных страхов. Народы всегда следуют укоренившимся привычкам, примеру, предрассудкам, плывут по течению. Воспитание приучает ум к самым чудовищным взглядам, точно так же как тело приучается к самым неудобным позам. Все, на чем лежит печать старины, представляется людям священным. Они сочли бы себя преступниками, если бы устремили дерзновенный взор на то, что освящено древностью. Убежденные в мудрости своих отцов, они не дерзают рассуждать после них. Они не видят, что человек во все времена был жертвой своих предрассудков, своих надежд и страхов и что те же причины почти всегда лишали его возможности критики. Темный народ, поглощенный заботой о хлебе насущном, слепо верит своим самозванным руководителям; он предоставляет им заботу мыслить за него, принимает на веру все, что ему навязывают, счел бы оскорблением своего бога, если бы хоть на мгновение усомнился в добросовестности тех, кто говорит от лица этого бога. Сильные мира сего, богачи, светские люди, даже в том случае, когда они просвещеннее толпы, находят в своих интересах сообразоваться с традиционными предрассудками и даже поддерживать их. Или же,

предаваясь неге и наслаждениям, они совершенно не способны серьезно отнестись к религии и всегда подчиняют ее своим страстям, своим влечениям и жажде наслаждений. В детстве мы воспринимаем все, что нам внушают; у ребенка нет ни способности, ни опыта, ни смелости, чтобы усомниться в том, чему учат его взрослые; его слабость ставит его в зависимость от последних. В юности пылкие чувства и угар страстей отвлекают нас от дум о религии, слишком суровой и мрачной для приятного времяпровождения. Если случайно юноша станет размышлять о религии, мысли его путанны и тенденциозны; столь скучный предмет должен скоро опротиветь ему. В зрелом возрасте все внимание сложившегося человека поглощают различные заботы, новые страсти, честолюбие, стремление к могуществу и богатству, наконец повседневные занятия. Все это оставляет ему мало времени для размышлений о религии, у него никогда нет досуга заняться ею, как следует. В старости притупившиеся способности, привычки, ставшие машинальными, органы, ослабленные, возрастом и недугами, не позволяют нам искать источника укоренившихся в нас взглядов. К тому же, в таких случаях мысли о религии обычно диктуются страхом смерти, стоящей перед нашими глазами; это делает весьма сомнительной ценность этих мыслей и рассуждений.

Таким образом, религиозные воззрения, раз привитые, сохраняются из века в век; взгляды, никогда не подвергающиеся критике, передаются от поколения к поколению. Народы верят, что счастье их зависит от установлений, которые при ближайшем рассмотрении оказываются причиной большей части удручающих их зол. К тому же, на помощь предрассудкам приходит власть, она запрещает критику их, держит народ в темноте, меч власти всегда готов обрушиться на тех, кто пытается открыть глаза народу.

Не удивительно поэтому, что человечество как бы срослось со своими заблуждениями; все способствует увековечиванию человеческой слепоты, все силы объединяются, чтобы скрыть от людей истину. Тираны ненавидят и преследуют ее, потому что она осмеливается оспаривать их несправедливые и фантастические права. Духовенство обрушивается на нее, потому что она развенчивает его ложные притязания. Невежество, косность и страсти народа делают его соучастником тех, кто в своих интересах одурманивает его религиозным кошмаром, чтобы держать его под ярмом и извлекать для себя выгоду из его бедствий. Народы изнемогают под бременем унаследованных зол и не помышляют о борьбе с ними, потому что не знают их источника, потому что привыкли к своим несчастьям так, что у них даже нет желания облегчить свое положение.

Если религия — самый важный вопрос для нас, если она неизбежно влияет на всю нашу жизнь, если влияние ее распространяется не только на наше земное существование, но и на воображаемую загробную жизнь, то, конечно, она больше чего-либо другого требует от нас основательного и серьезного рассмотрения. А между тем ни в каком вопросе люди не проявляют обычно такого легковерия, как в религии. Тот же человек, который самым тщательным образом исследует любой вопрос, имеющий минимальное касательство к его благополучию, пальца о палец не ударит, чтобы проверить основания своей веры и того поведения, которым он надеется заслужить счастье на этом и на том свете. Он слепо полагается на тех, кого случай дал ему в руководители, предоставляет им мыслить за него и даже считает свою лень и свое легковерие особой заслугой с своей стороны. В области религии люди считают великой добродетелью оставаться всю жизнь детьми и варварами.

Однако во все времена находились люди, которые, освободившись от предрассудков своих сограждан, осмеливались открывать им истину. Но что мог сделать их слабый голос против заблуждений, впитанных с молоком матери, закрепленных привычкой, освященных примером, поддерживаемых государственной властью, которая часто сама рыла себе яму? Властные окрики шарлатанов, обманывающих народ, скоро заставляли замолчать тех, кто поднимал свой голос в защиту разума. Тщетно философ будет пытаться внушить мужество людям, пока попы и цари будут держать их в страхе.

Самый верный способ обмануть людей и увековечить их предрассудки, это — обманывать их с детства.

Почти у всех современных наций школа ставит себе целью воспитывать одних фанатиков, святош, монахов, другими словами — людей, вредных или бесполезных для общества; нигде не пытаются воспитывать граждан; сами государи обычно тоже являются жертвами суеверного воспитания и всю свою жизнь пребывают в совершенном неведении своего долга и истинных интересов своих государств. Они воображают, что сделали все для своих подданных, напичкав их головы религиозными представлениями; последние должны заменить добрые законы и избавляют государей от нелегкой заботы о разумном управлении государством. Религия выдумана словно только для того, чтобы сделать и государей и народы одинаково рабами духовенства. Последнее то и дело создавало лишь препятствия для счастья народов. Там, где господствует духовенство, власть государя всегда неустойчива; а подданные лишены самодеятельности,

(Просвещения, душевного величия, трудолюбия — словом, качеств, необходимых для существования общества.

Если мы замечаем в том или другом христианском государстве некоторую активность, просвещение, социальные навыки, то потому, что природа при первой возможности возвращает людей на путь разума и вопреки их религиозным воззрениям заставляет их работать для собственного счастья. Если бы христианские нации оставались верны своим принципам, все они должны были бы пребывать в состоянии полнейшего застоя; жидкое население наших стран состояло бы из верующих дикарей, которые встречались бы между собой только для того, чтобы причинять вред друг другу. В самом деле, какой смысл имеет заниматься земными делами, если этот бренный мир, по учению религии, является лишь временным нашим местопребыванием? Какая может быть промышленность у народа, которому изо дня в день твердят, что богу угодно, чтобы он молился, жил в страхе, беспрестанно сокрушался и рыдал?

Возможно ли общество, членов которого учат проявлять ревность к вере, ненавидеть и уничтожать других за их религиозные убеждения? Наконец, можно ли ожидать гуманности, справедливости, добродетелей от толпы фанатиков, которым в качестве образца совершенства выставляют жестокого, коварного и злобного бога? Это — бог, которому угодны слезы его жалкой твари, который расставляет ловушки людям и карает их за то, что они попались в них, бог, который приказывает людям совершать воровство и преступления, проливать потоки крови.

А между тем в таких чертах христианская религия изображает нам бога, унаследованного ею от евреев. Этот бог был султаном, деспотом, тираном, которому все разрешалось. Однако его возвели в образец совершенства. Его именем совершались самые гнусные злодеяния, величайшие преступления всегда находили оправдание, если были совершены во славу божью или с целью снискать милость божью. Итак, христианская религия, которая хвалится тем, что является непоколебимым оплотом морали и сильнейшим стимулом к добродетели, на самом деле была для людей источником раздоров, безумств и преступлений. Она заявляла, что несет людям мир, но на самом деле принесла им только изуверство, раздоры и войны. Она принесла им тысячи способов изощренного мучительства. Она принесла им бедствия, которых не знали их отцы. Будучи рассудителен, христианин должен был бы тысячу раз пожалеть о мирном неведении своих предков-идолопоклонников.

Если христианская религия не улучшила народные нравы, то она не оказалась также плюсом для власти государей, хотя объявляет себя опорой последней. В каждом государстве установились две

различные власти; духовная власть, опирающаяся на самого бога, почти всегда получала перевес над властью государя. Он вынужден был стать слугой попов; как только он отказывался преклонить перед ними колени, его отлучали от церкви, лишали престола, и он находил смерть либо от руки народа, поднятого против него попами, либо от руки фанатика, которому религия вложила в руки нож. До появления христианства государь обычно стоял выше жреца; с тех пор, как мир стал христианским, государь — лишь первый из рабов духовенства, исполнитель его мести и его постановлений.

Итак, мы приходим к заключению, что христианская религия не имеет никакого основания выставлять себя опорой морали и престола. Сорвем же с нее маску. Обратимся к ее источнику, рассмотрим ее принципы, проследим ее историю. Мы увидим, что она основана на обмане, невежестве и легковерии; она была и всегда будет полезной только тем, кто видит свой интерес в обманывании людей. Мы увидим, что христианская религия всегда причиняла народам величайшие несчастья и вместо обещаемого ею блаженства лишь доводила народы до иступленного фанатизма, топила их в потоках крови, погружала их в кошмарное изуверство и преступления, не давала им понять свои истинные интересы и свой священнейший долг.

ГЛАВА 2.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА.

В небольшой стране, почти неизвестной другим народам, жил народ, предки которого долгое время находились в рабстве у египтян и освобождены были из неволи жрецом из города Гелиополиса, сумевшим благодаря своим способностям и знаниям приобрести большое влияние. По сообщению египетских историков Манефона и Херемона, дошедшему до нас в изложении еврея Иосифа, фараон Аменофис изгнал из Египта множество прокаженных, причем эти изгнанники избрали своим главой жреца из Гелиополиса по имени Моисей, который дал им религию и законы. (См. Иосиф против Апиона, кн. I, гл. 9, 11 и 12. Историю Моисея рассказывает Диодор Сицилийский (перевод аббата Террасона).

Так или иначе. Моисей, по признанию самой библии, начал с того, что убил египтянина, затеявшего ссору с евреем. После этого он бежал в Аравию и женился там на дочери одного языческого жреца, который часто упрекал его в жестокости. Отсюда сей великий человек вернулся в Египет, чтобы поднять свой недовольный народ против фараона. Правил он весьма тиранически; пример Корея, Дафана и Авирама показывает, что он чинил крутую расправу с

вольнодумцами. Он исчез, как Ромул; тело его и место его погребения не могли найти. Этот жрец, известный под именем Моисея, был посвящен в науки Египта, богатого всякими чудесами, родины всяких суеверий. Он стал во главе отряда беглецов, уверив их, что является истолкователем воли их бога и получает приказания прямо от него. В подтверждение своей миссии он, по преданию, совершал дела, которые казались сверхъестественными людям, не знавших законов природы и ухищрений искусства. Первым делом Моисей от имени своего бога приказал евреям обокрасть своих хозяев, которых они собирались покинуть. Обогадив их таким образом краденым египетским добром и завоевав их доверие, он повел их в пустыню, где в течение сорока лет приучил их к самому слепому повиновению. Он возвещал им волю неба, поведал им чудесную сказку об их предках, научил их причудливым обрядам, с которыми всевышний связывал свое благоволение. А в первую очередь он внушил им самую заядлую ненависть к богам других народов и изысканную жестокость к поклонникам этих богов. С помощью суровых, кровавых мер он сделал евреев своими покорными рабами, готовыми служить его страстям и жертвовать собой для удовлетворения его честолюбивых замыслов. Короче говоря, он сделал их извергами. Вдохновив их этим разбойничьим духом, он указал им на земли их соседей как на наследие, предназначенное для них самим богом.

Гордые покровительством Иеговы, евреи ринулись в бой, небо разрешало им зверства и вероломство, религия в союзе с жадностью заглушила в них голос природы, и под предводительством своих жестоких вождей они истребили народы Ханаана с варварством, возмущающим каждого человека, в котором религия не убила разум. Это было неизрекаемое имя бога евреев, они не дерзали произносить его. Обычно его называли Адонай, именем, которое удивительно походит на Адониса финикийян. См. мое «Исследование о происхождении восточного деспотизма».

В своем неистовстве, предписанном самим небом, эти чудовища не щадили даже грудных младенцев. Занятые города безжалостно разрушались. По приказанию бога и его пророков евреи изменяли данному слову и совершали неслыханные насилия и жестокости. Чтобы получить представление о свирепости евреев, прочитайте о поведении Моисея и Иисуса Навина и о приказах, которые бог воинств дает Самуилу в 1 кн. Царств, гл. XXV, ст. 23 и 24: бог приказывает здесь истреблять всех, не исключая женщин и детей. Саул был отвергнут потому, что пощадил жизнь короля амалекитян. Давид был послушным учеником своего свирепого бога, расправа его с аммонитянами возмущает естественное чувство человека. См.

II кн. Царств, гл. XII, ст. 31. Тем не менее этого Давида ставят в пример царям. Несмотря на свое возмущение против Саула, на свои разбой и прелюбодеяния, на свое жестокое вероломство по отношению к Урии, он был назван «богоугодным мужем». См. «Словарь» Бейля, ст. «Данил».

Разбойники, захватчики и убийцы — евреи утвердились, наконец, в этой не очень плодородной стране, показавшейся им после пустыни раем. Там под властью своих жрецов, видимых представителей их невидимого бога, они основали государство, которое вызывало проклятие соседей и всегда было предметом их ненависти или презрения. Этот слепой и дикий народ долгое время находился под управлением жрецов (так называемая теократия). Жрецы уверили его, что в лице своих священников он повинуется самому богу. Однако, несмотря на силу суеверия, пришло время, когда еврейский народ под давлением обстоятельств, или, быть может, устав от ига священства, пожелал иметь царя по примеру других народов. Но для выбора царя он нашел нужным обратиться к пророку. Так пошло начало царской власти у евреев. Однако жрецы, визионеры и честолюбивые пророки то и дело вмешивались в начинания царей; они создавали бесконечные препятствия для царей, которых находили недостаточно послушными их золе. Во все периоды еврейской истории мы видим либо царей, слепо повинующихся священству, либо царей, вечно ведущих войну с ним и погибающих под его ударами.

Дикое и смешное суеверие еврейского народа сделало его прирожденным врагом рода человеческого и предметом общего презрения. Этот народ всегда восставал и всегда терпел насилия со стороны завоевателей его жалкой страны. Он по очереди находился в рабстве у египтян, вавилонян и греков, испытывал без конца самое жестокое обращение, вполне им заслуженное. Он часто изменял своему богу, отвращался от него вследствие его жестокости и тирании его жрецов. Никогда не был покорен своим царям; последние тщетно укрощали его железной рукой, им не удавалось привязать его к себе. Евреи всегда были жертвой своих пророков, которые водили их за нос; в величайших бедствиях упрямый фанатизм, бессмысленные упования и неистощимое легкоеверие поддерживали евреев против ударов судьбы. Наконец, вместе со всем миром Иудея подпала под власть римлян.

Новые господа презирали евреев и обращались с ними сурово и высокомерно; закон евреев предписывал им ненавидеть их в душе своей. Ожесточенные несчастьем, евреи стали лишь еще более непокорными, еще более слепыми фанатиками. Еврейский народ, гордый обетованиями своего бога, уповая на пророчества, всегда

возвещавшие ему счастье, которого он ни разу не сподобился, подстрекаемый фанатиками и шарлатанами, игравшими на его легковерии, всегда ожидал мессии, царя-освободителя, который должен избавить его от ненавистного ига и сделать его владыкой всех народов мира.

ГЛАВА 3.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСТВА.

Среди этого народа, столь склонного обманывать себя надеждами и призраками, объявился новый озаренный, последователям которого суждено было изменить лицо земли. Бедный еврей, утверждавший, что происходит от царской крови Давида, он долгое время оставался неизвестным в своей собственной стране, но вдруг вышел из своей глуши и стал привлекать к себе приверженцев. Евреи говорят, что Иисус был сыном солдата по имени Пандира или Пантер, соблазнившего завивальщицу Марию, жену некоего Иоханана. По словам других, Пандира несколько раз пользовался благосклонностью Марии, которая по ошибке принимала его за своего мужа; когда она забеременела, обманутый муж ушел в Вавилон. Третьи утверждают, что Иисус изучил в Египте магию, оттуда пришел в Галилею заниматься своим искусством и был предан здесь смерти. См. Пфейффер «The ol. Iudaiioa et Mflhomecicaie etc. piinoipila». Uipsrtae. 1687.

Другие уверяют, что Иисус был бандитом и стоял во главе воровской шайки. См. Гемару. Он находил их среди самой невежественной черни; ей он проповедовал свое учение, ее он уверил, что он — сын божий, освободитель угнетенного народа, мессия, возвещенный пророками. Его ученики - обманщики или обманутые — приводили яркие свидетельства его могущества; они утверждали, что его божественная миссия была доказана бесчисленными чудесами. Только одно чудо было ему не под силу: он не мог убедить евреев. Они не только не были тронуты его благими делами и чудесами, но предали его позорной казни. Сын божий умер на глазах у всего Иерусалима; но приверженцы его уверяли, что он тайно воскрес через три дня после своей смерти. Видимый только им и невидимый народу, который он пришел просветить и обратить в свое учение, воскресший Иисус якобы беседовал некоторое время со своими учениками; после этого он вознесся на небо, стал здесь богом, как и отец его, и разделяет с ним поклонение своих последователей. Ученики его нагромодили кучу небылиц и суеверий, сочинили догмы и таинства и таким образом постепенно создали религиозное учение, нескладное и аляповатое,

названное христианством по имени своего основателя Христа. Различные народы, которым поочередно были подвластны евреи, передали им множество догматов, взятых из языческих религий. Таким образом, иудейская религия, возникшая в Египте, переняла обряды, понятия и часть верований от тех народов, с которыми евреи приходили в соприкосновение. Поэтому не удивительно, что евреи и последовавшие за ними христиане прониклись идеями, заимствованными у финикийцев, у персидских магов, у греков и римлян. Религиозные заблуждения людей обладают общими чертами и различаются только по своим комбинациям. Сношения евреев и христиан с греками познакомили их, в частности, с философией Платона, столь близкой восточной романтике и столь родственной по духу религии, которая вменяла себе в обязанность стать недоступной для разума. Ориген говорит, что Цельс упрекал Иисуса Христа в заимствованиях у Платона. См. (Drug., contra Cets. 1, 6. Св. Августин признается, что нашел у Платона начало евангелия св. Иоанна. См. Aug. Conf., кн. VII, гл. 9, 10, 20. Понятие о слове явно заимствовано у Платона; ниже мы покажем, что с тех пор церковь очень многое заимствовала у этого философа. И вот Павел, самый активный и восторженный из учеников Христа, понес его учение, сдобренное экзальтацией и чудесами, народам Греции, Азии и даже жителям Рима. У него были последователи, так как каждый, обращающийся к фантазии темных людей, привлечет их к себе; этот неутомимый апостол может по праву считаться основателем христианской религии — без него она не могла бы распространиться, так как его невежественные товарищи не обладали для этого достаточными данными; Павел и не преминул отделиться от других апостолов, чтобы стать во главе своей секты. Эбиониты, или первые христиане, считали св. Павла вероотступником и еретиком, так как он совсем отошел от Моисеева закона, который другие апостолы хотели лишь реформировать. Так или иначе, христианство при своем зарождении вынуждено было обращаться только к простонародью; новую веру принимали только подонки среди евреев и язычников; на людей этого склада больше всего действует чудесное. Первых христиан презрительно называли эбионитами. Это слово означает — нищие. См. Отля, contra Gelsum, кн. II и Euseb. Hist, eccles., кн. III, гл. 37. Эбион означает по-еврейски — бедный. Впоследствии из этого слова сделали имя легендарного лица и обозначали им еретика Эбиона, главу секты. Как бы то ни было, христианская религия должна была в первую очередь быть по сердцу рабам, которые были исключены из священнодействий и едва признавались за людей; она говорила им, что придет и их время и что в будущей жизни они будут

счастливее своих господ. Страдающий бог, невинная жертва злобы людей, враг богачей и сильных мира сего, должен был стать утешением для несчастных. Суровые нравы, презрение к богатству, кажущееся бескорыстие первых проповедников евангелия, стремившихся только управлять душами, равенство, которое религия провозглашала среди людей, общность имуществ, взаимопомощь и солидарность членов этой секты — все это весьма способно было возбудить желания неимущих и умножить число христиан. Честные души привлекала проповедь единения, согласия и взаимной любви, с которой постоянно обращались к первым христианам. Покорность властям, долготерпение в страданиях, нищета и темнота христиан делали эту новую секту не опасной в глазах режима, привыкшего терпеть всякого рода секты. Итак у основателей христианства был большой наплыв приверженцев из народа; противниками и врагами выступали только некоторые языческие жрецы и евреи, заинтересованные в сохранении существующих религий. Мало-помалу новая вера, под покровом тайны и невзрачности своих последователей, пустила весьма глубокие корни и достигла такого распространения, что ее уже нельзя было подавить. Римское правительство слишком поздно заметило успехи презираемой им секты. Ставши многочисленными, христиане осмелились выступить против языческих богов, даже в самых храмах. Встревоженные этим, императоры и власти пытались уничтожить секту, внушавшую им опасения. Христиан нельзя было урезонить мерами увещания, фанатизм делал их упорными; начались преследования. Но казни вызывали сочувствие к христианам, преследования лишь увеличивали число симпатизирующих; кроме того, стойкость христиан во время пыток казалась очевидцам сверхъестественной, идущей от божества. Энтузиазм мучеников заражал других, и тирания лишь создавала новых защитников секты, которую она хотела задушить. Итак, перестаньте превозносить перед нами чудесные успехи христианства. Оно стало религией неимущих, оно провозглашало нищего бога, бедняки проповедовали эту религию беднякам и невеждам, она давала им утешение в их положении, сами мрачные идеи ее отвечали душевному состоянию этих жалких и несчастных людей. Столь прославленная солидарность первых христиан тоже не представляет ничего чудесного: члены секты, только что народившейся и преследуемой, держатся друг за друга и избегают раздоров. В эту раннюю эпоху священники новой секты, сами преследуемые в качестве бунтовщиков, вряд ли могли бы проповедовать нетерпимость и гонения. Наконец, преследования первых христиан не могли заставить их отказаться от своих

взглядов, так как тирания вызывает возмущение и дух человека неукротим, когда затрагивают взгляды, с которыми он связывает свое вечное спасение. Таковы неминуемые последствия гонений. Однако христиане до сих пор не излечились от мании гонений, хотя пример их собственной секты должен был бы научить их уморазуму.

Римские императоры сами стали христианами, были увлечены общим потоком, который заставил их прибегнуть к помощи этой могущественной секты. Они возвели на трон новую религию, покровительствовали церкви и ее священнослужителям.

Императоры желали, чтобы их приближенные косо смотрели на тех придворных, кто оставался верен старой религии; постепенно они дошли до того, что стали возбранять языческую религию, и в конце концов она была запрещена под страхом смерти. Люди, исповедывавшие веру своих предков, безжалостно преследовались; христиане с лихвой воздали тогда язычникам за мучения, которые претерпели от них. По всей Римской империи свирепствовали мятежи, вызванные безудержным рвением императоров и тех миролюбивых священников, которые недавно проповедовали только кротость и милосердие. Из политических соображений или из суеверных побуждений императоры осыпали своими милостями и щедротами духовенство, которое, однако, нередко оказывалось неблагодарным. Императоры сами утвердили власть духовенства, а потом преклонялись перед ней, как перед установленной богом. Священнослужители были освобождены от всех гражданских обязанностей, дабы ничто не отвлекало их от службы божьей. Таким образом, первосвященники секты, некогда презренной и угнетенной, стали совершенно независимыми. С течением времени они стали могущественнее королей и присвоили себе право командовать ими. Эти слуги бога, обещавшие людям мир; почти всегда враждовали между собой и заразили народы своими страстями и иступленным фанатизмом. Религия благодати явила изумленному миру зрелище таких раздоров и бедствий, которых он никогда не испытывал прежде при мирных божествах, без всякого спора деливших между собой поклонение людей.

Такова была эволюция этого суеверия, безобидного вначале, но впоследствии не только не давшего людям счастья, а ставшего для них яблоком раздора и обильным источником несчастий.

Мир на земле и в человецех благоволение. Так возвещало евангелие, из-за которого было пролито больше крови, чем из-за всех других религий мира, вместе взятых. Возлюбите бога вашего всем сердцем и разумением своим и ближнего вашего, как самого себя. Согласно христианскому богу и законодателю, к этому сводятся добродетель и

долг христианина. Но что мы видим в действительности? Христиане лишены возможности любить свирепого и сурового бога-самодура, которому они поклоняются; а что касается любви к ближнему, то они только и делают, что мучают, преследуют и истребляют своих ближних, своих братьев. По какой превратности судьбы религия, дышащая кротостью, миром, смирением, прощением обид, покорностью властям предержавшим, тысячу раз становилась сигналом раздоров, безумств, возмущений и войн и самых гнусных преступлений? Каким образом служители этого бога мира и всепрощения могли именем его сеять смуту в обществе, изгнать из него гуманность, санкционировать самые неслыханные злодеяния, заставить граждан пойти брат на брата, оправдывать цареубийство? Чтобы объяснить эти противоречия, достаточно бросить взгляд на бога, которого христиане унаследовали от евреев. Не довольствуясь теми отвратительными чертами, которыми изобразил его Моисей, христиане представили его образ в еще более ужасном свете. Законодатель евреев говорит только о преходящих карах в этой, земной жизни; варварский бог христиан не знает меры своей ярости, он мстит во веки веков. Христианский фанатизм строится на возмутительной идее ада, в котором их бог превращается в неумолимого и неправого палача, упивается слезами своих жалких созданий; этот бог продлил существование людей за пределы земной жизни, чтобы увековечить их страдания. Упиваясь мезтью, он наслаждается адскими муками грешников, слух его улаждают тщетные вопли его узников, поджариваемых на вечном огне. Несчастливых не поддерживает надежда на прекращение их мучений. Короче говоря, христианство, переняв грозного еврейского бога, еще перещеголяло его свирепость. Оно рисует его в виде самого безумного, самого коварного и жестокого тирана, какого только может представить себе человеческое воображение. Христианский бог обращается с подвластными ему с жестокостью и несправедливостью, воистину достойными дьявола. Чтобы убедиться в этой истине, мы даем ниже очерк еврейской мифологии, перенятой христианами, которые внесли в нее еще больше сумасбродств.

ГЛАВА 4.

О ХРИСТИАНСКОЙ МИФОЛОГИИ, ИЛИ О ТЕХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ХРИСТИАНСТВО ДАЕТ НАМ О БОГЕ И ПУТЯХ ЕГО.

Непостижимым актом своего всемогущества бог извлек вселенную из небытия. Философы древности считали аксиомой, что из ничего

не может произойти ничего. Сотворение мира, как понимают его христиане нашего времени, то есть как извлечение из небытия, является богословской конструкцией довольно позднего времени. Встречающееся в книге Бытия слово «бара» означает: делать, устраивать, располагать уже существующую материю. Он создал мир и предназначил его быть обиталищем человека, сотворенного им по образу и подобию своему. Не успел этот человек, единственная цель трудов его бога, увидеть свет, как творец поставил ему ловушку, причем отлично знал, что человек не может не попасться в нее. Женщину обольстил змий, говорящий по-человечески, причем это последнее обстоятельство несколько не поразило ее. По наущению змия женщина уговорила своего мужа вкушать плод, запрещенный самим богом. Адам, от которого ведет начало род человеческий, совершил этот ничтожный проступок и этим навлек на себя и на свое невинное потомство множество зол, в том числе смерть, которая, однако, не прекращает их. По вине одного человека весь род человеческий стал предметом гнева господня; всемирный потоп был наказанием за это невольное умопомрачение. Бог жалеет, что заселил мир; ему легче потопить и истребить род человеческий, чем переложить гнев «а милость». Впрочем, несколько праведников спаслись от потопа. Но беспощадный в своей мстительности бог не довольствуется тем, что послал на землю потоп и уничтожил род человеческий. Рождаются новые люди; хотя они произошли от друзей бога, которых он спас от потопа, они опять раздражают бога новыми проступками. Всемогущему богу никогда не удастся сделать свою тварь такой, чтобы она отвечала его желаниям. Народы снова совратились с пути истины, и Иегова снова впал в гнев. Наконец, пристрастный в своей милости, он останавливает свой взор на одном идолопоклоннике-ассирийце, заключает с ним союз и обещает ему, что род его размножится, как звезды на небе или песчинки на дне морском, и милость божья всегда будет над ним. Этому избранному племени бог открывает свою волю; ради него он сотни раз нарушает установленные им законы природы; ради него он несправедлив и уничтожает целые народы. Однако это племя, удостоившееся особой милости бога, не стало от этого ни счастливее, ни преданнее своему богу; оно то и дело обращается к чужим богам, ожидает от них помощи, в которой ему отказывает собственный бог, оно оскорбляет этого бога, который может стереть его с лица земли. Этот бог то карает свой народ, то утешает его, то беспричинно ненавидит его, то дарит ему свою любовь, имея для этого не больше оснований. Не будучи в состоянии вернуть к себе этот неверный и все же

упорно любимый им народ, бог в конце концов посылает ему своего собственного сына. Но и его не слушают. Мало того! Этот возлюбленный сын божий, равный богу-отцу, был предан смерти народом, упорно любимым этим последним. Для бога оказалось невозможным спасти род человеческий, не пожертвовав своим собственным сыном. И вот невинный бог становится жертвой своего любящего отца, бога праведного. Оба они идут на эту странную жертву, бог считает ее необходимой, хотя знает, что она окажется бесполезной для этого зачерствелого народа, который уж ничто не исправит. Но, может быть, смерть бога, бесполезная для Израиля, по крайней мере послужит для искупления грехов человечества? Несмотря на вечный союз, который бог торжественно клялся соблюдать и неоднократно возобновлял впоследствии, бог в конце концов покинул свой избранный народ, так как не мог вернуть его на путь истины. Заслуга страданий и смерти сына божьего распространяется теперь на народы, которые прежде были исключены из милостей божьих. Эти народы примирились с небом, оно относится теперь к ним с большей справедливостью; человечество снова входит в милость. Однако, несмотря на все усилия божества, милости его напрасны, люди продолжают грешить и гневить бога, по-прежнему заслуживают вечных мук, предназначенных для большинства людей.

Такова подлинная история бога, «а котором зиждется христианство. Бели сам бог поступает столь жестоко, столь нелепо и бессмысленно, удивительно ли, что поклонники его не имеют понятия о своем долге, не признают справедливости, попирают ногами гуманность и в своем фанатизме всячески стараются уподобиться своему жестокому божеству? Удивительно ли, что они берут пример со своего бога? Вправе ли человек, ожидать снисхождения от бога, не пощадившего своего собственного сына? Спрашивается, проявит ли милосердие к ближнему христианин, верующий в эту басню? Не должен ли он возомнить, что самый верный путь угодить богу — это быть столь же жестоким, как его свирепый бог? В смерти сына божьего усматривают несомненное доказательство благодати бога. Не вернее ли видеть в ней несомненное доказательство его лютости и беспощадной мстительности? Один добрый христианин говорил, умирая, что никогда не мог понять, как всеблагий бог мог послать на смерть невинного бога, чтобы умиловать бога праведного».

Во всяком случае ясно, что у последователей подобного бога мораль должна быть шаткая и неустойчивая. В самом деле, этот бог не всегда жесток и несправедлив; поведение его неровно. То он создал всю природу для человека, то создал человека словно только для

того, чтобы изодрать на нем свой дикий произвол; то печется о человеке, несмотря на его грехи, то из-за яблока осуждает весь род человеческий на муку. Наконец, в душе этого неизменного бога царят то гнев, то любовь, то мщение, то милосердие, то злоба, то благоволение. Поведение его никогда не отличается постоянством, свойственным мудрости. Он лицеприятен в пользу одного народа, достойного презрения, и беспричинно жесток ко всему остальному человечеству, он приказывает совершать обман, воровство, убийства, велит своему избранному народу идти, не моргнув глазом, на самые злые дела: на вероломство и издевательство над международным правом. В других случаях он, напротив, возбраняет все это, требует от людей справедливости, предписывает им воздерживаться от всего, что вносит смуту в общество. Этот бог, который в одно и то же время называется богом мести и богом милосердия, богом воинств и богом мира, постоянно меняет свое лицо; стало быть, он предоставляет каждому верующему поступать по своему усмотрению, и мораль христианина становится шаткой и произвольной. Удивительно ли после этого, что христиане до сих пор никак не могли столкнуться между собой, что более угодно их богу: веротерпимость или уничтожение инакомыслящих? Другими словами, для них является проблемой, что целесообразнее: резать и убивать инакомыслящих или оставлять их в покое и проявлять к ним гуманное отношение?

Среди христиан нет недостатка в попытках оправдать странное и часто несправедливое поведение бога в священном писании. Бог — говорят они — неограниченный владыка над своими творениями, он может распоряжаться ими, как ему угодно, и нельзя требовать от него ответа в его действиях и обвинять его в несправедливости; правосудие божие и правосудие человеческое — различные вещи; не человеку порицать бога. Легко увидеть неудовлетворительность этого ответа. В самом деле: люди приписывают богу справедливость, но они могут иметь представление об этой добродетели только при предположении, что она по своим проявлениям походит на справедливость у людей. Если у бога другая справедливость, то мы не можем знать, в чем она заключается, стало быть, приписываем ему качество, о котором не имеем никакого представления. Если нам скажут, что бот не связан никакими обязанностями по отношению к своим созданиям, то это, другими словами, означает, что бог—тиран, который руководится только своим произволом. А в таком случае бог не может служить образцом для нашей справедливости и между богом и нами не может быть никаких отношений, потому что всякие отношения должны быть взаимными. Если бог не имеет обязанностей по

отношению к людям, то как можем мы иметь какие-либо обязанности перед богом? Если, как нам твердят, люди перед богом подобны глине в руках горшечника, то между людьми и богом не может быть никаких моральных отношений. А между тем каждая религия строится на этих отношениях. Итак, кто заявляет, что бог не имеет обязанностей перед своими созданиями и что его справедливость не тождественна с человеческой, тот разрушает основы всякой справедливости и всякой религии, предполагающей, что бог награждает людей за добрые дела и карает за дурные. Нам не преминут возразить, что бог проявит свою справедливость в будущей жизни. Допустим; но мы не можем называть его справедливым в этой жизни, где так часто добродетель угнетена, а порок вознагражден. Пока продолжается такое положение вещей, мы не можем приписывать справедливость богу, который хотя бы только в этой жизни — а мы можем судить только о ней — позволяет себе временные несправедливости, с тем чтобы — как предполагают — исправить их в другой жизни. Да и это последнее предположение весьма произвольно. Если бог мог согласиться быть несправедливым хотя бы одно мгновение, то откуда у нас уверенность, что так не будет и впредь? К тому же, как согласовать такое непостоянство с неизменностью бога?

Все сказанное нами о справедливости бога может быть применено также к приписываемой ему благодати, на которой люди строят свои обязанности перед богом. В самом деле, если этот бог всемогущ, если он творец всего сущего, если ничего не делается помимо его воли, как можем мы приписывать ему благодать в мире, в котором все его создания подвержены постоянным страданиям, жестоким болезням, физическим и душевным потрясениям и, наконец, смерти? Люди могут приписывать богу благодать только по получаемым от него благам; с того момента, как они испытывают страдание, он для них уже не благой бог. В защиту благодати бога богословы рассуждают следующим образом: они отрицают, что бог — виновник зла, и приписывают последнее злему гению, заимствованному у религии древних персов (*magisme*); этот злой гений постоянно стремится вредить людям и сводить на нет благоприятные для них предначертания божественного провидения. Бог — утверждают эти богословы — не есть виновник зла, он только допускает его. Но неужели они не видят, что для бога допустить зло—все равно, что совершить его? Ведь бог всемогущ и, стало быть, в его власти воспрепятствовать злу! К тому же, если благодать бога могла изменить себе хоть на одно мгновение, где у нас уверенность, что она не будет всегда изменять себе? Наконец, как согласовать в христианской религии с благодатью или премудростью

бога его неоднократные зверские поступки и его кровожадные приказы, о которых мы читаем в священном писании? Как может христианин приписывать благодать богу, который создал подавляющее большинство людей только для того, чтобы осудить их на вечные муки ада?

Нам, конечно, скажут, что пути господа неисповедимы, что человек не должен дерзать проникнуть в эту тайну, что слабому разуму нашему не дано постичь глубину божественной премудрости. Нам скажут, что мы должны молча преклоняться перед этой премудростью и с трепетом подчиняться велениям бога, который сам возвестил свою волю. Нам затыкают рот, заявляя, что божество открылось людям.

ГЛАВА 5.

ОБ ОТКРОВЕНИИ.

Как определить без помощи разума, правда ли, что божество открылось людям? А между тем ведь разум осужден религией! Она запрещает нам прибегать к разуму при оценке ее догматов, построенных на чуде; она то и дело обрушивается против суетного разума, объявляет его немощным и беспомощным, часто видит в нем бунт против бога. Для того чтобы судить о божественном откровении, надо иметь правильное представление о божестве. Но откуда почерпнуть это представление, как не в том же откровении, так как наш слабый разум не может подняться до познания всевышнего? Итак авторитет откровения должен доказываться самим откровением. Это порочный круг, однако мы все же сделаем попытку: заглянем в книги, которые должны просветить нас и которым мы должны подчинить свой разум. Находим ли мы в них отчетливые представления о боге, слово которого возвещается в этих книгах? Как быть с его атрибутами? Этот бог наделен ворохом противоречивых свойств, делающих из него неразрешимую загадку. Если предположить, как это делается, что откровение исходит от самого бога, то как положиться на христианского бога, который рисуется здесь несправедливым, коварным, скрытным, расставляющим сети людям? Этому богу доставляет удовольствие обольщать людей, ослеплять и ожесточать их, он обманывает их своими знаменами, вводит их в заблуждение, наводит на них ослепление. Священное писание и отцы церкви всегда изображают бога в качестве обольстителя. Он допустил, чтобы змий обольстил Еву; он ожесточил сердце фараона; Иисус Христос является камнем преткновения. Вот под каким углом зрения нам изображают божество.

Итак, человек, желающий удостовериться в истинности христианского откровения, с первых же шагов попадает в тупик и охвачен недоверием. Как знать, не намерен ли открывшийся ему бог обмануть его, как он, по своему собственному признанию, обманул уже столь, ко других людей? Человек должен ожидать этого, когда вспомнит про нескончаемые споры своих духовных пастырей, никак не сталкивающихся о том, в каком смысле следует понимать подлинные слова божества.

Сомнения и опасения человека, добросовестно изучающего христианское откровение, усугубляются еще тем обстоятельством, что бог пожелал открыться только некоторым избранным лицам и остаться скрытым для остальных людей, хотя они одинаково нуждались в его откровении. Как знать, не принадлежишь ли ты к числу тех людей, которым твой лицепрятный бог не пожелал открыть себя? Душа человека не может не смутиться при мысли, что бог открывает себя и возвещает свою волю только ничтожной горсти людей в сравнении со всем родом человеческим. Человеку трудно устоять против искушения и не обвинить в злобе и жестокосердии этого бога, обрекавшего веками столько народов на неизбежную гибель тем, что он не открылся им. Какое представление можно составить себе о боге, который карает миллионы людей за то, что они не знали его тайных заповедей и не следовали им, о боге, который карает их за это, хотя объявил эти заповеди лишь тайком, в глухом и безвестном уголке Азии?

Итак, даже когда христианин обращается к своим богооткровенным книгам, он не может не проникнуться недоверием к богу, говорящему в них; все внушает ему недоверие к моральному характеру этого бога; все оказывается ненадежным; его бог совместно с истолкователями его воли как бы задался целью усугубить его неведение, погрузить его ум в еще больший мрак. В самом деле, чтобы рассеять сомнения христианина, ему говорят, что воля божья, поведенная нам в откровении, является тайной, то есть непостижима для ума человеческого. Но в таком случае зачем было открываться людям? Неужели бог открылся людям только для того, чтобы не быть понятым ими? Это было бы смешно и нелепо. Утверждать, что бог открылся людям только для того, чтобы поведать им тайны, все равно, что сказать: бог открылся нам только для того, чтобы остаться непознанным, чтобы скрыть от нас свои пути и усугубить нашу темноту и мрак, в котором мы бродим. Истинное откровение, исходящее от праведного и благого бога и необходимое всем людям, должно были бы быть столь ясным, чтобы все могли понять его. Можно ли оказать это об откровении, на котором зиждутся еврейская и христианская религия? Элементы

Евклида понятны каждому, кто хочет понять их; его произведение не вызывает никаких опоросов среди геометров. Обладает ли библия такой же ясностью? Разве не вызывают ее богооткровенные истины вечные споры среди богословов, объявляющих их нам? По какой превратности судьбы священное писание, результат откровения самого божества, нуждается еще в комментариях и в наитии свыше, чтобы люди могли понимать его и верить в него? Не странно ли: это писание должно служить руководством всем людям, а между тем его никто не в состоянии уразуметь! Не жестоко ли, что самое важное для людей менее всего известно им? В религии, данной всевышним для просветления рода человеческого, все оказывается тайной, темным, спорным, ненадежным. В Ветхом и Новом завете заключаются насущные истины для человечества, а между тем никто не в состоянии понять их; каждый толкует их по-своему, богословы никак не могут спеться относительно правильного толкования их. Не довольствуясь тайнами в священном писании, попы из века в век сочиняли новые тайны, и христиане обязаны верить в них, хотя божественный основатель их религии ни разу не говорит об этих тайнах. Христианину возбраняется сомневаться в тайнах троичности божества и воплощения, а также в действительности святых таинств, а между тем Иисус Христос никогда не высказывался по этим вопросам. В христианской религии все, как видно, предоставляется фантазии и вымыслам попов, их произвольным постановлениям; попы присваивают себе право сочинять тайны и догматы, следуя своим интересам. Таким образом, откровение становится хроническим, проводником его является церковь, якобы вдохновенная богом. Вместо того, чтобы просвещать свою паству, она лишь сбивает ее с толку и заставляет бродить во мраке. Таковы результаты откровения, на котором зиждется христианство и в действительности которого нам возбраняется сомневаться. Бог, видите ли, сам открылся людям. Но когда это было? Он открылся тысячи лет назад нескольким избранникам, которых сделал своими орудиями. Но можно ли удостовериться в этом иным путем кроме свидетельства этих же людей, утверждающих, что бог поведал им свою волю? Эти глашатаи воли божества не более как люди; не свойственно ли людям обманывать самих себя и других? Где у нас залог, что мы можем довериться этим людям, которые сами о себе свидетельствуют? Где гарантия, что устами их действительно глаголет бог? Почему знать, не являются ли они жертвой своего разгоряченного воображения, жертвой иллюзии? Как установить теперь, действительно ли тысячи лет назад Моисей беседовал с богом и получил от него закон для еврейского народа? Какой темперамент был у этого Моисея? Был ли он флегматиком или

сангвиником, искренним или двуличным, честолубцем или идеалистом, правдивым или лживым? Можно ли положиться на слова человека, который, совершив столько чудес, все же никак не мог отвратить свой народ от служения кумирам? Можно ли верить человеку, который, поразив острием меча сорок семь тысяч израильтян, имеет наглость объявлять себя кротчайшим из людей? Подлинны ли книги, приписываемые этому Моисею и сообщающие столько фактов, случившихся уже после его смерти? Наконец, где у нас доказательство его миссии, кроме свидетельства шестисот тысяч грубых, невежественных израильтян, суеверных и легковерных? Они могли быть введены в заблуждение своим жестоким законодателем, рука которого ни разу не дрогнула при истреблении непокорных. Они и не знали, что будет впоследствии написано об их великом законодателе.

А как христианская религия доказывает нам божественную миссию Иисуса Христа? Известны ли нам его характер и темперамент? В какой мере можем мы положиться на свидетельство его учеников, которые, по их собственному признанию, были людьми простыми и необразованными и, следовательно, легко могли попасться на удочку ловкого шарлатана? Не следует ли больше доверять свидетельству самых образованных людей в Иерусалиме, чем словам нескольких невежд, обычно оказывающихся жертвами первого встречного обманщика? Это ведет нас к рассмотрению тех доказательств, на которых основывается христианская религия.

ГЛАВА 6.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ: О ЧУДЕСАХ, О ПРОРОЧЕСТВАХ, О МУЧЕНИКАХ.

В предыдущих главах мы видели, что у нас имеются законные основания подвергать сомнению еврейское и христианское откровения. Впрочем, в этом отношении у христианства нет преимущества перед любой другой религией; все они, при всем различии между собой, объявляют себя богоустановленными и монопольными обладательницами милости божьей. Индус уверяет, что его религия установлена самим Брамой. Народы Скандинавии получили свою религию от грозного Одина. Если евреи и христиане получили ее от Иеговы через посредство Моисея и Иисуса Христа, то магометанин уверяет, что его религия дана ему пророком, получившим вдохновение от того же бога. Таким образом, все религии утверждают свое небесное происхождение, все они запрещают обращаться к разуму для проверки их священных притязаний, каждая из них объявляет себя истинной религией, а все

остальные религии ложными, все они грозят громами небесными тем, кто откажется подчиняться их авторитету. Наконец, все они носят печать лживости; вот доказательства: сплошь да рядом все религии состоят из явных противоречий, все они дают нескладные, темные и подчас отвратительные представления о божестве, приписывают ему несуразные законы, все они вызывают опоры среди своих последователей, и, наконец, все религии до единой представляют собой оплошное нагромождение лжи и фантазии, одинаково возмущающих разум. Итак, притязания христианской религии не имеют никакого преимущества перед другими суевериями, которыми наводнен мир. Божественное происхождение ее оспаривается у ней всеми прочими религиями с таким же правом, с каким она оспаривает его у них.

Почему же остановить свой выбор на христианской религии? Как доказать правоту ее притязаний? Есть ли у нее отличительные черты, которые заставляют отдать ей предпочтение? В чем они заключаются? Познаем ли мы в ней лучше, чем в прочих религиях, сущность и природу божества? Увы, последнее оказывается в ней еще более непостижимым; она рисует нам бога как тирана-самодура, прихоти которого иногда благоприятны людям, но чаще всего идут им во вред. Способствует ли эта религия нашему совершенству? Увы! Мы видим, что она всюду сеет раздор среди людей, поднимает брата на брата, делает людей нетерпимыми, заставляет их быть палачами своих ближних. Способствует ли она процветанию и могуществу государств? Всюду, где она господствует, народы порабощены, обессилены, лишены активности и энергии; они прозябают в постыдной косности, погружены в спячку, не имеют представления об истинной морали. Итак, что же говорит в пользу превосходства христианства над другими религиями? Нам указывают на христианских мучеников. Но мы находим чудеса, пророчества и мучеников во всех религиях мира. Повсюду хитрые и ловкие люди обманывают темный народ различными проделками и фокусами, которые кажутся ему сверхъестественными, потому, что он не знает тайн природы и ухищрений искусства.

Евреи ссылаются на чудеса, которые творил Моисей. Но я знаю, что эти мнимые чудеса творились перед самым невежественным, тупым, жалким народом, готовым поверить во все, что угодно; его свидетельство не имеет для меня значения. К тому же, можно подозревать, что эти чудеса были внесены в священные Книги евреев много времени после смерти людей, которые могли бы опровергнуть их. В доказательство чудес Иисуса Христа христианин сошлется на Иерусалим и на свидетельство всей Галилеи; но и здесь речь идет только о свидетельстве невежественной черни.

Спрашивается: как было возможно, что весь народ, свидетель чудес мессии, согласился на казнь его и даже требовал ее с остервенением? Потерпит ли народ Лондона или Парижа, чтобы на его глазах предали смерти человека, воскрешавшего мертвых, возвращавшего зрение слепым, исцелявшего хромых и расслабленных? Раз евреи требовали смерти Иисуса, то для всякого непредубежденного человека отпадают все его чудеса.

С другой стороны, чудесам Моисея и Иисуса можно противопоставить чудеса, которые Магомет творил на главах у всего населения Мекки и Аравии. Чудеса Магомета, по крайней мере, возымели свое действие и убедили арабов, что он посланец божий. Но чудеса Иисуса никого не убедили в его божественной миссии; даже сам св. Павел, который стал самым восторженным из его учеников, не был убежден этими чудесами, хотя в его время существовало столько свидетелей их; понадобилось новое чудо, чтобы обратить его. На каком же основании от нас требуют веры в чудеса, которые не обладали убедительной силой даже во времена апостолов, когда еще должна была быть свежа память о них!

Да не говорят нам, что чудеса Иисуса Христа засвидетельствованы с такой же достоверностью, как любое событие светской истории, и что сомневаться в них так же смешно, как подвергать сомнению существование Сципиона или Цезаря, о которых мы тоже знаем лишь со слов историков. Существование рядового гражданина, полководца, героя не представляет ничего невероятного; другое дело—чудеса. Чтобы поверить в сверхъестественный факт требуются более сильные свидетельства, чем для признания того, что не включает в себе ничего невероятного. Легко поверить в существование Аполлония Тианского; в этом отношении я доверяю Филострату, так как в самом факте существования Аполлония нет ничего противоречащего разуму; но я не верю рассказу того же Филострата о чудесах, творимых Аполлонием. Я верю, что Иисус Христос умер, но не верю в его восстание из гроба. Мы придаем веру рассказу Тита Ливия о правдоподобных событиях, но с презрением отвергаем его сообщения о чудесах.

Талантливейшие люди нередко оказываются поразительно легковерными; само христианство дает нам бесчисленные примеры этого. В области религии все свидетельства подозрительны; самый просвещенный человек теряет меру вещей, когда впадает в экстаз, охвачен фанатизмом и становится жертвой своего воображения. Чудеса невозможны; бог не был бы неизменным, если бы изменял естественный ход вещей. Нам скажут, что бог и избранники божьи, не изменяя естественного порядка вещей, могут найти в природе пути, неизвестные другим людям; но в таком случае это не будут

сверхъестественные деяния, в них не будет ничего чудесного. Чудо противоречит непреложным законам природы; следовательно, и сам бог не может творить чудеса, не изменяя своей мудрости. Если умный человек увидит чудо, он вправе думать, что оно ему померещилось; он должен проверить, не вызвано ли данное из ряда вон выходящее и непонятное ему явление какой-нибудь неизвестной ему естественной причиной.

Но согласимся на мгновение, что чудеса возможны и что чудеса Иисуса Христа действительно были совершены им или, во всяком случае, рассказ о них не вставлен в евангелия в более поздний (период. В таком случае спрашивается: заслуживают ли веры свидетели, повествующие о них, и апостолы, бывшие очевидцами этих чудес, не следует ли отвести их свидетельства? Были ли это люди, достаточно просвещенные? По признанию самих христиан, это были темные люди, подонки общества; стало быть, люди легковверные и неспособные критически относиться к окружающему. Были ли эти свидетели беспристрастны? Нет; они, конечно, были чрезвычайно заинтересованы в чудесах, доказывающих божественность их учителя и истинность проповедуемой ими религии. Подтверждаются ли эти чудеса историками-современниками? Ни один из этих историков не упоминает о них. В таком суеверном городе, как Иерусалим, не нашлось ни одного еврея и ни одного язычника, которые слышали об этих явлениях, по своей необычности и многочисленности не имеющих прецедента в истории.

О чудесах Иисуса Христа всегда свидетельствуют только христиане. Нас уверяют, что в момент смерти сына божьего сотряслась земля, затмилось солнце и мертвые восстали из гробов. Почему же такие исключительные события отмечаются только несколькими христианами? Неужели только они одни заметили их? Нас уверяют, что Христос восстал из мертвых. Ссылаются на свидетелей: апостолов, женщин, учеников. Но не ясно ли, что если бы воскресший Христос торжественно появился на одной из площадей города, это имело бы более решающее значение, чем все тайные явления его людям, собирающимся основать новую секту. По словам св. Павла, христианская вера зиждется на воскресении Иисуса Христа; тем более важно было, чтобы этот факт был доказан народам самым ясным и несомненным образом. Василидиане и керинфяне, еретики времен раннего христианства, утверждали, что Иисус не умер и что вместо него был распят Симон Киренеянин. См. Eрдipham. tooeг. гл. 28. Как видим, еще в самом начале истории церкви нашлись люди, сомневавшиеся в смерти Иисуса Христа, а стало быть, и в его воскресении. А от нас требуют, чтобы мы верили

этому в наше время! Спасителя мира можно, пожалуй, упрекнуть в каких-то задних мыслях на том основании, что он явился только своим ученикам и любимцам. Выходит, что он не желал, чтобы все люди веровали в него? Мне возразят, что евреи, предавшие смерти Христа, не заслужили быть просветленными. Но в таком случае почему апостолы проповедовали им евангелие? Неужели они думали, что люди больше поверят их словам, чем своим собственным глазам?

В конце концов, надо думать, чудеса сочиняются только за неимением более солидных аргументов. Для признания истины и очевидного нет надобности в чудесах. Не странно ли, что божеству оказывается легче нарушить естественный ход вещей, чем преподавать, людям ясные истины, способные убедить их, добиться их призывания? Чудеса были сочинены только для того, чтобы доказать людям то, что невероятно; если бы к людям обращались с разумным делом, чудеса были бы не нужны. Итак, нечто невероятное служит для доказательства чего-то другого, тоже невероятного. Почти все обманщики, давшие народам религии, рассказывали им басни и небылицы, а потом совершали чудеса, чтобы люди поверили в эти небылицы. Вы не можете, говорили они, постичь то, что я говорю вам; но я доказываю вам истинность своих слов тем, что совершаю на ваших глазах то, чего вы не можете постичь. Народы шли на удочку этих аргументов; они не понимали, что чудеса не могут доказать невозможное и изменить природу истины. Какие чудеса ни проделывай человек или даже, если угодно, сам бог, эти чудеса никогда не докажут, что дважды два не равняется четырем или что три равны одному; не докажут, что бестелесное существо могло говорить с людьми, что мудрое, справедливое и благое существо могло приказывать людям совершать безумные и жестокие дела и т. д. Итак, чудеса не доказывают ничего кроме ловкости рук шарлатанов, которые этим обманом пытаются подтвердить свое ложное учение, и кроме глупого легковерия тех, кто идет на удочку этих шарлатанов. Эти последние всегда начинали с обмана, давали людям ложные представления о божестве, утверждали, что запросто беседуют с ним; чтобы доказать эти неправдоподобные басни, они совершали неправдоподобные дела и приписывали их всемогуществу существа, пославшего их.

Каждому чудотворцу надобно доказать не истину, а ложь. Истина проста и очевидна; за чудесным всегда скрывается ложь. Природа всегда правдива, законы ее всегда остаются верны себе. Утверждать, что бог совершает чудеса, значит утверждать, что бог сам себе противоречит, что он отказывается от установленных им законов природы и упраздняет человеческий разум, а ведь нам говорят, что

бог вдохнул разум в человека. Итак, только шарлатаны и обманщики могут требовать от нас, чтобы мы отказались от опыта и разума.

Мнимые чудеса христианства, точно так же как и всех других религий, покоятся, таким образом, только на легковерии, фанатизме и невежественности народа и на ловкости обманывающих его шарлатанов. Точно так же обстоит дело и с пророчествами. Во все времена люди стремились приподнять завесу над тайной будущего, и всегда находились лица, готовые служить им в этом. У всех народов мира мы находим чародеев, прорицателей, гадалей. Евреям в этом отношении повезло не более, чем татарам, неграм, дикарям и всем прочим народам на земле; у всех них были свои кудесники, готовые обманывать их за дары и приношения. Вскоре эти вещие люди поняли, что их предсказания должны быть неопределенны и двусмысленны, дабы их не могли опровергнуть факты. Не удивительно поэтому, что пророчества еврейских пророков темны и в них можно найти все, чего захочешь. Так, некоторые пророчества их христиане относят к Иисусу Христу, между тем как евреи не толкуют их в этом смысле и все еще ожидают своего мессию, пришедшего, по мнению христиан; уже 18 веков назад. Еврейские пророки всегда предсказывали своему беспокойному, недовольному своей долей народу пришествие избавителя; такого избавителя ожидали также римляне и почти все народы мира. Все люди надеются, что наступит конец их бедам — это естественная черта; все думают, что провидение не может отказать им в этом. Евреи, будучи более суеверными, чем все другие народы, и полагаясь на обетование своего бога, всегда чаяли пришествия мессии—завоевателя или царя, который изменит их судьбу и выведет их из их униженного положения.

Это понятно. Но как можно видеть этого избавителя в лице Иисуса, который не восстановил, а разложил еврейскую нацию, потерявшую после него милость своего бога?

Нам не преминут оказать, что и самый распад и рассеяние еврейского народа были в свое время предсказаны и являются ярким подтверждением христианских пророчеств. Я отвечаю на это, что не трудно было предсказать рассеяние и распад народа, всегда беспокойного, непокорного, восстававшего против своих повелителей, всегда (раздираемого внутренними распрями; к тому же, этот народ не раз подвергался чужеземному завоеванию и рассеянию; уже до Тита иерусалимский храм был разрушен Навуходоносором, который увел иудеев в плен в Ассирию и расселял их в своих владениях. Рассеяние евреев бросается нам в глаза, тогда как рассеяние других завоеванных народов не возбуждает нашего внимания; объясняется это тем, что последние по

прошествии некоторого времени почти всегда ассимилировались с народом-завоевателем, тогда как евреи никогда не смешиваются с народами, среди которых живут, всегда остаются обособленными. В подобном же положении находятся гебры и парсы в Персии и Индостане, а также армяне, живущие среди мусульман. Евреи остаются в рассеянии, потому, что лишены общественных задатков, нетерпимы и слепо привязаны к своим предрассудкам. Из Деяний апостолов явствует, что евреи находились в рассеянии еще до Иисуса Христа; на праздник «пятидесятницы» они стекаются в Иерусалим из Греции, Персии, Аравии и т. д. См. Деяния, гл. 8, ст. 8. Таким образом, после Христа только жители Иудеи были рассеяны римлянами.

Итак, христиане совершенно напрасно выезжают на пророчествах, содержащихся уже в Ветхом завете, напрасно также черпают в этих пророчествах аргумент в пользу своего превосходства над евреями, в которых видят хранителей ненавистной им религии. Иудея искони находилась в подчинении у жрецов, они оказывали очень большое влияние на государственные дела, вмешивались в политику и предсказывали счастливые или несчастные события. Ни в одной стране не было больше озаренных свыше, чем здесь. У пророков были свои школы, в которых они посвящали в тайны своего искусства тех, кого считали достойными этого; в эти школы шли люди, которые собирались сделать карьеру на обмане легковверного народа, добиться всеобщего уважения и жить за счет народа. Св. Иероним утверждает, что саддукеи не признавали пророков и из всего Ветхого завета признавали только пятикнижие Моисея. Додуэлль, *Di jure laicoorum*, говорит, что пророки склонны были вещать будущее только напившись вина. См. стр. 250. По-видимому, это были фигляры, поэты и музыканты, которые учились своему ремеслу, как и их собратья в других странах.

Искусство прорицания стало, таким образом, настоящим ремеслом или, если хотите, своего рода коммерцией; последняя была весьма выгодной и прибыльной среди жалкого народа, убежденного, что его бог только и думает, что о нем. Эта торговля обманом давала большие барыши, что должно было вести к раздорам среди еврейских пророков; и действительно, мы видим, что они хулят друг друга, каждый называет своего соперника лжепророком и утверждает про него, что он получил наитие от злого духа. Эти шарлатаны вечно бранились между собой за привилегию обманывать своих сограждан.

При ближайшем рассмотрении поведение этих прославленных ветхозаветных пророков не имеет ничего общего с добродетелью. Это — наглые жрецы, постоянно сующие свой нос в дела

государства и всегда умеющие связать их с религией; это — мятежные подданные, то и дело строящие козни против недостаточно покорных им государей; они срывали начинания государей, поднимали народ против царя, причем им нередко удавалось добиться его гибели и оправдать таким образом свои зловещие предсказания. Словом, большинство пророков, игравших роль в еврейской истории, — бунтовщики, неустанно стремящиеся к государственному перевороту, возбуждающие смуту, выступающие против государственной власти; жрецы всегда были врагами последней, если находили ее недостаточно податливой. Пророк Самуил, недовольный Саулом, который отказался исполнить его кровавые требования, объявил его лишенным царства и выдвинул против него соперника в лице Давида. Илия, по-видимому, просто был бунтовщиком, потерпел поражение в своей склоке с царями и вынужден был спасаться бегством от заслуженной кары. Иеремия не скрывает, что был изменником и сносился с ассирийцами, нападшими на его родину; все его мысли как бы направлены только к тому, чтобы лишить мужества своих соотечественников и убить у них волю к борьбе; он покупает поле у своих родственников, в то время как своим соотечественникам пророчески предсказывает, что они будут рассеяны по лицу земли и уведены в плен. Царь ассирийцев рекомендует этого пророка вниманию своего полководца Навуходоносора и велит последнему иметь о нем попечение. См. Иеремию.

Так или иначе, предумышленная двусмысленность пророчеств позволяет приложить пророчества о мессии, или освободителе, Израиля ко всякому незаурядному Человеку, ко всякому мечтателю или пророку, появлявшемуся в Иерусалиме или Иудее. Христиане, воспламененные своим Христом, видели его повсюду и вбили себе в голову, что определенно открыли его в самых загадочных местах Ветхого завета. С помощью аллегорических толкований, замысловатых комментариев и натяжек они уверили себя, что нашли подлинные предсказания пришествия Христа. Они нашли их в нескладных фантазиях, туманных пророчествах и несуразном пустословии пророков. При желании можно найти в Библии все, если поступать, как св. Августин, который нашел в Ветхом завете весь Новый завет. Согласно Августину, жертва Авеля есть прообраз жертвы Иисуса Христа, две жены Авраама, это — синагога и церковь; лоскут червлёной шерсти с помощью которого блудница предала Иерихон, означает кровь Иисуса Христа; агнец, козел, лев — образы Иисуса Христа; медный змий знаменует крестный путь Христа; даже таинства христианской религии возвещаются в Ветхом завете: манна означает евхаристию и

т. д. См. Sv Aiug. serin. 78 и его же ер. 156. Каким образом человек, будучи в своем уме, может видеть в Эммануиле, возвещаемом Исайей, мессию, имя которого Иисус? См. Исаяя, гл. 7, ст. 14. Как можно отождествлять безвестного, преданного казни еврея с царем, который будет править народом израильским? Как можно видеть царя-избавителя, восстановителя еврейского народа, в человеке, который не только не освобождает своих соотечественников, но пришел уничтожить закон Израиля, в человеке, после прихода которого небольшая Иудея была разгромлена римлянами? Только совершенно невменяемые люди могут видеть мессию и этих предсказаниях. Что касается пророчеств самого Иисус л. то, как видно, они тоже не были более ясными и более удачными. В евангелии от Луки, гл. 21, он, очевидно, возвещает страшный суд; он говорит об ангелах, которые при звуках труб соберут людей, чтобы они предстали перед ним. И прибавляет: истинно говорю вам, не пройдет род сей, как все это будет. Между тем мир все еще существует, и христиане миг уже восемнадцать веков ждут страшного суда.

Люди не очень требовательны насчет того, что отвечает их видам. Бели без предупреждения подойти к пророчествам ветхозаветных пророков, мы увидим в них только нескладные фрагменты, плод фанатизма и бреда; мы найдем эти пророчества темными и загадочными, как прорицания языческих оракулов; наконец, мы увидим, что эти мнимые небесные предостережения были не чем иным, как бредовым кошмаром и вымыслом нескольких людей, привыкших извлекать для себя пользу из легковерия суеверного народа, — этот народ верил в сны, видения, явления духов, колдовство и жадно слушал всякую ерунду, лишь бы она приправлена была элементом чудесного. Среди невежественных людей всегда будут являться пророки, озаренные, чудотворцы; эти профессии будут сходить на нет по мере роста просвещения народов.

Наконец, христианство доказывает истинность своих догматов ссылкой на множество мучеников, запечатлевших своей кровью истинность своих религиозных взглядов. Но на свете нет религии, которая не имела бы своих восторженных защитников, готовых доложить живот свой за идеи, от которых — так их уверили — зависит их вечное блаженство. Невежественный и суеверный человек упорно держится своих предрассудков; в своем легковерии он не подозревает, что его духовные пастыри могли обмануть его, гордость его не допускает мысли, что он мог дать себя в обман; наконец, если у него достаточно пылкое воображение и он видит отверстия небеса и в них бога, готового вознаградить его твердостью,

то нет такой пытки, которой он убоится и не перенесет. В своем исступлении он отнесется с презрением к кратковременным страданиям, будет улыбаться среди своих ладя чей; в своем ненормальном, полупомешанном состоянии он даже будет нечувствителен к физической боли. Окружающие умилены этим зрелищем, их восхищает эта поразительная стойкость, их заражает этот энтузиазм, они сами начинают верить, мужество мученика кажется им сверхъестественным, они видят в этом перст божий, безусловное доказательство правоты его взглядов, Таким образом, экстаз передается другим, как своего рода зараза. Стойкость всегда возбуждает сочувствие, и тирания своими гонениями создает симпатии в пользу гонимых, вербует им сторонников. Стойкость первых христиан, естественно, создавала прозелитов, и мученики ничего не доказывают, разве только силу и упорство ослепления и фанатизма, порождаемых суеверием, и жестокое безумство всех тех, кто преследует своих ближних за религиозные убеждения. Все сильные страсти создают своих мучеников. Гордость, тщеславие, предрассудки, любовь, стремление к общественному благу, даже преступление каждодневно создают мучеников или, во всяком случае, опьяняют людей, заставляют их бравировать опасностью. Не удивительно, что религиозный экстаз и фанатизм, две сильнейшие страсти человека, так часто заставляли идти на смерть людей, которых они опьяняли и окрыляли своими обещаниями. Впрочем, если христианство имеет своих мучеников и гордится ими, то разве не имеет их и еврейство? Разве несчастные евреи, осужденные инквизицией на сожжение, не являются мучениками своей религии, разве их стойкость не служит таким же доказательством в пользу их религии, как непоколебимость христианских мучеников доказательством в пользу христианства? Если мученики доказывают истинность данной религии, то нет такой религии и секты, которые нельзя было бы считать владеющими истиной.

Наконец, среди мучеников, которыми гордится христианство, — число их, возможно, преувеличивается, — были и такие, которые скорее являлись жертвами своего безрассудного рвения, своего строптивного, мятежного духа, а не своих религиозных убеждений. Сама церковь не решается оправдывать тех из них, которые в своем неистовстве порой нарушали общественный порядок, разбивали идолы, разрушали языческие храмы. Если видеть мучеников в людях такого пошиба, то в таком случае имели бы право на это имя нес мятежники, все разрушители общественного спокойствия, настигаемые рукой правосудия.

ГЛАВА 7.

О ТАЙНАХ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ.

Откровение означает, что человеку сообщают тайны, которых он не знал раньше. Спросите у христиан, в чем заключаются те важные тайны, которые должен был открыть им сам бог. Они скажут вам, что величайшая из этих тайн, имеющая самое насущное значение для человечества, это — тайна единства божьего. Они уверены, что люди не могли бы дойти до нее собственными усилиями. Однако мы вправе усомниться в этом утверждении. Не подлежит сомнению, что Моисей возвестил евреям единого бога, всеми силами старался восстановить их против идолопоклонства и многобожия других народов, и объявил верования и обряды последних мерзостью в глазах господина, выведшего евреев из Египта. Мало того; разве многие языческие мудрецы, без помощи еврейского откровения, не додумались до высшего бога, владыки над всеми прочими богами? К тому же, разве рок, которому были подчинены все другие языческие боги, не был единым богом, верховному закону которого подчинена была вся природа? Что касается тех черт, которыми Моисей наделил своего бога, то они не делают чести ни евреям, ни христианам. Он предстает перед нами в виде деспота-самодура, злого, жестокого, несправедливого, лицеприятного и коварного; поведение его должно повергнуть в величайшее недоумение каждого, кто задумается над всем этим. Теперь представьте себе, что ко всему этому надо еще прибавить те непостижимые уму атрибуты, которые христианское богословие приписывает своему богу! Неужели мы познаем божество, если объявим его духом, бестелесным существом, не похожим ни на что, воспринимаемое нашими чувствами? Ум человека приходит в тупик от отрицательных атрибутов, которыми наделяют божество: от его бесконечности, неизмеримости, вечности, всемогущества, всеведения и т. д. Выходит, что бога украсили всеми этими достоинствами только для того, чтобы сделать его еще более непостижимым. Как согласовать мудрость, благость, праведность и другие качества, приписываемые этому богу, с тем несуразным и жестоким поведением, которое на каждом шагу приписывают ему священные книги евреев и христиан? Не лучше ли было бы оставить человека в совершенном неведении божества, чем открывать ему бога, полного противоречий, вызывающего бесконечные опоры и смущающего его покой душевный? Открыть людям подобного бога значит открыть им, что их желают ввергнуть в величайшие затруднения, заставить восставать друг против друга и делать себя несчастными.

А впрочем, верно ли, что христианство допускает только единого

бога, бога Моисея? Разве христиане не поклоняются под именем святой троицы тройному божеству? Всевышний прежде всех веков рождает сына, едиnorodного ему; от обоих этих богов исходит третий, равный им; эти три бога, равные между собой по божественности, совершенству, могуществу, составляют тем не менее только одного бога. Достаточно изложить это учение, чтобы показать всю его нелепость. Итак божество соблаговолило просветить род человеческий своим откровением только затем, чтобы открыть ему подобные мистерии? Найдем ли мы у самых диких, самых невежественных народов более чудовищные взгляды, более противные разуму? Догмат троичности божества явно заимствован из фантазий Платона «ли, возможно, из тех аллегорий, под которыми этот философ-романтик старался скрыть свое учение. Как видно, ему христианство обязано большинством своих догматов. Платон допускал три ипостаси, или вида существования, божества. Первая, это — всевышний бог, вторая — Логос, слово, божественный разум, порожденный первым богом, и третья — дух, или души мира. По-видимому, первые учителя христианства были платониками; надо думать, что в своем энтузиазме они находили у Платона учение, сходное со своей религией. Будь они благодарны, они должны были бы объявить Платона пророком или отцом церкви. Иезуиты-миссионеры нашли в Тибете местное божество, почти подобное христианскому. У этих татар бог называется Кон-сио-сик (бог единый) и Кон-сио-сум (бог троякий). Перебирая свои четки, они произносят: ом, ха, хум, то есть: ум, рука, могущество, или: слово, сердце, любовь. Эти три слова образуют одно из имен божества. См. *Lettres edifiantes*, torn. 15. Древние всегда почитали Число три; это видно из того, что в восточных языках слово салом, означающее три, вместе с тем означает также спасение. (Гольбах смешал «салом» с «шалош».

Надо заметить, что книги Моисея не содержат ничего, могущего дать повод к этому столь нелепому учению; только с великими натяжками находят в библии догмат троицы. Что касается евреев, то они были довольны тем единым богом, которого им дал Моисей, и никогда не собирались утраивать его.

Второй из этих богов, или — говоря языком христиан — второе лицо троицы, принял человеческий образ, воплотился в чреве девы. Отказавшись от своей божественной природы, он принял на себя все немощи человека и даже претерпел позорную смерть, чтобы искупить грехи мира. Это христианская религия называет тайной воплощения. Кто же не видит, что эти абсурдные представления заимствованы у египтян, индусов и греков, которые в своей детской мифологии принимали богов в образе человека, считали их

подверженными человеческим слабостям! По-видимому, у египтян боги впервые принимают телесный образ. Бог китайцев Фо рожден от девы, оплодотворенной солнечным лучом, в Индии все верят в воплощение бога Вишну. Как видно, богословы всех наций, отчаявшись в возможности подняться до бога, заставили его снизойти к ним.

Итак, христианская религия велит нам верить, что бог без ущерба для своей божественной природы стал человеком, страдал, умер, принес себя в жертву самому себе и не мог отказаться от столь несуразного поведения для умилоствления своего же гнева. Это христиане называют тайной искупления рода человеческого.

Правда, этот умерший бог воскрес; в этом отношении он подобен Адонису финикиян, Озирису египтян и Атису фригийян, олицетворявшим умирающую (зимой) и возрождающуюся (весной) природу. Христианский бог возрождается из своего собственного пепла, торжествуя восстает из гроба.

Такие удивительные тайны, такие величественные мистерии христианская религия открывает своим ученикам! Вот какие представления дает она нам о божестве, то высокие, то низкие, но всегда непостижимые уму! Вот то знание, которым просветляет нас откровение! Христианское откровение словно преследует единственную цель — сгустить тот туман, который скрывает от взоров людей природу божества. Бог, говорят нам, нарочно сделал себя смешным, чтобы привести в замешательство любопытных; но в то же время нас уверяют, что он желал просветить тех же людей особой благодатью. Хорошо же откровение, которое не только ничему не научает, а, напротив, затемняет самые ясные понятия! Итак, несмотря на свое хваленое откровение, христиане блуждают в совершенной темноте в вопросе о боге, основе всякой религии. Это пресловутое откровение лишь затемняет все еще возможные представления о нем. Священное писание называет его скрытым богом. Давид говорит, что бог укрывается во тьме и зыбкие воды и облака образуют шатер, который покрывает его. Христиане просвещены самим богом, но тем не менее имеют о нем лишь противоречивые и несовместимые представления, которые делают его бытие сомнительным и даже невозможным в глазах каждого человека, обращающегося к своему разуму. Мы больше всего познаем бога тогда, когда узнаем, что не знаем его.

В самом деле, как познать бога, который, создав мир только для счастья человека, в то же время допускает, чтоб наибольшая часть человечества была обречена на несчастья в этой жизни и муки в будущей жизни? Как может бог, (обладающий высшим блаженством, чувствовать себя оскорбленным поступками его

твари? Значит, бог этот подвержен страданию, может раздражаться! Значит, бог зависит от человека, который может по своей воле радовать его или огорчать! Как это всемогущий бог предоставил своей твари роковую свободу, которой она может злоупотреблять, оскорбляя бога и губя свою душу! Как это бог может стать человеком и податель жизни, творец (природы может сам в мереть? Как может единый бог стать троичным, не нарушая своего единства? Нам отвечают, что все это — тайны. Но эти тайны разрушают самое бытие бога. Не разумнее ли допустить, вместе с Зороастром или Манесом, два начала в мире, или две противоположные силы? Не разумнее ли это, чем принимать вместе с христианством всемогущего бога, который не в силах воспрепятствовать злу, бога праведного и вместе с тем пристрастного, милосердного и вместе с тем беспощадного, карающего во веки веков за преступление одного мгновения, бога единого, который, однако, утраивается, бога-творца, который претерпевает смерть, так как не может другим путем удовлетворить свою божественную справедливость? Раз одновременное существование противоположностей в одном предмете невозможно, то бытие еврейско-христианского бога, разумеется, невозможно. Отсюда неизбежный вывод, что те атрибуты божества, которыми учителя христианской веры украсили или, лучше сказать, исказили его, не только не привели к познанию божества, а напротив, лишь уничтожили самое божество или, во всяком случае, сделали его непознаваемым.

Итак, своими сказками и тайнами откровение лишь спутало разум человека и затемнило те простые понятия, которые люди могут составить себе о необходимом существе, управляющем природой с помощью непреложных законов. Если нельзя отрицать бытие божие, то во всяком случае несомненно, что нельзя признать того бога, которому поклоняются христиане и который якобы открыт им — в своем поведении, своих велениях и свойствах — их религией. Если не иметь никакого представления о боге — значит быть атеистом, то христианскую теологию приходится рассматривать не иначе, как попытку упразднить бытие высшего существа. Между христианскими богословами никогда не было согласия по вопросу о доказательствах бытия божьего ОНИ честят друг друга кличкой атеиста, так как их доказательства всегда различны. Очень немногие христиане писали «а тему о бытии божьем, не навлекши на себя обвинения в безбожии. Декарта, Клэрка, Паскаля, Арно, Никол я считали атеистами. Объясняется это очень просто: совершенно невозможно доказать бытие того престранного существа, в которое христианство превратило своего бога. Нам, конечно, скажут, что у людей нет критериев для суждения о божестве, что ум их слишком

ограничен и не может составить себе представления о божестве. Но, в таком случае, к чему эти бесконечные «рассуждения о божестве»? Зачем придавать ему качества, взаимно себя уничтожающие? Зачем рассказывать о нем сказки? Зачем спорить и убивать друг друга из-за различного толкования побасенок о божестве?

ГЛАВА 8.

ДРУГИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ТАЙНЫ И ДОГМАТЫ.

Христианским богословам мало было того таинственного тумана, который христианство напустило вокруг божества, им мало было побасенок о нем, перенятых от евреев. У них, как видно, была лишь одна забота — умножить эти тайны и все больше заморочить головы своих учеников. Религия, долженствующая просветить народы, оказывается на деле сплошным сплетением загадок; это — лабиринт, из которого невозможно выпутаться здравому смыслу. То, что считали самым непостижимым древние суеверия, обязательно должно было найти себе место в религии, которая принципиально стремилась заставить разум умолкнуть навсегда. Фатализм греков (превратился в руках христианских попов в предопределение. Согласно этому тираническому догмату, милосердный бог обрекает злосчастное большинство людей на вечные муки. Он временно поселяет их в этом мире с той исключительной целью, чтобы они употребили во зло свои способности и свободу и заслужили неумолимый гнев своего создателя. Провидящий и всеблагий бог наделяет человека свободной волей, хотя отлично знает, что человек превратно использует ее и заслужит вечное проклятие. Итак, бог дает жизнь большинству людей, наделяет их способностями, необходимыми для их счастья, позволяет им действовать — все это только для того, чтобы иметь удовольствие отправить их в ад. Нет ничего ужаснее и отвратительнее той картины, которую христианская религия дает нам об этом местопребывании, предназначенном для большинства рода человеческого. Милосердный бог во веки веков упивается страданиями несчастных, которых он создал только на горе им; грешный человек навеки брошен в мрак кромешный и предан геенне огненной; своды адской темницы оглашаются плачем и скрежетом зубовным; муки грешников длятся миллионы лет, с тем чтоб затем начаться сызнова; у несчастных отнята даже надежда, что когда-нибудь настанет конец их мучениям. Итак, актом своего всемогущества бог делает человека способным переносить вечные и непрерывные муки, а справедливость божья позволяет всевышнему наказывать людей бесконечной пыткой во веки веков за преступления одного

мгновения.

Вот как христианин рисует себе бога, который требует от него любви. Этот тиран создает человека только для того, чтобы сделать его несчастным; он дает ему разум только для того, чтобы обмануть его; дает ему естественные влечения только для того, чтобы ввести его в соблазн; дает ему свободу только для того, чтобы обречь его на действия, которые должны погубить его навеки. Одним словом, если бог дает человеку преимущества перед животными, то только для того, чтобы подвергнуть его мучениям, от которых свободны животные и неодушевленная природа. Догмат предопределения делает участь человека много хуже участи камней и бессловесной скотины. Догмат произвольного предопределения лежит в основе еврейской религии. В книгах Моисея бог пристрастно относится к своему избранному народу и несправедлив ко всем другим народам. В мифологии греков и в их истории боги наказывают людей за преступления неизбежные, предсказанные оракулом. Примеры: Орест, Эдип, Аякс и др. Испокон века люди рисовали себе бога самым несправедливым существом. Среди нас янсенисты считают, что бог осеняет своей благодатью единственно по собственному соизволению, не считаясь с заслугой человека. Этот взгляд более приближается к еврейскому, христианскому и языческому фатализму (в тексте: «фанатизм». Невидимому, опечатка), чем учение молинистов, согласно которому бог дарует свою благодать всем тем, кто заслужил ее и просит о ней. Несомненно, последовательные христиане являются настоящими фаталистами. Они находят выход из положения, заявляя, что пути господни неисповедимы. Но в таком случае почему христиане все время рассуждают об этих путях?

Правда, взысканным любовью бога христианская религия обещает блаженство под сенью райских струй. Но рай предуготовлен лишь для горсти избранных. Без всякой заслуги с своей стороны они будут иметь право на щедроты своего пристрастного бога, благосклонного к ним и жестокого ко всему остальному человечеству.

Таким образом, в христианской религии нашли место Тартар и Елисейские поля языческой мифологии, переименованные в рай и ад. Тартар и Елисейские поля выдуманы обманщиками для того, чтобы пугать людей или соблазнять их. Нам, конечно, не преминут сказать, что догмат о наградах и наказаниях в будущей жизни полезен и необходим для людей, так как, не будь его, они без удержу предавались бы самым предосудительным излишествам. На это я отвечаю, что законодатель евреев тщательно скрыл от них эту тайну и что догмат о загробной жизни был одной из тех тайн, которые в греческих мистериях сообщались новопосвященным. Народу этот

догмат оставался неизвестным; однако общество продолжало существовать. Надо сказать, что людей сдерживают не ужасы ада; в пылу страсти человек презирает их, во всяком случае разгоряченные страсти делают эту узду проблематичной. Людей держат в узде хорошие законы, разумное воспитание, моральные принципы. Если бы государи правили мудро и справедливо, они не нуждались бы в догмате о потусторонних наградах и наказаниях, чтобы сдерживать народ.

На людей всегда больше действуют непосредственные преимущества и видимые наказания, чем блага и кары, которые им сулят на том свете. Страх перед адом не сдержит преступника, которого не сдерживает страх позора, бесчестия, виселицы. Действительно, в христианских странах тьма тьмущая преступников, которые не боятся адских мук, хотя никогда не сомневались в существовании ада.

Так или иначе, догмат о жизни за гробом предполагает, что человек переживет себя и во всяком случае не окажется после смерти бесчувственным к наградам и карам, о которых ему говорит религия. Согласно христианской религии, мертвые восстанут из гробов и облекутся в свои прежние тела. По чудесному всемогуществу божьему, молекулы их тел, распавшиеся и рассеянные по земле, снова сойдутся и воссоединятся со своими бессмертными душами. Таким чудесам учит догмат о воскресении мертвых. Евреи, законодатель которых нигде не говорит об этом чудесном феномене, невидимому, заимствовали это учение у магов — во время вавилонского пленения, однако оно не было у них общепринятым. Фарисеи признавали воскресение мертвых, саддукеи отвергали его; в настоящее время оно — один из основных пунктов христианской религии. Автор Екклезиаста, гл. 3, ст. 19, приравнивает смерть человека к смерти животных и, во всяком случае, как видно, подвергает сомнению догмат о бессмертии души. Не видно, чтобы Иисус Христос в евангелии вменял саддукеям в преступление отрицание воскресения; а между тем этот вопрос заслуживал некоторого внимания со стороны бога, который поведал людям столько необычайных вещей и к тому же сам должен был впоследствии воскреснуть. Правда, Иисус говорит в евангелии, что бог не есть бог мертвых; однако это не является подтверждением воскресения, а скорее уж говорит в пользу того, что Авраам, Исаак и Иаков не умерли (ведь эти патриархи еще не воскресали — во всяком случае, библия не рассказывает нам об этом). Христиане твердо верят, что в один прекрасный день они восстанут из гробов, за этим последует страшный суд и светопреставление. Они верят, что всеведущий бог, от которого не скрыты самые сокровенные

помышления человека, явится в облаках и потребует от них точного ответа в их делах; он будет торжественно судить их, и приговор его бесповоротно решит их участь, овцы будут отделены от козлиц, одни будут допущены в блаженную райскую обитель, уготованную богом для своих избранников и ангелов, другие будут ввергнуты в геенну огненную, предназначенную для демонов, врагов бога и людей.

Христианство, действительно, признает невидимые существа нечеловеческой природы; одни из них приводят в исполнение волю всевышнего, другие известны под именем ангелов, или вестников божьих. Бог якобы пользуется ими для управления мирозданием, главным же образом — для попечения о людях. Христиане верят, что эти благодетельные существа являются чистым и духам и, но могут принимать образ человеческий и таким образом становиться доступными нашему чувственному восприятию. Священные книги Евреев и христиан полны рассказов о появлениях этих чудесных существ; бог посылает их тем людям, которым желает оказать особое покровительство, эти посланцы божьи должны быть их руководителями и защитниками, их ангелами-хранителями. Отсюда ясно, что добрые ангелы исполняют ту же роль в воображении христиан, что нимфы, лары и пенаты в воображении древних и добрые феи в фантазии авторов современных романов.

Вторая категория невидимых существ называется демонами, бесами, нечистой силой или злыми духами. В них видят врагов рода человеческого, искусителей и соблазнительей человека, только и старающихся довести нас до греха. Христиане приписывают им сверхъестественную силу, способность делать чудеса подобно всевышнему; а главное — они обладают таким же могуществом, как бог, и могут сделать тщетными все его предначертания. В самом деле, хотя христианская религия формально не признает за дьяволам того же могущества, что за богом, она, однако, предполагает, что этот злой дух препятствует людям достигнуть блаженства, предначертанного им благим богом, и ведет большинство людей к гибели. Другими словами, царство дьявола обширнее царства божьего; богу с трудом удастся вырвать из когтей дьявола и спасти горсть своих избранников, между тем как огромное множество людей, не имеющих силы противостоять дьявольскому наваждению, попадают в ад. Кто же не видит, что сатана, это пугало христиан, заимствован из учения о двух враждебных началах, принятого некогда в Египте и на всем Востоке? Не подлежит сомнению, что вечный поединок между христианским богом и его страшным противником скопирован с Озириса и Тифона египтян, Ормузда и Аримана персов и халдеев. Таким образом люди пытались

объяснить себе добро и зло, встречающиеся им в этом мире. Всемогущий дьявол должен оправдать божество в неизбежных и незаслуженных несчастьях, которым подвергается человечество. Относительно этих страшных и таинственных догматов согласны все христиане; кроме того, у отдельных сект есть ряд своих догматов. Так, например, одна многочисленная христианская секта допускает промежуточное звено между адом и раем, так называемое чистилище. Сюда попадают временно души, менее преступные, чем те, которые заслужили адские муки; в чистилище душа проходит тяжелые испытания и искупает таким образом грехи, совершенные на земле; после этого она допускается в вечную обитель блаженных. Этот догмат, явно заимствованный из мечтательных умозрений Платона, стал в руках католических попов неистощимым источником обогащения: они присвоили себе ключи от врат чистилища и уверяют, что сила их молитвы может смягчать суровый приговор бога и сокращать муки душ, осужденных богом праведным на пребывание в чистилище. Ясно, что свое чистилище католики взяли у Платона. Этот экзальтированный философ делит души людей на чистые, исцелимые и неисцелимые. Чистые души, принадлежавшие праведникам, вольются в мировую душу, то есть возвращаются к божеству, из которого они «сходят. Души исцелимые попадают в преисподнюю и каждый год предстают здесь перед судьями царства теней; судьи эти разрешают вернуться «а свет тем душам, (которые достаточно искупили своя ошибки. Наконец, что касается душ неисцелимых, то они остаются в Тартаре и подвергаются здесь вечным мукам. Подобно христианским казуистам, Платон называет преступления и проступки, заслуживающие эти различные степени наказания.

Протестантские богословы, несомненно, завидуя богатствам католического духовенства, имели неосторожность отвергнуть догмат о чистилище; это сильно урезало их влияние. Пожалуй, разумнее было бы вычеркнуть догмат об аде, откуда ничто не в состоянии избавить душу грешника, а не гораздо менее возмутительную догму о чистилище, из которого попы могут освободить за деньги.

Все вышесказанное показывает нам, что в христианской религии отнюдь нет недостатка в пугалах и жупелах. С помощью страха людей сбивают с толка и крепко держат в руках. Магомет, так же как христианские учителя, понимал, что надо запугать людей, чтобы взять власть над ними. «Неверующие, — говорит он в коране, — будут носить одежду из пламени, на голову их будут лить кипящую воду, их внутренности и тела распадутся, их будут избивать железными ломом. Пытающихся вырваться из ада и уйти от его

мук потащат назад, и черти будут им приговаривать: оку сите муки огненные». (См. Коран, гл. 8).

ГЛАВА 9.

О РИТУАЛЕ, ТАИНСТВЕННЫХ ОБРЯДАХ И ТЕУРГИИ ХРИСТИАН.

(Теургия есть вид магии, прибегающей к помощи добрых духов).

Если догматы христианской религии являются тайнами, недоступными разуму, если христианский бог есть бог непостижимый, тоне удивительно, что и ритуал и обряды этой религии отличаются непонятностью и таинственностью. В религии бога, открывшего себя людям только для того, чтобы смутить разум человека, все должно быть непостижимым, все должно противоречить здравому смыслу.

Самым важным обрядом христианской религии является так называемое крещение; без него никто не может спастись. Оно заключается в том, что голову новорожденного или же также взрослого человека окропляют водой, причем взывают к святой троице. Благодаря таинственной силе этой воды и произносимых гари этом обряде слов, человек духовно возрождается, с него смыта скверна, передававшаяся от поколения к поколению, начиная с Адама; это значит, что человек становится чадом божьим и может сподобиться царствия небесного, когда оставит этот мир. С другой стороны, по христианскому вероучению, человек подвержен смерти только в результате грехопадения Адама; а раз этот грех омыт, то каким образом христиане все же остаются подверженными смерти? Нам скажут, что Иисус Христос избавил людей от смерти духовной, а не телесной. Но эта духовная смерть—не что иное, как грех; раз так, как же возможно, что христиане продолжают впадать в грех, словно они не искуплены и не избавлены от греха? Ясно, что таинство крещения недоступно нашему пониманию и сводится на нет фактами.

Обряд крещения совершался в мистериях Митры. Посвящение в эти мистерии означало возрождение посвящаемого. Этот Митра тоже был посредником. Хотя христианские богословы считают крещение необходимым для спасения, мы видим, что св. Павел не хотел крестить коринфян, мы читаем также, что он подверг Тимофея обрезанию.

У некоторых христианских сект епископ или другой прелат окропляют лоб юноши или ребенка елеем, причем произносят соответственные сакральные слова; этот обряд называется конфирмацией — на человека нисходит дух святой, христианин

конфирмируется (утверждается) в своей вере и незримо сподобляется множества милостей господних.

Наиболее прониклись духом своей непостижимой религии те христиане, которые достигли самого совершенного отречения от разума. Не довольствуясь тайнами, общими им с другими сектами, они признают еще одну, главную тайну, совершенно сногшибательную; это так называемая тайна пресуществления. Грозный призыв священника заставляет бога мироздания сойти с престола своей славы и превратиться в хлеб. Люди, кичащиеся тем, что отвергли идолослужение, поклоняются этому кусочку хлеба, превратившемуся в бога. Индийские брамины раздают в своих пагодах рис, причем эта церемония называется пражадам, или причащением. Мексиканцы веровали в своего рода пресуществление; об этом упоминает отец Акоста в своих «Путешествиях», кн. V, гл. 24. Итак, католики не одни предаются этому безумию. Цицерон считал, что человек не может дойти до такого предела безумия и поедать своего бога. См. *De divinatione*, кн. II. У протестантов нашлось мужество отвергнуть это таинство, хотя оно, пожалуй, более всех других таинств формально установлено Иисусом Христом, который определенно говорит: Примите, ядите, сие есть тело мое. Аверроэс говорил: (да будет душа моя с философами, а не с христианами, глупейшими людьми, которые изготавливают бога и едят его). У перуанцев был свой праздник пасхи, на котором они закалывали ягненка и смешивали кровь его с мукой для раздачи народу. См. *Anet. Quaest.* 1. II, с. 20, § 5. В этих ребяческих обрядах, которым христианский фанатизм придает величайшее значение, нельзя не видеть весьма заметных следов теургии, бывшей в ходу у народов Востока. Божество повинуетя голосу своих жрецов или людей, обладающих секретом заставлять его действовать, и творит чудеса; его принудила к этому магическая сила определенных слов и формул, сопровождаемых соответственными церемониями. Этот вид магии все время практикуется христианскими попами. Они уверяют своих учеников, что могут с помощью традиционных формул, приемов и телодвижений заставить бога мироздания отменить законы природы, подчиниться их желаниям и пролить свою благодать. Таким образом, в этой религии священник получает право приказывать своему богу. На этой несомненной теургии, на этом таинственном общении земли с небом покоятся те смешные и ребяческие обряды, которые христиане называют таинствами. Мы уже нашли эту теургию в таинствах крещения, конфирмации и причащения; мы найдем ее также в таинстве исповеди, то есть в праве священника отпускать именем бога исповедуемые ему грехи — такое право присвоили себе попы в некоторых сектах. Та же

теургия в таинстве рукоположения, то есть в обрядах, придающих некоторым лицам священный характер в отличие от простых смертных, мирян. Та же теургия в ритуале и действиях, смущающих покой умирающего. Та же теургия в таинстве брака; верующий христианин воображает, что этот естественный союз не может быть одобрен богом, если священник своими обрядами не узаконит его и не снизовет на него благословения всевышнего. У католиков семь таинств; семь — число каббалистическое, магическое, таинственное. Мы находим эту белую магию, или теургию, в христианских молитвах и формулах, в литургии и всех обрядах. Мы находим ее в вере христиан, что расположенные в известном порядке слова в состоянии изменить волю их бога, заставить его изменить свои нерушимые решения. Теургия сказывается в заклинаниях бесов: окропляя человека магической водой и произнося сакральные слова, изгоняют из него злых духов, врагов рода человеческого. Святая вода христиан, заменившая очистительную воду римлян, обладает в глазах христиан самыми удивительными свойствами; она освящает места и предметы, не имевшие прежде священного характера. Наконец, христианская теургия имеет место также в обряде миропомазания или коронования королей; этот обряд совершается каким-нибудь высоким духовным лицом и придает главе государства особый авторитет в глазах народа, сообщает ему чисто божественный характер. Итак, всюду тайна, всюду магия, все непостижимо уму в догматах и культе христианской религии. А между тем нас уверяют, что эта богооткровенная религия дана богом, который хотел освободить род человеческий от его ослепления.

ГЛАВА 10.

О СВЯЩЕННЫХ КНИГАХ ХРИСТИАН.

В доказательство своего божественного происхождения христианская религия ссылается «а книги, которые считает священными, внушенными самим богом. Посмотрим, обоснованы ли эти притязания. Посмотрим, действительно ли эти произведения носят печать мудрости, всеведения и совершенства, которые мы приписываем божеству.

В почитаемой христианами библии, в которой якобы каждое слово внушено богом, собраны без разбора священные книги евреев, известные под именем Ветхого завета, и более поздние произведения, написанные основателями христианства, тоже по наитию от бога, и известные под именем Нового завета. Эти книги служат основой и кодексом христианской религии. Первыми

следуют в библии пять книг, приписываемые Моисею; он писал их, так сказать, в качестве секретаря бога. Он вьсходит здесь к началу начал, посвящает нас в тайну сотворения мира; однако на этот счет у него самые примитивные представления, на каждом шагу обнаруживающие глубокое невежество в законах физики. Солнце, являющееся для нашей солнечной системы источником света, бог создает через несколько дней после того, как создал свет. Бог, которого нельзя представить ни в каком образе, создает человека по своему образу и подобию. Он создает человека мужчиной и женщиной, но вскоре затем, забыв о том, что сделал, создает женщину, из ребра мужчины. «Мужчину и женщину сотворил их». Кн. Бытия, гл. 1, ст. 27. Итак с первых же страниц библии мы наталкиваемся на невежество и противоречия. Св. Августин признает, что нет возможности сохранить буквальный смысл первых трех глав книги Бытия без ущерба для благочестия и не приписывая богу недостойных его моментов. Он находит, что здесь необходимо аллегорическое толкование. См. Aug. de Genesis contra Maaidohaeos, Jalb. I, cap. 2. Ориген тоже согласен, что если понимать историю сотворения мира в буквальном смысле, она оказывается абсурдной и противоречивой. См. Philos., 12. По всему видно, что космогония евреев сплетена исключительно из басен и аллегорий; она не в состоянии дать нам ни малейшего представления о вещах и может удовлетворить только дикий, грубый и невежественный народ, чуждый науке и размышлению.

В прочих книгах, приписываемых Моисею, мы находим множество неправдоподобных сообщений чудесного характера и ворох смешных и произвольных законов, а под конец автор рассказывает о своей же смерти. Книги, написанные после Моисея, свидетельствуют о таком же невежестве: Иисус Навин приказывает солнцу остановиться, между тем как оно вообще не вращается, Самсон, еврейский Геркулес, сокрушает храм... Подобные фантазии и ошибки можно цитировать без конца, они на каждом шагу встречаются в этом произведении, которое имеют наглость приписывать духу святому. Вся еврейская история — сплошное собрание сказок, недостойных серьезной истории и божественного величия; она смехотворна в глазах здравого смысла и, по всей видимости, сочинена только в угоду легковерию наивного и грубого народа.

Эта неуклюжая стряпня перемешана с темными и нескладными пророчествами, которыми пичкали суеверных евреев один за другим люди, якобы озаренные свыше. Короче говоря, весь Ветхий завет проникнут диким фанатизмом, который местами прикрашен напыщенным стилем; здесь можно найти все, за исключением

здорового смысла, логики, разума, — они словно с умыслом устранены из книги, которая служит руководством для евреев и христиан.

Мы уже указывали на те отвратительные и порою абсурдные черты, которые библия придает богу. Все поведение его в библии смешно и нелепо; он не постоянен, на каждом шагу противоречит себе, поступает опрометчиво, раскаивается в своих делах, десница его разрушает то, что воздвигнуто шуйцей его, устами одного пророка он отрекается от того, что возвестил устами другого; этот бог, карающий смертью весь род человеческий за прегрешение одного человека, объявляет устами Иезекииля, что он бог праведный и не карает детей за грехи отцов. Устами Моисея он приказывает сынам Израиля обокрасть египтян, а в десяти заповедях, обнародованных в законе того же Моисея, запрещает им воровство и убийство. Одним словом, этот Иегова, постоянно сам себе противоречащий, применяется в книге, внушенной его духом, к обстоятельствам, никогда не соблюдает одной, твердой линии поведения и часто проявляет такие деспотические черты, которые должны заставить покраснеть самого отъявленного негодяя.

Обращаясь к Новому завету, мы тоже не находим в нем следов того духа истины, который якобы диктовал этот труд. Четыре историка или рассказчика сказок написали чудесную историю мессии; они передают обстоятельства его жизни, уклоняясь друг от друга, и местами впадают в самые резкие противоречия между собой. Родословная Христа у св. Матфея отличается от родословной его у св. Луки; в передаче одного евангелиста Христос отправляется в Египет, другой ни словом не упоминает об этом бегстве; у одного миссия Христа продолжается три года, у другого — только три месяца. Такой же разницей в изложении подробностей событий. Согласно св. Марку, Иисус умер в третьем часу, то есть в девять часов утра; св. Иоанн говорит, что он умер в шестом часу, то есть в полдень. Согласно св. Матфею и св. Марку, жены, пришедшие после кончины Иисуса к его гробу, встретили только одного ангела; по словам св. Луки и св. Иоанна, они встретили двух ангелов. По словам одних, эти ангелы были внутри гробницы, по словам других — вне ее. Несколько чудес Иисуса Христа эти евангелисты тоже рассказывают каждый на свой лад, хотя якобы были очевидцами их или пишут по наитию от бога. Такая же разноголосица в описании явлений Христа после его воскресения.

Не должно ли все это внушить нам сомнения в непогрешимости евангелистов и в их боговдохновенности? Что сказать о ложных и несуществующих пророчествах о Христе, на которые ссылаются евангелие? Так, св. Матфей утверждает, будто Иеремия предсказал,

что Христос будет предан за тридцать сребренников; между тем у Иеремии вовсе нет этого пророчества. Христианские богословы выпутываются из положения самым невразумительным образом. Их ответы могут удовлетворить только людей, вменяющих себе в обязанность пребывать в ослеплении. Феофилакт находит, что если евангелисты не всё передают одинаково, то это является лучшим доказательством их добросовестности «В противном случае, — говорит он, — их можно было бы заподозрить в том, что они писали, сговорившись между собой». Св. Иероним сам говорит, что цитаты у св. Матфея не согласуются с греческим текстом библии. (Если ты заглянешь в еврейский текст, ты удивишься, как велико расхождение между Матфеем и семьюдесятью толковниками в словах и расположении их, так что даже смысл получается противоположный). Эразм вынужден признать, что дух божий позволяет апостолам ошибаться. (Дух божий, вдохновлявший умы апостолов, допустил, чтоб его люди кое-что не знали и ошибались). В общем надо обладать очень крепкой верой, если не достаточно прочесть св. Иеронима, чтобы разочароваться в священном писании. Каждый рассудительный человек должен понять, что никакие софизмы не примирят столь явных противоречий, все ухищрения толкователей лишь покажут ему, что их дело плохо. Разве богу служат передержками, увертками и ложью! Те же противоречия, те же ошибки мы находим в высокопарной галиматье, которую приписывают св. Павлу. Этот человек, исполненный духа божьего, обнаруживает в своих речах и посланиях только фанатизм полоумного. Самые ученые комментарии не дают возможности понять и согласовать те несуразные противоречия, которыми переполнены все его писания, и объяснить его неустойчивое поведение, то благоприятное еврейству, то враждебное ему. Св. Павел сам рассказывает нам, что был вознесен на третье небо. Как? Для чего? И что он узнал там? Он узнал то, что неизрекаемо и не постижимо человеку. К чему же было это чудесное путешествие? Но как положиться здесь на св. Павла, если он в Деяниях апостолов позволяет себе ложь, заявляя перед первосвященником: я фарисей, за чаяние воскресения мертвых меля судят. Здесь содержатся два ложных утверждения, ибо 1) Павел в это время был самым ревностным апостолом, следовательно — христианином, и 2) Павла обвиняли совсем в другом. См. Деяния апостолов, гл. 23, ст. 6. Если апостолы лгут, можно ли доверяться их речам? Кроме того, этот великий апостол «а каждом шагу меняет свои взгляды и свое поведение. На соборе в Иерусалиме он выступает против святого Петра, взгляд которого был благоприятен еврейству; но потом он сам соблюдает обряды евреев. Наконец, он

постоянно приспосаблиется к обстоятельствам, приноравливается ко всем людям. Можно сказать, что он послужил примером для иезуитов в Индии в их поведении перед туземцами-идолопоклонниками; иезуитов обвиняли в том, что они совмещали культ Иисуса Христа с местными обрядами. Столь же невразумительны другие произведения, приписываемые апостолам. Эти вдохновенные богом люди как будто явились на землю только для того, чтобы помешать своим ученикам что-либо понять в преподаваемом им вероучении. Сборник, составляющий Новый завет, кончается мистической книгой, известной под именем Апокалипсиса св. Иоанна. Автор этого неудобоваримого произведения решил превзойти все дикие и мрачные идеи, содержащиеся в библии. Он показывает в нем удрученному человечеству близкую перспективу мира на краю гибели, рисует воображению христиан жестокие, приводящие в ужас картины, способные отвратить их от этой брешней жизни и сделать их бесполезными и даже вредными членами общества. Таким достойным образом фанатизм заканчивает стряпню, почитаемую христианами, «о смехотворную и презренную в глазах рассудительного человека. Эта стряпня не достойна премудрого и преблагого бога и ненавистна для каждого, кто вспомнит то зло, которое причинила она на земле.

Такую книгу, как эта библия, полную диких и отвратительных представлений о божестве и бросающихся в глаза противоречий, христиане взяли себе в руководство в своем поведении и в своих взглядах. Не удивительно, что они никогда не могли ориентироваться в ней, никогда не могли столкнуться между собой о том, как толковать волю этого непостоянного и капризного бога, никогда не знали в сущности, чего он требует от них. Таким образом, эта темная книга стала для них яблоком раздора, неиссякаемым источником конфликтов, арсеналом, снабжавшим оружием самые противоположные партии. У геометров нет никаких споров относительно основных начал своей науки—по какой же превратности судьбы книга, почитаемая христианами, содержащая основы их божественной религии, от которой зависит их вечное блаженство, почему, повторяю, эта книга столь непонятна и подвержена спорам, из-за которых так часто проливались потоки крови! Если судить по результатам, в этой книге скорее следовало бы видеть дело злого гения, духа лжи и тьмы, а не бога, пекущегося о сохранении и счастья людей и желающего просветить их.

О ХРИСТИАНСКОЙ МОРАЛИ.

Если верить учителям христиан, на земле не было истинной морали до прихода основателя их секты; они рисуют весь мир погруженным в невежество и преступления. Однако мораль всегда была необходима людям, общество не может существовать без морали. Мы видим и до Иисуса Христа процветающие нации, просвещенных философов, неустанно призывающих людей к исполнению их долга; мы находим у Сократа, у Конфуция, у гимнософистов в Индии правила, нисколько не уступающие правилам христианского мессии. Мы находим у язычников примеры справедливости, гуманности, патриотизма, терпения и кротости, которые ярко свидетельствуют против претензий христианства и доказывают, что уже до Иисуса Христа существовали добродетели, гораздо более реальные, чем те, которые он пришел преподавать нам. Нуждались ли люди в сверхъестественном откровении, чтобы узнать, что справедливость необходима для сохранения общества и что несправедливость создает только скопища врагов, старающихся вредить друг другу? Нужен ли был глагол божий, чтобы люди поняли, что существа, живущие вместе, нуждаются во взаимной любви и поддержке? Нужна ли была помощь свыше для того, чтобы открыть людям, что месть есть зло и нарушение законов страны и что ее вполне заменяют справедливые законы? Не вытекает ли из этого принципа прощение обид, тогда как беспощадная месть ведет к вечной ненависти? Не вытекает ли прощение врагов из того величия души, которое возвышает нас над оскорбляющими нас? Не станем ли мы выше своих врагов, делая им добро? Не создает ли такое поведение нам друзей? Не понимает ли каждый, кому дорога жизнь, что пороки, невоздержанность, сладострастие укорачивают наши дни? Наконец, не показывает ли опыт каждому мыслящему человеку, что преступление возбуждает ненависть, что порочный человек сам себе вредит, а добродетель внушает любовь и уважение? Достаточно людям немного поразмыслить над своими поступками, над своими истинными интересами, над целью общества, и они (поймут свой долг по отношению друг к другу. Хорошие законы заставят их хорошо (поступать, и им не нужно будет получать с неба правила, необходимые для их жизни и счастья. Достаточно голоса разума, чтобы узнать свой долг перед ближним. Нужна ли разуму помощь религии, (Которая то и дело противоречит ему и унижает его?

Конечно, нам возразят, что религия не противоречит морали, а, напротив, является опорой морали, освящает ее принципы, придает им божественную санкцию. На это я отвечаю, что христианская религия не только не служит опорой морали, а, напротив, делает ее

шаткой и ненадежной. Невозможно твердо основать мораль на велениях непостоянного, пристрастного, капризного бога, (Который, не обинуясь, предписывает то справедливость, то несправедливость, то согласие, то убийства, то терпимость, то гонения. Повторяю: невозможно следовать правилам разумной морали под властью религии, которая вменяет в заслугу верующему религиозный фанатизм, самый разрушительный. Я утверждаю, что несовместима ни с какой моралью религия, которая велит нам подражать деспоту-богу, расставляющему сети людям, не знающему пощады в своей мстительности и требующему уничтожения всех тех, кто имел несчастье не угодить ему. Христианство более всех других религий запятнало себя преступлениями, причем совершались они только в угоду яростному богу, унаследованному от евреев. Нравственный облик этого бога не может не определять доведение его поклонников. Добрый король Людовик святой говорил своему другу Жуанвиллю: «когда перед мирянином поносят христианскую религию, он должен защищать ее не только словами, но также своей острой шпагой: он должен разить нечестивцев, поносящих нашу веру, вонзая «вою шпагу как можно глубже в их тело». Раз бог этот непостоянен, почитатели его тоже будут непостоянны, их мораль будет шаткой, поведение — произвольным, в зависимости от их темперамента.

Вот почему христиане никак не могут решить вопрос, что более соответствует духу их религии: веротерпимость или преследование инаковерующих. Сторонники того и другого одинаково находят в библии определенные указания божества, предписывающие поступать столь различно. То Иегова объявляет, что ему ненавистны народы, воздвигающие себе кумиры, и что следует уничтожать их; то Моисей запрещает проклинать чужих богов; то сын божий запрещает гонения, хотя сам заявил раньше, что надо принуждать людей войти в царство его. Представление о грозном и жестоком боге производит на умы более сильное и глубокое впечатление, чем представление о мягком и кротком боге; поэтому верные христиане всегда считали своим (Долгом ратовать против тех, в ком видели врагов своего бога. Они полагали, что бога не прогневит чрезмерное усердие в этом деле. Как он ни высказывался в других случаях, они почти всегда наводили для себя более (надежным преследовать, мучить, уничтожать тех, в ком видели предмет божьего гнева. Терпимость допускалась лишь малодушными и вялыми христианами, (которые мало походили темпераментом «а своего бога.

Может ли верный христианин отказаться от лютости и кровожадности, если ему ставят в пример святых и героев Ветхого

завета? Уроки (жестокости на каждом шагу дает ему поведение Моисея, который два раза проливал кровь израильского народа и зарезал на алтаре своего (бога более сорока тысяч человек. Разве коварная жестокость Финееса, Иаили, Юдифи не оправдывает жестокости христианина? Не служит ли таким оправданием также пример Давида, этого образцового царя, этого чудовища в образе человека, который, не смотря на все свои зверства, низости, прелюбодеяния и козни, был мужем, угодным в глазах бога? Библия, можно сказать, то и дело учит христианина, что угодить богу можно яростным рвением и что это рвение покрывает в глазах бота все грехи.

После этого не удивительно, что христиане взапуски преследуют друг друга. Терпимыми они были лишь тогда, когда сами были гонимы или были слишком слабы, чтобы преследовать других. Как только они получали в свои руки власть, они расправлялись с теми, кто не держался одинаковых с ними взглядов по всем вопросам их религии. С самых первых времен христианства в нем происходит борьба различных сект. Христиане враждуют между собой, ненавидят друг друга, обрушиваются друг против друга с самой изощренной жестокостью. Государи, в подражание Давиду, становились орудиями в руках своих враждующих топов и служили делу божьему огнем и мечом. Жертвой религиозного фанатизма становились сами короли; этот фанатизм, ни с чем не считается, уверенный, что следует своему богу.

Религия, которая хвалилась, что принесла мир и согласие, в действительности за восемнадцать веков причинила больше опустошений и пролила больше крови, чем все суеверия язычества.

Раздоры воздвигли

непроходимую стену между гражданами одного и того же государства, в семье брат восставал на брата, люди считали себя обязанными быть несправедливыми и бесчеловечными. Под властью бога, которого в состоянии оскорблять заблуждения людей, под властью этого несправедливого бога каждый стал несправедливым; каждый считал себя обязанным вмешиваться в дела этого мстительного и ревнивого бота и мстить за его обиды; под властью кровожадного бога пролитие человеческой крови вменялись в заслугу.

Вот те великие услуги, которые христианская религия принесла морали. Не говорите нам, что все эти ужасы были лишь результатом позорного злоупотребления именем этой религии! Преследование и нетерпимость — в самом характере этой религии; это — религия, бог которой ревниво охраняет свою власть и определенно предписывает убийство; друзья этого бога были бесчеловечными

гонителями, в пылу гнева он сам не пощадил даже собственного сына. Кто служит такому ужасному богу, тот более уверен в его милости, истребляя его врагов, нежели предоставляя им спокойно оскорблять своего создателя. Подобное божество должно служить предлогом для самых неслыханных зверств; под личиной ревности к его славе будут подвизаться все шарлатаны и фанатики, объявляющие себя глашатаями его воли; государь будет безбоязненно совершать величайшие преступления, уверенный, что омоет свои руки в крови врагов божьих.

Из тех же соображений естественно вытекает, что нетерпимая религия лишь условно может быть подчинена государственной власти. Еврей и христианин могут подчиняться главе государства только в том случае, если его приказания согласны с велениями этого бога, произвольными и часто бессмысленными. Но кто же решает, согласны ли с волей этого бога приказы государя, хотя бы самые полезные для общества? Разумеется, не кто иной, как служители бога, истолкователи его слов, поверенные его тайм. Таким образом, в христианском государстве подданные должны больше слушаться своих попов, чем своего государя. Нет христианина, которого не учили бы с детства, что лучше повиноваться богу, чем людям. Но повиноваться богу всегда означает повиноваться попам. Бог уже не беседует больше с человеком, за него говорит церковь; а церковь есть корпорация попов. Эти последние нередко вычитывают в своей библии, что государи не правы, что законы преступны, что самые разумные учреждения нечестивы и что терпимость преступна. Мало того; если этот государь оскорбляет господина, пренебрегает его культом, не признает его догматов, не покоряется его служителям, он теряет право управлять народом, религию которого подвергает опасности. Но и это еще не все; если жизнь такого государя является препятствием для спасения его подданных, для царства божьего, для процветания церкви, о'Н по первому требованию попов должен быть вычеркнут из числа живущих.

Множество примеров показывает нам, что христиане неоднократно следовали этим возмутительным правилам; сотню раз фанатизм заставлял подданных поднимать оружие против своего законного государя, «носил смуту в общество. В христианских странах попы всегда были вершителями судеб государей. Им не было дела до того, что опрокидывались все устои, лишь бы только восторжествовала религия. Народы восставали против своих государей, как только их уверяли, что государи восстанут против бога. Восстание и цареубийство должны казаться законными ревностным христианам, которые должны повиноваться богу скорее, чем людям, и не могут,

не рискуя своим вечным спасением, колебаться между царем небесным и земными царями. Враги иезуитов ополчились против «их на том основании, что иезуиты объявляли тираноубийство похвальным и законным актом. Но стоит немного вникнуть в этот вопрос, и мы увидим, что если Аод поступил безукоризненно, то и Жан Клеман отнюдь не был преступником, а Равальяк следовал лишь голосу своей совести. Св. Фома Аквинский определенно проповедовал цареубийство. См. *Les coups d'Etat*, том II, стр. 33. Христианские государи содрогнутся, если поразмыслят о том, какие последствия вытекают из принципов их религии.

Раз принципы христианской религии ведут к столь пагубным правилам, не мудрено, что со времени водворения в Европе этой религии так часто происходят народные восстания и государи находятся в таком позорном рабстве у попов; не мудрено, что попы низлагают государей, фанатики восстают с оружием в руках против государственной власти и государи падают от ножа убийцы. В книгах Ветхого завета христианские попы могут найти не мало (примеров, освящающих их мятежные речи. Не оправдывает ли пример Давида мятежников против царской власти? Не узаконяет ли пример избранного народа и его вождей захваты, насилие, вероломство и самые явные нарушения естественного и международного права?

Вот как поддерживает мораль религия, которая первым делом признает своим богом бога евреев, другими словами — тирана, на каждом шагу уничтожающего своим диким произволом устои общества. Этот бог определяет, что справедливо и что несправедливо, его верховная воля превращает зло в добро, преступление в добродетель; по своей прихоти он опрокидывает им же установленные законы природы или уничтожает отношения, существующие между людьми. Свободный от всякого обязательства к людям, он как бы разрешает им не следовать никаким твердым законам кроме тех, которые при различных обстоятельствах дал он сам через своих посланцев. Эти последние, глашатаи его воли, люди, осененные свыше, проповедуют послушание только когда сами находятся у власти; когда же они считают себя ущемленными, они проповедуют только восстание. Когда они слабы, они проповедуют терпимость, долготерпение, кротость; когда они сильны, они проповедуют гонения, месть, погромы, жестокость. В своих священных книгах они всегда находят доводы в пользу обеих крайностей. Их непостоянный бог, нравственность которого оставляет желать лучшего, отдавал совершенно противоположные приказания, и они ссылаются то на одни его веления, то на обратные. Основывать мораль на подобном боге или на книгах,

содержащих столь противоречивые законы, значит строить ее на зыбком основании, на прихоти тех, кто выступает от имени бога; это значит строить мораль на темпераменте каждого верующего.

Мораль зиждется на неизменных правилах. Бог, разрушающий эти правила, разрушает дело рук своих. Бели бог — создатель человека, если он желает счастья своим творениям, если ему дорого сохранение рода человеческого, то он должен был желать, чтобы человек был справедливым, гуманным и добрым; ни в коем случае он не мог желать, чтобы человек был несправедливым, фанатичным и жестоким.

После всего вышесказанного ясно, что нам следует думать о богословах, утверждающих, что без христианской религии человек лишен морали и добродетели. Обратное положение, несомненно, будет правильнее, и можно выставить тезис, что каждый христианин, стремящийся идти по путям своего бога и исполнять его приказания, часто несправедливые и пагубные, необходимо будет злым человеком. Если нам скажут, что веления бога не всегда несправедливы и что священные книги часто проникнуты незлобивостью, миролюбием и справедливостью, я отвечаю на это, что мораль христианина не может не быть неустойчивой: он будет то добрым, то злым, соответственно своим интересам и наклонностям. Отсюда видно, что у последовательного христианина не может быть истинной морали, он должен постоянно колебаться между преступлением и добродетелью.

Да и вообще, не опасно ли, связывать мораль с религией?

Действительно ли мы укрепляем мораль, основывая ее на религии?

Не является ли последняя слабой и сомнительной опорой? В самом деле, религия не выдерживает критики, и, кто открыл несостоятельность религии или ложность ее доказательств, тот, пожалуй, решит, что и мораль такой же фантом, как и религия, на которой она якобы покоится. Поэтому мы часто видим, что порочные люди, отделившись от религии, часто бросаются в объятия разврата и преступления. Освободившись от рабства суеверия, они впадают в (полную анархию; убедившись в призрачности религии, они считают все для себя дозволенным. Поэтому слова «неверующий» и «либертин» стали, к сожалению, синонимами. Мы избежим этих нежелательных явлений, если вместо богословской морали будем преподавать естественную мораль. Запрещать разврат, преступления и пороки надо не на том основании, что это грехи, запрещаемые ботом и религией, а потому, что всякие излишества вредны для жизни человека, подвергают его общественному презрению и противны разуму, который требует самосохранения человека, они противны также природе, которая требует, чтобы он

работал над своим длительным счастьем. Другими словами, независимо от волеизъявлений божества, независимо от тех наград и кар, которые религия сулит нам на том свете, легко доказать каждому человеку, что его интересы в этом мире требуют беречь свое здоровье, не нарушать добропорядочности, заслужить уважение своих ближних, быть целомудренным, умеренным, добродетельным. Кто в ослеплении страсти остается глух к этим столь ясным требованиям, основанным на разуме, тот не будет также послушнее голосу религии; он откажется от нее, как только она окажется помехой его извращенным наклонностям. Итак перестаньте расхваливать мнимые преимущества, извлекаемые моралью из христианской религии. Принципы, черпаемые моралью из священного писания, губительны для нее; союз с религией подрывает основы морали. К тому же, опыт учит нас, что у христианских народов часто более испорченные нравы, чем у народов, которые называют неверными и дикими. Во всяком случае, христианские народы более подвержены религиозному фанатизму, который способен изгнать из общества справедливость и социальные добродетели. На одного верующего человека, которого религия удерживает от преступления, приходится тысячи, которых она толкает на преступление; на одного человека, которого она делает целомудренным, приходится сотни порождаемых ею фанатиков и изуверов, а они приносят гораздо больший вред обществу, чем самые отчаянные развратники, которые в конце концов вредят только самим себе. Во всяком случае известно, что у самых религиозных народов христианской Европы мораль далеко не стоит на самом высоком уровне. В Испании, Португалии и Италии, являющихся вотчиной самой суеверной христианской секты, народы прозябают в самом позорном моральном невежестве; воровство, убийство, нетерпимость и разврат дошли здесь до предела, здесь царит поголовное суеверие. Добродетельные люди здесь наперечет; сама религия здесь соучастница преступления, Дает в своих церквях неприкосновенное убежище преступникам и предоставляет им легкую возможность примириться с богом. Молитвы и обряды как бы освобождают людей от проявления добродетели. Эти страны гордятся тем, что они сохранили христианство в самом чистом виде; и что же, религия в такой степени поглотила здесь внимание верующих, что они не помышляют о морали и уверены, что выполнили весь свой долг, тщательно соблюдая все религиозные обряды и мелочи, не имеющие никакого касательства к общественному благу.

ГЛАВА 12.

О ХРИСТИАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ.

Предыдущее изложение уже показало, как нам следует расценивать христианскую мораль. Рассмотрев добродетели, которым нас учит христианство, мы найдем, что они носят печать экзальтации, печать не от мира сего; они уносят человека от жизни и бесполезны для общества, а часто ведут даже к крайне опасным для него последствиям. В прославленных поучениях и наставлениях Иисуса Христа мы найдем лишь утрированные правила, невыполнимые в этом мире, или же правила, вредные для общества, если следовать им в буквальном смысле. А в тех наставлениях, которые оказываются выполнимыми, мы не найдем ничего такого, что не было лучше известно мудрецам древности и без божественного откровения.

Согласно словам месии, весь закон заключается в том, чтобы возлюбить бог а превыше всего, а ближнего, как сам ого себя. Выполнимо ли это наставление? Можно ли любить гневного, капризного, несправедливого бога, бога евреев! Можно ли любить несправедливого, неумолимого бога, который мог в своей жестокости осудить на веки вечные свою тварь! Любить самое страшное, что мог придумать человеческий ум! Может ли оно возбуждать чувство любви в сердце человека? Как можно любить то, чего боишься? Как можно любить бога, перед грозной десницей которого человек трепещет в ужасе! Не самообман ли думать, что любишь такое грозное и возмутительное существо? Сенека правильно замечает, что здравомыслящий человек не может бояться богов, так как никто не может любить то, чего боится. (Ни один здравомыслящий человек не боится богов. Ибо бояться того, что благотельно, есть безумие. И никто не любит тех, кого боится). В библии сказано: (начало премудрости — страх божий). Не вернее ли сказать, что страх божий — начало безумия?

Возможно ли любить ближнего, как самого себя? Каждый человек по природе свой любит себя более, чем других. Он любит других, только поскольку они способствуют его собственному счастью. Человек добродетелен, если делает добро своему ближнему; он великодушен, если отдает ближнему любовь, которую питает к самому себе; но он всегда любит его только за те полезные качества, которые находит в нем; он может любить ближнего, только зная его, и эта любовь его вынуждена сообразоваться с теми выгодами, которые он получает от ближнего.

Итак любить врагов своих невозможно. Можно воздержаться и не делать зла тому, кто нам вредит. Но любовь есть сердечное влечение, возникающее в нас лишь при виде того, что мы считаем

для себя благоприятным. У культурных народов закон всегда возбранял месть или самосуд; великодушные, душевное благородство могут побудить нас ответить добром на зло — в таком случае мы становимся выше обидчика и даже можем вызвать в душе его раскаяние. Итак, и без помощи сверхъестественной морали мы понимаем, что наши интересы требуют от нас подавить чувство мстительности. Пусть же христиане не кичатся, что всепрощение обид могло быть заповедано нам только богом и что это правило доказывает божественность его морали. Пифагор уже задолго до мессии сказал: отмщайте своим врагам, лишь делая их своими друзьями, а Сократ говорит в «Критоне», что нехорошо отвечать на обиду обидой.

Иисус, несомненно, упускал из виду, что имеет дело с людьми, когда учил их отдавать свое достояние первому встречному насильнику, призывал их подставлять под удар другую щеку и не противиться злом даже самому тяжкому насилию. Конечно, он забывал, что перед ним живые люди, когда учит их отказаться от суетных богатств мира сего, покинуть дом свой и имущество, отца и мать и друзей и пойти за ним, отказаться даже от самых невинных радостей жизни. Для всякого ясно, что эти возвышенные наставления — экзальтация, гипербола. Эти замечательные поучения могут лишь привести человека в отчаяние и сделать его мямлей. К тому же, буквальное исполнение их должно оказать губительное влияние на общество.

Что сказать об этой морали, которая предписывает сердцу отрешиться от того, что разум велит нам любить? Разве, отказываясь от естественных радостей, мы не пренебрегаем благодеяниями божества? Какая польза обществу от этих суровых и мрачных добродетелей, в которых христиане видят совершенство? Может ли быть полезен обществу человек, ум которого вечно занят фантастическими ужасами и мрачными мыслями? Такой человек не в состоянии выполнять свой долг перед семьей, родиной и окружающими. Будучи последователен, он должен стать равно невыносимым для себя и для других.

В общем, можно сказать, что в основе морали Христа лежат фанатизм и экзальтация. Он учит добродетелям, которые должны изолировать человека, привести его в угнетенное состояние духа и нередко делать его вредным для других. Здесь, на земле нужны живые, человеческие добродетели, а христианин обращает сотой взоры только к небу; обществу нужны действенные добродетели, которые поддерживают его, придают ему энергию, активность; в семейной жизни человек должен проявлять душевную теплоту и неусыпно трудиться; все люди должны стремиться к законным

радостям жизни, к увеличению своего благополучия. Христианство же только и знает, что принижает людей или питает в них несбыточные надежды; в обоих случаях оно отвращает их от их истинных обязанностей. Христианин, буквально выполняющий предписания своего законодателя, всегда будет бесполезным или вредным членом общества. Христиане не могут нахвалиться поучениями своего божественного учителя, а между тем среди этих поучений встречаются такие, которые прямо противоположны справедливости и разуму. Так Иисус говорит: обретайте себе друзей на небе несправедливо нажитым богатством. Не есть ли это прямой намек, что разрешается красть, для того чтобы подавать милостыню бедным? Нам скажут, что это надо толковать аллегорически; но это слишком прозрачно для аллегории, вдобавок, христиане очень часто выполняют совет своего бога: многие из них всю жизнь воруют, чтобы иметь удовольствие одарить, умирая, монастыри и госпитали. В другом месте мессия очень нелюбезно поступает со своей матерью, ищущей его. Он приказал своим ученикам похитить осла, утопил стадо свиней и пр. Все это, надо сказать, мало согласуется с действительной моралью.

В самом деле, какую пользу может извлечь человечество из этих идеальных добродетелей, которые христиане именуют евангельскими, божественными, религиозными? Христиане предпочитают эти добродетели социальным, человеческим, реальным добродетелям, утверждают, что только евангельские добродетели угодны богу и приобщают человека к его славе. Рассмотрим поближе эти хваленые добродетели, посмотрим, какую пользу они приносят обществу, действительно ли они заслуживают предпочтения перед теми добродетелями, которые нам диктует разум, как необходимые для счастья человечества.

Первая христианская добродетель, служащая основой всем прочим, это — вера. Она заключается в том, что человек убежден в невозможном, убежден в истинности богооткровенных догматов и тех диких басен, в которые ему велит верить религия. Ясно, что эта добродетель требует от нас полного отречения от здравого смысла, невозможного для нас признания невероятного, слепого подчинения авторитету попов; последние — единственные поручители в истинности тех догматов и чудес, в которые под угрозой вечного осуждения обязан верить каждый христианин.

Хотя эта добродетель объявляется необходимой для всех людей, она в то же время оказывается особым даром неба, результатом особой благодати. Она запрещает сомнения и критику, запрещает следовать голосу разума, лишает человека свободы мысли; она низводит человека на положение животного в вопросах, которые в то же

время объявляются самыми важными для его вечного спасения. Ясно, что вера — вымышленная добродетель, выдумка людей, которые боялись разума, которым надо было обмануть себе подобных, чтобы подчинить их своей власти; им надо было принизить людей, чтобы держать их в своих руках. Св. Павел говорит: *fides ex auidtu*. Это значит: люди верят только понаслышке. Вера всегда заключается только в том, что человек следует взглядам попов; живая вера, это — благочестивое упрямство, в силу которого мы не допускаем, что попы могут сами обманываться и желать обманывать других. Вера покоится только на доверии к разуму попов. Если вера является добродетелью, то она, несомненно, полезна только духовным пастырям христиан, только они пожинаят ее плоды. Для всего же остального человечества она может быть только пагубной, так как велит ему презирать разум, который отличает нас от животных и один только может служить нам надежным руководителем в этом мире. Христианская религия толкует нам о превратности разума, представляет его нам, как неверного руководителя; этим она как бы признается, что создана не для разумных существ.

Однако позволительно спросить христианских богословов: до какого предела должно идти это отречение от разума? Разве сами они не прибегают в известных случаях к разуму? Разве они не апеллируют к разуму, когда надо доказать бытие бога? Если разум наш превратен, как же они обращаются к нему в таком важном деле, как доказательство бытия божьего?

Как бы то ни было, утверждать, что веришь в то, чего не можешь постичь, это значит явно лгать; верить же, не отдавая себе отчета в том, во что веришь, это — абсурд. Надо, стало быть, взвешивать мотивы своей веры. В чем заключаются они у христианина? В доверии к своим пастырям и наставникам. Но на чем основано это доверие? На откровении. А на чем, в свою очередь, основано это откровение? На авторитете духовных пастырей. Таков ход рассуждений христиан. Их аргументы <в пользу веры сводятся к следующему: чтобы верить в религию, надо иметь веру, а чтобы иметь веру, надо верить в религию. Другими словами, надо уже обладать верой, чтобы верить в необходимость веры. Некоторые богословы утверждали, что для спасения достаточна вера без добрых дел. В общем, попы больше всего носятся с этой добродетелью. Спору нет, она в первую очередь необходима для их существования. Не мудрено, что они старались водворять ее огнем и мечом. Для поддержания веры инквизиция сжигает еретиков и евреев; чтобы привести людей к вере, цари и попы преследуют их; чтобы надлежащим образом убедить неверующих, христиане уничтожают

их. Удивительная добродетель, достойная бога всеблагого! Служители его наказывают людей, которым он отказал в своей благодати.

Вера улетучивается при свете разума; эта добродетель никак не выдерживает спокойной проверки и размышления; вот почему попы так невзлюбили науку. Основатель христианской религии сам заявил, что его закон — только для нищих духом и для детей. Вера — результат благодати, которой бог не удостоивает людей просвещенных и привыкших руководиться здравым смыслом; она дается только людям, неспособным к размышлению, только экзальтированным душам или тем, кто без просвета привязан к предрассудкам своего детства. Наука всегда была и будет предметом ненависти христианских учителей; они были бы врагами самим себе, если бы любили людей науки.

Вторая христианская добродетель, вытекающая из первой, это — надежда. Она покоится на радужных обещаниях, даваемых христианской религией тем, кто сделает себя несчастным в этой жизни; она питает их экзальтацию, заставляет их не думать о счастье на земле, делает их бесполезными для общества; она внушает им твердую уверенность, что бог вознаградит на небесах их бесполезность, их мрачные мысли, их отказ от радостей жизни, их бессмысленный аскетизм, их молитвы и праздность. Может ли человек, ставший жертвой этого дурмана, интересоваться земным счастьем своих ближних, если он равнодушен к своему собственному счастью? Этот человек, напротив, уверен, что надеяться на милости бога можно только отравляя себе жизнь в этом мире. И действительно, как ни восторженны представления христианина о будущей жизни, религия отравляет их страхом перед ревнивым богом; этот бог желает, чтобы человек спасался в страхе и ужасе, христианский бог карает самонадеянность и немилосердно осудит человека, если он хоть на мгновение позволит себе быть человеком.

Третья христианская добродетель есть любовь; она заключается в любви к богу и к ближнему. Мы уже видели, как трудно — чтоб не сказать невозможно — питать нежные чувства к тому, что возбуждает наш страх. Нам, конечно, скажут, что страх христиан есть сыновний страх; но слова не меняют дела; чувство страха прямо противоположно чувству любви. Сын, который боится своего отца, который имеет основания бояться его гнева, который страшится его капризов, никогда не будет искренне любить его. Поэтому и любовь христианина к своему богу никогда не будет истинной любовью; тщетно христианин пытается вызвать в своей душе нежность к суровому повелителю, который не может не внушать ему страха, он

будет любить его только так, как любят тирана — на словах рассыпаются перед ним в уверениях преданности и любви, но сердце отказывает в них. Ханжа обманывает себя в своей любви к богу; его любовь притворна, подобно вынужденным уверениям в преданности, с которым подступают к тирану — последний, даже делая свой народ несчастным, требует от него внешних признаков любви. Если некоторые чувствительные души в состоянии экстаза могут питать нежные чувства к богу, то это — мистическая и романтическая страсть, продукт разгоряченного воображения и пылкого темперамента; во власти этой страсти они видят своего бога только в самом радужном свете и закрывают глаза на его действительные недостатки. Мистическое поклонение богу свойственно чувствительным и шамотным натурам. Истерические женщины обычно отличаются в этом отношении: они влюблены в бога с такой же страстностью, как в мужчину. В этом состоявши находятся такие женщины, как св. Тереза, Магдалина Пацци, Мария Алакок и почти все действительно набожные монахини. В своей болезненной фантазии они переносят на бога свою земную страсть, которую им не суждено удовлетворить; их мечты рисуют им бога в самых очаровательных образах. Нужна известная сила воображения, чтобы влюбиться в незнакомца; еще больше фантазии требуется для того, чтобы полюбить то, что не представляет ничего привлекательного; надо быть безумный, чтобы любить то, что достойно ненависти. Любовь к богу — одна из тайн нашей религии, не менее непостижимая, чем другие.

Любовь к ближнему — похвальное и необходимое чувство. Она — не что иное, как гуманность, которая влечет нас к людям, побуждает нас помогать им, привязывает нас к ним. Но как примирить эту привязанность к твари с велениями ревнивого бога, который желает, чтобы мы любили только его одного, и пришел разлучить сына с отцом, друга с другом? Согласно евангелию, греховно делить любовь к богу с любовью к кому-нибудь на земле; это значит делать тварь соперником творца, это — идолопоклонство. К тому же, как любить тех, которые постоянно оскорбляют божество и на каждом шагу вводят нас в подобное же искушение? Как любить грешника? Действительно, опыт говорит нам, что святоши, по принципу обязанные ненавидеть самих себя, очень мало расположены относиться иначе, лучше к другим людям, облегчать их жизнь, проявлять к ним кротость. Кто поступает таким образом, не достиг совершенства в божественной любви. Другими словами, те, кто заслужил славу ревностной любви к творцу, не проявляют особой любви к его жалкой твари; напротив, они обычно отравляют жизнь окружающим, резко подчеркивают их недостатки и считают грехом

проявить снисхождение к человеческой слабости. Даже в самых религиозных странах ханжи обычно считаются бичом общества. Образованные люди избегают их, как врагов жизнерадостности, как надоедливых педантов. Женщина-богомолка редко обладает талантом заслужить любовь мужа и домочадцев. Унылая и скорбная религия не может иметь жизнерадостных последователей. Верующие в скорбного бога так же печальны, как он. Христианские богословы очень правильно отметили, что Иисус Христос плакал, но никогда не смеялся.

В самом деле, искренняя любовь к богу неразлучна с фанатизмом; верного христианина должны возмущать люди, оскорбляющие его бога, он должен ожесточить свое сердце и подавлять виновных, должен всеми фибрами стремиться к торжеству своей религии. Эта любовь к богу и создает тот фанатизм, который заставлял христианство преследовать инакомыслящих и вел к таким зверствам и ужасам; фанатизм создает одинаково палачей и мучеников, он побуждает изувера обрушивать грома небесные на оскорбивших божество, он ведет к тому, что члены одной и той же семьи, граждане одного и того же государства восстают брат на брата, поднимают друг на друга руку из-за религиозных убеждений, а частенько и просто из-за вздорных обрядов, почитаемых за предметы величайшей важности. Тысячу раз этот фанатизм зажигал в нашей Европе пламя религиозных войн, приобретших столь печальную славу своей жестокостью. Наконец, этот фанатизм оправдывал клевету, предательство, кровавые бани, самые губительные для общества смуты. В защиту божьего дела всегда разрешалось прибегать к хитрости, козням и обману. Вселенский собор в Констанце сжег Иоанна Гуса и Иеронима Пражского, не считаясь с охранной грамотой императора. Христиане не раз учили, что можно нарушить слово, данное еретикам. Папы сотни раз освобождали от клятв и обещаний, данных иноверцам. История религиозных войн среди христиан изобилует примерами предательства, жестокости и вероломства, небывалыми в других войнах. Кто сражается за бога, тому все дозволено. В этих войнах только и слышишь, что о детях, «размозженных о стену, о беременных женщинах с выпущенными кишками, об обесчещенных и потом убитых девушках. Религиозный фанатизм всегда делал людей изобретательными в их зверствах. Самые желчные, самые злые и развратные люди обычно являются самыми ревностными христианами; они надеются, что за их усердие в деле веры бог простит им их разврат и все другие грехи.

Под влиянием той же ревности к вере фанатики-христиане отправляются в чужие земли и моря, чтобы распространить

владычество своего бога, найти ему новых последователей, приобрести для него новых подданных. Из фанатизма миссионеры считают своим долгом нарушать покой государств, которые они называют государствами неверных; а между тем им вряд ли понравилось бы, если бы в их страну явились миссионеры проповедовать свой закон. Китайский император Камри задал иезуитам-миссионерам в Пекине вопрос: что сказали бы вы, если бы я послал миссионеров а вашу страну? Известно, какие восстания вспыхнули в Японии и Эфиопии из-за иезуитов; благодаря иезуитам христианство было совершенно изгнано из этих стран. Один святой миссионер говорил, что без мушкетов миссионеры не в силах обращать в свою веру. Когда эти ревнители веры и пропагандисты имели за собой вооруженную силу, они вызывали в покоренных странах кровавые мятежи и чинили такие насилия над туземцами, что могли вызвать у последних только ненависть к христианскому богу. По-видимому, отцы-миссионеры полагали, что люди, которым так долго был неизвестен их христианский бог, не более как животные, по отношению к которым разрешаются всякие зверства. Для христианина неверный всегда был не выше собаки. Захватив в Новом Свете земли туземцев, христианские нации действовали под явным влиянием идей евреев. У кастильцев и португальцев, ясно, были такие же права на Америку и Африку, как у евреев на земли ханаанян, на истребление их жителей или обращение их в рабство. Первосвященник праведного и миролюбивого бога даже присвоил себе право распределять эти далекие царства между желательными ему европейскими монархами. Эти явные нарушения естественного и международного права казались вполне законными христианским государям, в пользу которых религия освящала алчность, жестокость и захваты. Св. Августин учит нас, что по божественному праву все принадлежит праведникам божьим; это правило основывается в свою очередь, на одном месте в псалтыри, где говорится, что праведники будут вкушать плод труда нечестивых. См. S. Aug. ep. 91. Как известно, папа издал буллу в пользу королей Кастилии, Арагона и Португалии и установил в ней демаркационную черту, определяющую завоевания каждого из них в странах неверных. Подобные принципы отдают весь мир в добычу христианским разбойникам. Высокой добродетелью христианство считает также смирение. Этой добродетели придается величайшее значение. Право, не нужно было божественного и сверхъестественного озарения, чтобы понять, что гордость оскорбляет и отталкивает людей. Кто хоть немного поразмыслит «ад этим, тот не может не прийти к убеждению, что заносчивость, самонадеянность и тщеславие — качества неприятные

и достойны презрения. Но христианское смирение идет гораздо дальше, христианин должен отказаться от разума, не полагаться на свои добродетели, не дорожить своими добрыми делами, должен потерять уважение к самому себе, даже вполне заслуженное. Ясно, что эта мнимая добродетель лишь унижает человека, роняет его в собственных глазах, убивает в нем всякую энергию, всякое желание быть полезным обществу. Объявить предосудительными чувство уважения к себе и стремление заслужить уважение других, это равносильно тому, что лишить человека самого мощного стимула к великим делам, к науке и труду. Христианство словно нарочито ставит себе целью создавать только жалких, бесполезных для мира рабов, у которых всякую добродетель должна заменить слепая покорность попам.

Не будем удивляться этому. Религия, которая кичится своим сверхъестественным характером, не может не стремиться убить все естественное в человеке. В своем безумном исступлении она запрещает ему любить самого себя, велит ему ненавидеть наслаждение и любить страдание, она вменяет ему в заслугу добровольные страдания. Отсюда подвижничество, разрушающее здоровье человека, бредовое умерщвление плоти, дикие самоистязания и добровольные лишения, словом — медленное самоубийство, которое должно открыть врата рая крайним фанатикам. Правда, не все христиане чувствуют себя способными к такому чудесному совершенству; но все они верят, что для своего спасения так или иначе обязаны умерщвлять свои чувства и отказываться от благоденствий всеблагого бога; они полагают, что, воспользовавшись ими, прогневят своего бога, уверены, что бог предоставляет эти блага только для того, чтобы люди воздерживались от них. Может ли разум одобрить эти пагубные для человека добродетели? Может ли здравый смысл согласиться с тем, что бог требует, чтоб люди отравляли себе жизнь, и наслаждается зрелищем их самоистязания? Какую пользу может извлечь общество из этих добродетелей, делающих человека пришибленным, мрачным, неспособным ничего дать своей родине? Разве нужны кошмары суеверия для того, чтобы доказать, что излишества в наслаждениях обращаются против нас самих и что самое хорошее может оказаться вредным, если злоупотреблять им? Разве не достаточно для этого свидетельства разума и опыта? Разве сама природа наша не заставляет нас быть умеренными и отказываться от того, что может повредить нам? Короче говоря, человек, желающий сохранить свою жизнь, должен умерять свои страсти и избегать того, что губительно для него. Ясно, что христианство — по крайней мере, косвенно □ поощряет самоубийство. Подвижничество

распространено по всей земле; истинным источником его являются, с одной стороны, мрачные представления о божестве, всегда существовавшие у людей, с другой стороны — стремление отличиться от других необычайными делами. Поразительны теряемы индийских йогов; христианские подвижники вряд ли могут сравниться с этими йоговами. Жрецы Астарты в Сирии и Кибелы в Фригии оскотпляли себя, пифагорейцы отказывались от радостей жизни, у римлян были весталки наподобие наших монахинь. Возможно, что подвижничество как средство умилоствления божества берет начало от древних представлений, согласно которым божество жаждет человеческой крови. Несомненно, на этих представлениях покоилась жертва Иисуса Христа, которая в сущности была самоубийством. Следуя примеру такого бога, христианская религия говорит своим последователям, что они должны разрушить свое тело, чтобы поскорее оставить этот превратный мир. Мученики были большей частью настоящими самоубийцами. Монахи-трапписты или ордена *die sept fonds* тоже отличаются этой тенденцией. Под влиянием этих экзальтированных представлений — особенно в эпоху раннего христианства — в пустынях и лесах селилось множество христианских отшельников; уходя от мира, они лишали опоры свои семьи, отнимали граждан у отечества и предавались праздной и созерцательной жизни. Так под знаменем различных мечтателей образовалась армия анахоретов и монахов, бесполезная и даже вредная для государства. Они уповали заслужить райское блаженство, зарывая в землю таланты, необходимые для сограждан, и обрекая себя на безбрачие и праздность. Таким образом, в странах, в которых христиане остаются более всего верны своей религии, множество людей из благочестивых побуждений обрекает себя на жалкую и бесполезную жизнь. Кто столь черств сердцем, чтоб не пролить слезу сострадания над участью жертв из прекрасного пола, которому сама природа предназначила составить счастье нашего пола! Несчастные жертвы своей юношеской экзальтации или эгоизма деспотической семьи, они должны были навсегда оставить свет; необдуманнные обеты навсегда осудили их на тоску, одиночество, неволю и нищенскую жизнь; калечащий природу, обет целомудрия превращает их в тень человека. Тщетно в более зрелом возрасте природа требует своего и заставляет их оплакивать свои безрассудные обеты, общество забыло несчастных схимниц, отвернулось от бесполезных людей, обрекших себя на добровольное бесплодие; оторванные от семьи, они проводят жизнь в горьком затворничестве, под надзором грубых и властных тюремщиков; в их одиночестве и беспомощности им остается только жалкое утешение соблазнять своих подруг по

несчастью, делящих с ними их беспросветную жизнь. Как видим, христианство словно поставило себе задачей во всем идти против природы и разума. Если оно допускает некоторые добродетели, согласные с здравым смыслом, оно всегда утрирует их, не умеет остановиться на той золотой середине, которая является совершенством. Разумеется, человек, дорожащий своей жизнью и уважением своих сограждан, должен избегать любострастия, разврата и прелюбодеяния, недозволенных и позорных наслаждений. Язычники знали и проповедовали эту истину, хотя христианство упрекает их в легкости нравов. Аристотель и Эликтеу советовали не быть невоздержными в словах. Менандр говорит, что честный человек не пойдет на растление девушек и на прелюбодеяние. *Casba placet superis*, целомудрие любо богам,—говорит Тибулл. Марк Антоний благодарит богов за то, что оно сохранили его в юности целомудренным. Римляне издавали законы против прелюбодеяния. Отец Татар сообщает, что мораль сямцев запрещает им не только бесчестные поступки, но также нечистые мысли и желания. Из всего этого следует, что уже до христианства народы, никогда о нем не слыхавшие, высоко ставили целомудрие и чистоту нравов. Но христианская религия не довольствуется этими разумными правилами, она указывает как на состояние совершенства на безбрачие; столь естественные узы брака являются в глазах христианства несовершенством. Отец христианского бога сказал в книге бытия: не хорошо человеку быть одному. Он определенно повелел всем существам плодиться и размножаться. Но в евангелии сын его уничтожает этот закон и заявляет: кто желает достичь совершенства, тот должен отказаться от брака, должен противиться одной из самых повелительных естественных потребностей человека, должен умереть без потомства, остаться без опоры в старости и не давать государству граждан.

Разум говорит нам, что любовные утехи вредны для нас самих, если злоупотреблять ими, и преступны, если они вредят другим. Он говорит нам, что обесчестить девушку — значит осудить ее на позор, сделать ее отверженной в обществе, лишить её выгод жизни в обществе. Он говорит нам также, что прелюбодеяние есть вторжение в права другого, которое разрушает супружеский союз и, во всяком случае, разлучает сердца, созданные для взаимной любви. Отсюда мы должны сделать вывод, что брак является единственным путем честно и законно удовлетворять естественную потребность, увеличить население и создать себе опору в старости, а поэтому он—более почетное и священное состояние, чем пагубное безбрачие или то самооскопление, которое христианство имеет наглость возводить в добродетель. Природа или творец ее призывают людей

размножаться и делают наслаждение приманкой этого; бог во всеуслышание заявил, что женщина необходима для мужчины; опыт показал, что они должны соединяться не только для временных наслаждений, но для того, чтобы вместе нести горести жизни, воспитать детей, сделать их полезными членами общества и найти в них опору своей старости. Сделав мужчину более сильным, чем женщину, природа желала, чтобы он своим трудом добывал средства существования для семьи; наделив подругу его более слабыми органами, она предназначила ее для менее тяжелого, но не менее необходимого труда; дав ей более чувствительную и мягкую душу, она желала, чтобы мать особенно была связана нежным чувством с своими слабыми детьми. А христианство стремится воспрепятствовать образованию этих счастливых уз, стремится нарушить эти предначертания, выставляя в качестве совершенства состояние безбрачия. Последнее ведет к обезлюдению, противно природе, толкает на разврат, изолирует людей и может быть на руку только возмутительной политике попов в некоторых христианских сектах; эти попы считают нужным отделиться от прочих граждан и образовать роковое сословие, продолжающееся из рода в род без потомства. Христианская религия явно относится к браку как к состоящие несовершенства. Это, возможно, объясняется тем, что Иисус Христос принадлежал к секте ессеев, которые, подобно нынешним монахам, отказывались от брака и посвящали себя безбрачию. По всей вероятности, эти взгляды их были приматы первыми христианами, которые со слов Христа ожидали в любой момент конца мира и поэтому считали бесполезным иметь детей и увеличивать свою связь с этим миром, стоящим на краю гибели. Как бы то ни было, св. Павел говорит: лучше вступить в брак, чем гореть вожделением. Иисус сам хвалит тех, кто оскотил себя ради царствия (небесного). Ориген принял этот совет или предписание в буквальном смысле. Св. великомученик Юстин заявляет, что бог пожелал родиться от девы, дабы уничтожить обычное зачатие, плод нечистой похоти. Апология безбрачия была одной из главных причин изгнания христианства из Китая. Св. Эдуард Исповедник всю жизнь не прикасался к женщине. Идеализация целомудрия была причиной того, что одна за другой угасали все саксонские династии в Англии. Монах св. Августин, апостол англичан, спрашивает папу св. Григория, сколько времени должно пройти, пока мужчина, имевший сношения с женщиной, сможет войти в церковь и быть допущенным к святому причастию. *Gems aeteroa in qua nemo nascitur* (вечный род, в котором никто не рождается). По-видимому, предписание безбрачия у католического духовенства было результатом очень хитрой политики пап. Во-первых, оно должно

было еще более возвысить священников в глазах народа, показать ему, что они отличаются от обыкновенных людей, состоящих из плоти и крови. Во-вторых, целибат духовенства должен был порвать узы, связывающие его со своими семьями и с государством, и связать попов только с церковью; благодаря этому имущество церкви не делилось, оставалось единым целым. Целибат сделал католических попов столь могущественными, он же сделал их также столь плохими гражданами: им не надо думать о своем потомстве. У семейного человека имеются потребности, которых нет у человека, живущего в безбрачии; для последнего все кончается с его смертью. Самые властолюбивые папы энергичнее всего выступали за безбрачие духовенства. Особенно горячо хлопотал о введении его Григорий VII. Если бы лицам духовного сословия разрешено было вступать в брак, короли и князья не преминули бы вступать в духовное звание, и папам не так легко было бы справиться с ними. По-видимому, безбрачием следует объяснить жестокость, безжалостность, настойчивость и (непокорность, в которых всегда упрекали католическое духовенство.

Христианство сделало послабление и разрешило вступать в брак тем христианам, которые не чувствовали себя в силах добиваться совершенства; зато оно окружило этот союз тяжелыми путами. Так, христианская религия запрещает развод; самые несчастные браки нерасторжимы, кто раз вступил в брак, тот должен всю жизнь терпеть из-за своей неосторожности. Нужды нет, что брак, который должен иметь целью только счастье, любовь и привязанность, превратился для этих людей в источник горя, грызни и страданий. В согласии с жестокой религией закон препятствует несчастным разбить свои цепи. Христианство, можно сказать, пустило в ход все возможное, чтобы отвлечь людей от брака и побудить их предпочесть ему состояние безбрачия, которое неизбежно ведет к разврату, прелюбодеянию и разложению. Природа всегда берет свое; у холостяков — такие же потребности, как и других людей, «о им остается прибегать только к проституции и прелюбодеянию или же к другим средствам, которые нам не позволяет назвать приличие. В Испании, Португалии и Италии монахи являются чудовищами разврата; благодаря безбрачию в этих странах столь распространены разврат, педерастия и прелюбодеяния. Пороки среди мирян были бы менее часты, если бы брак не был нерасторжим. А между тем бог евреев разрешил развод, и не видно, на каком основании сын его, пришедший исполнить закон, отменил это столь разумное разрешение.

Не будем распространяться о других преполах, которые церковь со времени своего основателя ставила браку. Папы должны были

смеяться себе в кулак, когда короли выпрашивали у «их разрешение на брак с родственницей. Не подлежит сомнению, что первоначально браки между родственниками воспрещались гражданским законодательством. Запрет и разрешение таких браков находились исключительно в руках князей и императоров в том числе и христианских. См. Cod Theod., tot. 12, lex 3; lex 5, tat. 8, § 10; iMd, tit. 8, 9..37. Такое же право принадлежало французским королям. Де-Марка определенно говорит: (Эта часть права находилась тогда в руках князей и не оспаривалась у них). См. его книгу: («О согласии духовной и светской власти»). Однако постепенно церковь захватила у государей это право, и папы в такой мере присвоили себе право распоряжаться в вопросах брака, что одно время почти невозможно было быть уверенным, живешь ли ты в законном или незаконном браке. Свойство стало препятствием к браку; придумали какое-то духовное свойство; запрещены были браки между крестным отцом и крестной матерью, и в руках папы оказались таким образом судьбы королей и их подданных. Под предлогом кровосмесительных араков попы сотни раз вносили смуту в государство; они отлучали государей от церкви, объявляли их детей незаконнорожденными, устанавливали порядок престолонаследия. Между тем, согласно библии, не подлежит сомнению, что сыновья Адама женились на своих сестрах. Такие браки — скажут попы — преступны, потому что к любви между родственниками присоединяется здесь еще супружеская любовь, так что можно опасаться чрезмерной нежности между супругами. Запрещая браки между родственниками, церковь словно хотела запретить брачующимся хорошо знать и нежно любить друг друга. Таковы те совершенства, которые христианство ставит на вид своим чадам, таковы те добродетели, которые оно предпочитает добродетелям человеческим, как оно презрительно называет их. Даже более того, оно отвергает эти (последние, называет их ложными и незаконными, потому что обладавшие ими не имели веры. Как! Добродетели Греции и Рима, столь светлые и высокие, не были истинными добродетелями! Если справедливость, гуманность, великодушие, умеренность и терпение язычника не являются добродетелями, то что же тогда можно назвать добродетелью? Утверждать, что справедливость язычника не есть справедливость, что его душевная доброта — не доброта, что его милосердие — грех, не значит ли это спутать все понятия о морали? Неужели не следует предпочесть действительные добродетели таких людей, как Сократ, Катон, Эпиктет, Антонин, фанатизму св. Кирилла, упрямству св. Афанасия, праздности св. Антония, козням св. Иоанна Златоуста, жестокости св. Доминика, жалкой психике св. Франциска? Как

известно, св. Кирилл, во главе отряда монахов, пытался убить наместника Александрии Ореста, и по его наущению была зверски убита прекрасная, ученая и добродетельная Ипатия. Все святые католической церкви были либо мятежниками, сражавшимися за притязания церкви, либо глупцами, щедро одарившими ее, либо визионерами, губившими самих себя.

Все добродетели, почитаемые христианством, либо утрированы и фанатичны, либо стремятся сделать человека пришибленным, жалким и несчастным; если же они внушают мужество христианину, он становится упрямым, самонадеянным, жестоким и вредным для общества. Таким он должен быть, чтоб отвечать взглядам религии, которая презирает этот мир и не колеблется вносить в него смуту, лишь бы ее ревнивый бог восторжествовал над своими врагами. Никакая истинная мораль не совместима с подобной религией.

ГЛАВА 13.

О ХРИСТИАНСКОМ КУЛЬТЕ И ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ХРИСТИАНИНА.

Если христианские добродетели не содержат ничего прочного и реального и не ведут ни к каким разумным результатам, то разум не найдет также ничего положительного в множестве стеснительных, бесполезных, а часто и вредных обрядов, которые христианство вменяет в обязанность своим последователям. Эти обряды выдаются христианством за верные средства умиловить бога, сподобиться его благодати и заслужить его несказанные милости и награды. Первая и самая существенная обязанность христианина заключается в молитве. Счастье обретается постоянной молитвой; всеблагий бог желает, чтобы у него выпрашивали его милости, он дает их только докучливым людям. Подобно земным царям, бог доступен лести, он требует этикета и благосклонно выслушивает только те просьбы, которые обращены к нему по известной форме. Что сказали бы мы об отце, который, зная, что дети его голодны, дает им хлеба лишь в том случае, если они вырывают его горячими просьбами, причем просьбы эти часто остаются тщетными? К тому же, можем ли мы предписывать богу его поведение? Не значит ли это сомневаться в его божественной мудрости? Может ли тварь заставить бога изменить свои решения—не значит ли это подвергать сомнению его неизменность? Если бог всеведущ, какой смысл имеет постоянно осведомлять его о чувствах и желаниях его почитателей? Если он всемогущ, то как могут льстить ему их почести, их вечные изъявления покорности, их подобострастное припадание к его стопам?

Итак, молитва предполагает бога капризного и забывчивого, бога, который ревниво требует бесконечных изъявлений покорности. Эти понятия взяты из обихода земных царей. Можно ли применять их к всемогущему существу, которое создало вселенную только для человека и желает только его счастья? Можно ли предполагать, что всемогущее существо, не имеющее себе равных, не имеющее соперников, ревностно относится к своей славе? Можно ли вообще говорить о славе для существа, которое ни с кем несравнимо? Неужели христиане не видят, что, желая превознести и почтить своего бога, они в сущности лишь унижают его?

В христианской религии молитва одного имеет также силу для других. Христианский бог, пристрастный к своим любимцам, только от них принимает просьбы; он выслушивает свой народ только в том случае, если последний обращается к нему со своими мольбами через служителей божьи. Бог превратился в султана, доступного только своим министрам, визирям, евнухам и женщинам своего сераля. Отсюда это несметное множество священников, отшельников, монахов и монахинь, только и делающих, что воздымающих к нему праздные руки и денно и нощно вымаливающих милости божьи для общества. Народы дорого платят за эти важные услуги; благочестивые бездельники живут в роскоши и изобилии, тогда как действительная заслуга, труд и промыслы прозябают в нищете. Один император (если не ошибаюсь, Юстин) просил прощения у бога и терзался угрызениями совести за то, что он отнимал часть своего времени у молитвы и отдавал его управлению государством. Под предлогом молитвы и исполнения религиозных обрядов христианин обязан — особенно в нескольких, наиболее суеверных сектах-т проводить значительную часть года в бездельи, сложа руки. Его уверяют, что своей праздностью он воздаст хвалу богу. Попы в своих интересах устанавливают множество новых праздников, благо легкоеверие народа делает это возможным; эти праздники отнимают миллионы рабочих рук у полезного труда. Вместо того, чтобы возделывать свою ниву, крестьянин идет молиться в храм божий; здесь глазам его представляется пышное зрелище вздорных обрядов, здесь он слышит разные побасенки и догматы, в которых ничего не в состоянии понять. Деспотическая религия обрушивается на ремесленников и земледельцев, которые позволяют себе в эти дни, посвященные ничегонеделанью, заботиться о пропитании своей многочисленной и нуждающейся семьи; это вменяется им в грех, а правительство, в трогательном единодушии с церковью, карает тех, кто посмел добывать свой хлеб насущный вместо того, чтобы молиться или сидеть сложа руки. Став императором, Константин в

321 г. приказал прекращать в воскресенье все отправления правосудия, всякие занятия ремеслом и другие обычные городские замятия. Сельские и полевые работы не подлежали этому закону. Во всяком случае, эти правила были разумнее тех, которые приняты в настоящее время, особенно у католиков. Ныне устанавливают праздники папа и епископы, вынуждая народ к праздности. Можно ли примирить с разумом нелепое требование воздерживаться от мяса и некоторых других видов пищи, существующее у некоторых христианских сект? Этот запрет заставляет народ, живущий своим трудом, в течение очень долгих промежутков довольствоваться дорого стоящей и нездоровой пищей, плохо подкрепляющей его силы.

Какое жалкое и дикое представление должны иметь о своем боге болваны, воображающие, что его может прогневить меню его почитателей! Впрочем за деньги небо становится покладистее. Попы всегда нарочно навязывали верующим различные запреты, чтобы заставить их преступать последние; все это делается для того, чтобы верующие дорогой ценой искупали эти свои грехи. В христианстве все, вплоть до грехов, служит интересам попов. Греки и восточные христиане строго соблюдают установленные посты. В Испании и Португалии покупают за деньги разрешение есть в пост скоромное; верующий обязан! платить таксу или крестовый сбор (введенный так наз. «крестовой буллой»), даже если исполнил требования культа, — в противоположном случае не получает отпущения грехов. Обычай постов и воздержания от определенных видов пищи перешел от египтян к евреям, а от последних к христианам и магометанам. Можно сказать, что от воздержания от мясной пищи выигрывают только государства, которые католики считают еретическими; англичане продают католикам треску, а голландцы — селедки. Не странно ли, что христиане воздерживаются от мяса, что нигде не предписано в Новом завете, но употребляют в пищу кровь, кровяную колбасу и мясо удушенных животных, между тем как апостолы строго запрещают это, даже наравне с блудом. (См. Деяния апостолов, гл. 15, ст. 20 и 29).

Ни один культ никогда не ставит своих последователей в такую безусловную и Постоянную зависимость от своего духовенства, как христианство; христианские попы никогда не упускали из виду свою добычу, они принимали самые верные меры, чтобы поработить свою паству, заставить ее служить их могуществу, их обогащению и власти. Они были посредниками между царем небесным и людьми, на них смотрели как на влиятельных царедворцев, как на министров, уполномоченных богом править от его имени, как на фаворитов, которым бог не может ни в чем отказать. Таким образом, попы стали

неограниченными владыками христиан, на всю жизнь захватили власть над рабами, которых покорили им страх и предрассудки. Попы привязали их к себе, сделали себя необходимыми им с помощью множества вздорных обрядов, которые постарались представить им как безусловно необходимые для спасения. Упущение этих культовых обрядов попы объявляли более тяжким преступлением, чем открытое нарушение правил морали и разума. Не будем же удивляться тому, что в наиболее христианских, то есть наиболее суеверных, сектах попы не оставляют человека в покое в течение всей его жизни. Не успеет новорожденный выйти из утробы матери, священник за определенную мзду крестит его; делается это под тем предлогом, что надо смыть с новорожденного воображаемый первородный грех. Священник примиряет с богом младенца, который еще не имел даже времени оскорбить бога; с помощью сакральных формул и заклинаний поп вырывает младенца из власти дьявола. С самого раннего возраста воспитание ребенка обычно поручается попам, которые, главным образом, стараются заблаговременно привить ему выгодные для них предрассудки; попы внушают ребенку страхи, которые не оставят его всю жизнь и будут все расти; его учат басням суеверной религии, ее бессмысленным догматам, ее непостижимым тайнам — короче говоря, в нем воспитывают суеверного христианств, но никак не полезного гражданина, не просвещенного человека. Воспитание почти во всем мире находится в руках попов. Немудрено, что нет конца невежеству, суеверию и фанатизму. У протестантов, так же как и у католиков, университеты носят чисто поповский характер. Получается впечатление, что в Европе желают готовить одних монахов. Попы учат его, что важно и необходимо только одно — слепо повиноваться своей религии. Будь благочестив — говорят ему, презирай свой разум, отдай свои помыслы небу, не думай о земном, вот все, чего требует от тебя бог, чтобы дать тебе вечное блаженство.

Для поддержания в христианине тех гнусных и фанатических идей, которыми напичкали его в детстве, попы некоторых сект требуют от него исповеди; он должен часто являться к ним и исповедывать им самые затаенные свои прегрешения, самые скрытые поступки, свои сокровенные мысли. Он должен унижаться у ног попов, отдавать дань их власти. Они сначала запугивают грешника, а затем, если считают его достойным, примиряют его с богом; по приказу своего служителя бог отпускает грешнику его грехи. Христианские секты, признающие исповедь, расхваливают ее как узду, весьма полезную для нравов, прекрасно сдерживающую •страсти. Но опыт показывает, что страны, в которых строже всего соблюдается этот

обычай, не только не отличаются чистотой нравов, но, напротив, нравственность стоит здесь на наиболее низком уровне. Столь легкое искупление грехов лишь поощряет преступников. Жизнь христианина представляет собой постоянное чередование разгула страстей и покаяния на очередной исповеди; последняя приносит пользу только попам, дает им в руки абсолютную власть над совестью человека. Велика власть попов, которые по своему усмотрению открывают или закрывают перед человеком врата неба, вторгаются в семейные тайны и могут по своему желанию воспламенять умы фанатизмом!

Без согласия попов христианин не может приобщаться их таинств, попы имеют право отстранить его от них. Он мог бы утешиться в этом мнимом несчастье; но поповские анафемы или отлучения всюду сопряжены с реальным злом для человека: духовные кары влекут за собой гражданские последствия; каждому гражданину, впадшему в немилость у церкви, грозит расправа со стороны правительства, а соотечественники гнушаются его.

Мы уже видели, что служители бога суют свой нос в брачные дела; без их благословения христианин не может стать отцом, он должен подчиниться их вздорным религиозным обрядам, иначе государство, в трогательном единодушии с церковью, исключит его детей из числа своих граждан. Из истории видно, что попы во все вмешивались. Церковь, как заботливая мать, интересовалась прической, одеждой и обувью своих чад. В XV столетии гнев ее вызывают ботинки с острыми носками, как их носили тогда (так наз. обувь *a la roulaïne*). Св. Павел возмущался заинойкой волос.

Под страхом совершить грех христианин в течение всей своей жизни обязан посещать церковь, слушать проповедь своих священников, исполнять религиозные обряды. Выполняя без запинки это важное дело, он уверен, что заслужил милость своего бога и уже не имеет никаких обязанностей перед обществом. Таким образом, вздорные обряды заменяют мораль; последняя всюду подчинена религии, между тем как должка была бы давать ей свои предписания.

Даже на смертном одре христианина осаждают попы. В некоторых сектах религия, словно нарочно, отравляет последние минуты умирающего, старается сделать смерть еще в тысячу раз более горькой. К постели больного является поп и с невозмутимой бесчувственностью пугает его своими речами; под предлогом примирения с небом он размалевывает больному его конец и велит ему проникнуться мыслью о смерти. Католические обряды у ложа умирающего поражают своим жестокосердием. От святых даров умирает больше людей, чем от болезней и врачей. Страх может выдавать в ослабленном организме опасные потрясения. Однако

государство в союзе с религией поддерживает эти жестокие обычаи. В Париже существует постановление, что после трех визитов к больному врач обязан потребовать, чтоб больного причастили. Этот обычай тяжел для граждан, зато чрезвычайно полезен для церкви: значительной долей своих богатств она обязана тем назидательным ужасам, которые попы во время рисуют умирающим богачам. Мораль от этого не выигрывает. Опыт показывает, что большинство христиан с спокойной совестью предаются при жизни разврату и преступлениям и откладывают заботу о примирении с богом к тому времени, когда придет их конец. За их запоздалое раскаяние и щедрые дары церкви последняя отпускает им грехи и позволяет им надеяться, что небо предаст забвению хищения, кривды и прочие преступления, которые они совершили за всю свою жизнь во вред своим ближним.

У некоторых сект власть попов над христианином не прекращается и после его смерти. Попы извлекают барыш из трупа, продают за деньги право похоронить его в церкви и распространять в городе заразу и болезни. Мало того, могущество попов простирается даже за пределы земного существования. За дорогую цену покупают молитвы церкви, чтобы избавить души почивших от испытаний в чистилище. Счастливы богатые, которым эта религия дает возможность купить за деньги молитвы угодников божьих; любимцы бога будут просить его отменить наказания, наложенные его непреложной справедливостью. Благодаря учению о чистилище и о силе молитв церкви освобождать души из чистилища католическая церковь не раз получала жирный куш и наживалась на богатейших наследствах. Благочестивые христиане часто лишали наследства своих родственников и отдавали его церкви. Это называлось: сделать свою душу своей наследницей. На Базельском конгрессе, состоявшемся в 1443 г., францисканцы пытались догматизировать следующее положение: (по божественной привилегии св. Франциск ежегодно спускается в чистилище и уводит всех своих на небо). Но этот догмат, слишком благоприятный для францисканцев, был отвергнут епископами. Католическая церковь считает, что молитвы за усопших относятся ко всей совокупности умерших. В таком случае, как и правильно, расходы несут богатые.

Таковы главные и непреложные обязанности христианина, в зависимость от которых церковь ставит его спасение. Таковы те нелепые и вредные обряды, которыми подчас подменяют общественные обязанности человека. Не будем распространяться здесь о различных суевериях, принятых в одних сектах и отвергаемых другими, например о поклонении, воздаваемом памяти

благочестивых фанатиков и темных фантазеров, причисленных папой римским к лику святых. Как известно, даири, или японский папа, имеет право канонизировать, то есть причислять к лику святых. Эти святые называются в Японии — ками. Не будем останавливаться ни на паломничествах, играющих такую важную роль у суеверных народов, ни на индульгенциях, с помощью которых покупается отпущение грехов. Подчеркнем лишь, что все эти суеверия обычно соблюдаются народом с большей неукоснительностью, чем правила морали, — последние часто совершенно в загоне. Людям гораздо легче соблюдать ритуальные обряды и религиозные церемонии, чем соблюдать добродетель. Добрый христианин, это — тот, кто строго выполняет требования попов; а они требуют от него вместо всех добродетелей — слепой веры, щедрых приношений церкви и послушания.

ГЛАВА 14.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ.

Мы видели бесполезность и даже опасность тех совершенств, добродетелей и обязанностей, которым учит нас христианская религия. Посмотрим теперь, оказывает ли она более благотворное влияние на политику, приносит ли она действительное благополучие тем народам, которые приняли эту религию и строго соблюдают ее. Прежде всего, мы находим, что во всех христианских странах установилось двоевластие, причем обе власти находятся в борьбе между собой. Государство должно поддерживать мир и согласие между гражданами. Христианская религия учит жить в мире и любви, но вскоре сама уничтожает это правило; она неизбежно создает раздоры среди своих последователей, так как у последних не может не быть разнобоя в понимании двусмысленных, разноречивых велений священного писания. С самых первых времен христианства происходят горячие споры между христианскими мыслителями. На первом же собрании апостолов, на Иерусалимском соборе, св. Павел спорит с св. Петром по вопросу, сохранять ли ритуал евреев или отказаться от него. Люди, принявшие веру от самого Иисуса Христа, не могли между собой столкнуться; с тех пор положение не стало лучше. Впоследствии мы в продолжение веков тоже находим лишь расколы, ереси, за которыми следуют гонения и войны, никак не согласующиеся с хваленым миролюбием христианства; в религии, где все темно, невозможно согласие. Во всех религиозных спорах обе стороны уверены, что бог на их стороне, и поэтому проявляют упрямство и упорство. Они и не могут поступать иначе, так как

смешивают дело божие со своей суетной борьбой. Они не проявляют уступчивости и ведут между собой ожесточенную борьбу, пока оппор не разрешается силой; предмет этих споров всегда чужд здравому смыслу. Действительно, государственная власть вынуждена была вмешиваться во все эти распри христиан; государи вмешивались в вздорные опоры попов, видели в этих спорах предмет величайшей важности. В религии, установленной самим богом, не может быть второстепенных мелочей. Поэтому государи выступали с вооруженной силой против части своих подданных; образ мыслей двора решал вопросы веры, подданные должны были веровать так, как верует двор, истинны были только те воззрения, которые он поддерживал. Государевы слуги стали Охранителями правоверия, остальные были еретики, которых должны были истреблять стражи ортодоксии. Один остроумный человек заметил, что в каждой стране ортодоксальной верой является та, к которой принадлежат палачи. Действительно, при ближайшем рассмотрении нельзя не согласиться, что все догматы христианской религии установлены государями и солдатами. Если бы жил еще Людовик XIV, булла Unigeniitus стала бы у нас членом символа веры.

В силу своих предрассудков и своей ложной политики государи всегда видели в тех подданных, которые не держались их религиозных воззрений, дурных граждан, опасных для государства, врагов их власти. Если бы государи не вмешивались в дерзкие раздоры попов и не помогали последним своими гонениями, эти споры затихли бы сами собой и не смущали бы общественного порядка. Если бы государи нелицеприятно вознаграждали добрых и карали злых, невзирая на их учения, на их культ и обряды, они не заставляли бы многих своих подданных стать заклятыми врагами угнетающей их власти. Христианские государи всегда старались обратить еретиков с помощью насилий и преследований; между тем здравый смысл должен был бы подсказать им, что такими мерами они лишь порождали лицемеров и тайных врагов и даже вызывали восстания. После отмены Нантского эдикта Людовик XIV обрушился на гугенотов с гонениями и о то же время запретил им эмигрировать из Фракции. Это — столь же разумный способ действий, как поведение детей, которые мучают птичку в клетке и плачут, когда замученная птичка умерла.

Но эти доводы не трогают государей, в которых христианство с детства воспитывает фанатизм и предрассудки. Оно прививает им вместо всякой добродетели рьяную приверженность к вздорным обрядам и догматам, не имеющим никакого касания к благу государства, и внушает им дикую ненависть против всех отказывающихся подчиниться их деспотическим взглядам. В

результате государи находят, что проще истреблять еретиков, чем действовать на них мерами увещания. В своем надменном деспотизме они не нисходят до рассуждений. Религия говорит им, что в делах веры тирания законна, а жестокость является заслугой. Христианство всегда превращало покровительствовавших ему государей в деспотов и тиранов. Оно изображало их богами на земле, объявляло их капризы волей неба, предавало им народы, как стада рабов, которыми они могут распоряжаться, как душе угодно. За ревность к вере оно не раз прощало самым извращенным государям все их насилия и преступления и предписывало народам безропотно терпеть их власть, которая разила их вместо того, чтобы защищать их; за послушание грозили народу громами небесными. Не удивительно, что после водворения христианства столько народов изнемогают под гнетом благочестивых тиранов, не имеющих за собой ничего кроме слепой приверженности к религии и позволяющих себе самые возмутительные преступления, самую злодейскую тиранию, самые позорные излишества, самый необузданный разврат. Каковы бы ни были насилия, притеснения и хищничество этих государей, искренне или притворно преданных религии, попы старались сдерживать их подданных. Не удивительно также, что бесталанные и злые государи, в свою очередь, защищали интересы религии, которая нужна была их ложной политике для поддержания их власти. Короли не нуждались бы в религии для управления своими народами, если бы поступали справедливо и были просвещенны и добродетельны, если бы сознавали свой истинный долг и осуществляли его, если бы действительно пеклись о счастья своих подданных. Но так как легче исполнять обряды, чем обладать талантами или проявлять добродетель, то христианство слишком часто находило в государях рьяных защитников и даже угодливых палачей.

Далеко не так дружелюбно относились церковники к тем государям, которые отказывались идти с ними заодно, вмешиваться в их склоки, служить их страстям. Попы часто восставали против государей, пытавшихся противодействовать им, карать их эксцессы, образумить их, умерить их властолюбивые притязания, посягнуть на их неприкосновенные привилегии. В таких случаях попы вопили о святотатстве, о нечестии, о том, что государь налагает руку на священные права церкви, дарованные самим богом. Они пытались поднять народ против законнейшей власти, объявляли государей, непокорных церкви, тиранами и подстрекали против них вооруженных фанатиков. Небо всегда готово было мстить тому, кто обидел его слуг. Последние были покорны и проповедовали другим покорность только тогда, когда государь делил с ними власть или

когда они были слишком слабы, чтобы выступать против его власти. Вот почему в первые времена христианства апостолы, не имея власти, проповедуют подчинение; как только государство стало на сторону новой религии, попы стали требовать гонений, низлагать государей, подсылать цареубийц.

Во всех государствах, в которых утвердилась христианская религия, существуют две соперничающие власти; между обеими постоянно ведется борьба, раздирающая государство и обычно истощающая его. Подданные раскалываются на два лагеря, — одни сражаются за государя, другие за своего бога, точнее — уверены, что сражаются за бога. Победа всегда будет в конце концов на стороне последних, пока попам дозволено будет отравлять народ религиозным дурманом, питать в нем фанатизм и предрассудки. Только путем постепенного освобождения народа от ига суеверия можно будет уменьшить власть поповщины; в невежественной и темной стране она всегда будет безграничной и будет сильнее власти королей. Но большинство государей боится просвещения народа; соучастники поповщины, они вступают с ней в союз, чтоб подавлять разум и преследовать всех тех, кто имеет мужество провозглашать его. В своем ослеплении эти государи не видят своих собственных интересов и интересов их народов и желают быть повелителями одних рабов, соответственно обработанных попами. И действительно, в странах, где всецело царит христианство, мы видим позорное невежество и полный упадок духа: в союзе с попами государи как бы сговорились губить науку, искусство, промышленность, которые может создать только свобода мысли. Среди христианских народов свободнее, сильнее и счастливее других те, которые наименее суеверны. В странах, в которых стакнулся деспотизм духовной и светской власти, народы коснеют в бездействии, лени и спячке. Те народы Европы, которые кичатся чистотой своей веры, бесспорно, не являются самыми цветущими и самыми могущественными; их государи сами — рабы религии, и повелевают они тоже лишь рабами; у населения этих стран нет достаточно энергии и мужества, чтобы самому обогащаться и работать на пользу государства. В таких странах живут в изобилии одни попы, все прочие прозябают в самой тяжелой нужде. Но христианскую религию совершенно не интересуют счастье народов и их могущество; она не желает, чтобы ее последователи искали счастья в этом мире, она говорит о вреде богатства, исповедует нищего бога, восхваляет нищих духом и умерщвляющих свою плоть. Надо думать: только для того чтобы заставить народы следовать этим правилам, церковь в ряде европейских государств захватила в свои руки наибольшие богатства и попы живут в

роскоши, тогда как остальные граждане спасаются в нищете. Уже при беглом подсчете оказывается, что в Италии, Испании, Португалии и Германии доход церкви должен превысить не только доход государей, «о к доход всех прочих граждан. Утверждают, что в одной Испании более пятисот тысяч попов, обладающих огромными доходами.

Король Испании, наверно, не обладает и шестой долей этих доходов для защиты государства. Надо сказать, что если монахи и священники необходимы для государства, то небо требует за их молитвы цену, весьма не малую. Изгнание мавров разорило Испанию; только упразднение монашества может восстановить богатство этой страны. Но к этому надо подойти умеючи; король, который возьмется за это слишком ретиво, несомненно, будет свергнут с престола народными массами; последние не поймут, что он желал сделать им добро. Прежде всего необходимо, чтобы в Испании распространилось просвещение и чтобы народ был доволен своим государем.

Такова польза, приносимая христианской религией государству. Церковь образует независимое государство в государстве, она поработает народы, она благоприятствует тирании государей, которые угождают ей, и поднимает народ против государей, которые отказываются потворствовать ей. Когда церковь в союзе с государственной властью, она угнетает и принижает нацию, разоряет ее, убивает ее науку и промышленность; когда церковь рвет с государственной властью, она делает граждан противообщественными, нетерпимыми и мятежными.

Если подробно рассмотреть предписания этой религии и вытекающие отсюда правила, то окажется, что она воспрещает все, что ведет к процветанию государства. Мы уже видели, какого низкого мнения христианская религия о браке и как высоко она ставит безбрачие; эти взгляды неблагоприятны для роста населения, который, бесспорно, является главным источником могущества государства.

Торговля не в меньшей мере противна принципам этой религии, основатель которой произносит анафему против богачей и исключает их из царства небесного. Занятие промышленностью тоже запрещено праведным христианам, которые лишь временные гости на этой земле и никогда не должны заботиться о завтрашнем дне. По словам св. Иоанна Златоуста, купец отнюдь не может быть угоден богу, христианин не может быть купцом, купцы должны быть исключены из церкви. Он ссылается на слова 70-го псалма: «я не знал торговли». Если этот принцип правилен, то вся улица Сент-Оноре осуждена на муки ада.

Не ясно ли, что христианин, соглашающийся служить в армии, поступает непоследовательно и необдуманно? Человек не вправе считать себя избранником божьим, удостоившимся благодати божьей; поэтому он не может подвергать себя опасности вечного осуждения. Христианин, любящий своего ближнего и обязанный любить своих врагов, совершает величайшее преступление, убивая человека, душа которого ему неизвестна и которого он может одним ударом низвергнуть в ад. Христианин, говорит Лактанций, не может быть ни воином, ни обвинителем. См. том I, стр. 137. Квакеры и меннониты отказываются носить оружие. Они последовательнее других христиан. Для христианства солдат — чудовище; впрочем для солдата, сражающегося за божье дело, должно быть сделано исключение — такой солдат, умирая, становится мучеником. Христианство всегда объявляло войну науке и человеческим знаниям, на них смотрели как на препятствие к спасению. Наука заставляет человека возомнить о себе, говорит апостол. Людям, которые обязаны подчинить свой разум вере, не нужны ни разум, ни наука. Христиане сами признают, что основатели их религии были люди простые и невежественные; ученики их не должны быть просвещеннее их, в противном случае они не будут верить басням и фантазиям, унаследованным от этих высоко почитаемых невежд. Всегда констатировали, что самые (просвещенные люди обычно являются плохими христианами. Наука не только может поколебать веру, она отвращает христианина также от забот о своем спасении — от единственно истинно-важного дела. Если наука приносит пользу государству, то невежество еще гораздо полезнее религии и ее слугам. Века, не знавшие науки и промышленности, были золотым веком для церкви Иисуса Христа. Это было время, когда государи находились в наибольшем подчинении у нее, время, когда служители церкви захватили в свои руки все богатства общества. В одной весьма многочисленной секте попы настаивают, чтобы мирянам оставалось недоступно и неизвестно само священное писание, хотя в нем содержатся правила, которым должны следовать верующие. Несомненно, эти попы поступают вполне разумно: чтение библии способно скорее всего излечить христианина от преклонения перед библией. В свое время папа Григорий Святой велел уничтожить множество языческих «миг. На заре христианства ее. Павел велит принести книги и сжечь их на его глазах; с тех пор церковь всегда практиковала этот метод. Основатели христианства должны были бы запретить под страхом вечных мук учиться грамоте. Католическая церковь поступила очень умно, изъяв священное писание из рук народа. С тех пор как стали в XVI столетии читать его, повсюду возникали ереси и происходили

восстания против попов. Для церкви было счастливое время, когда грамотны были одни монахи, когда грамотность была их монополией. Для тех, кто сомневается в том, что отцы церкви ненавидели и презирали науку, приведем следующие цитаты. Св. Иероним говорит: (Геометрия, арифметика и музыка) содержат истину в своей области, но наука благочестия из другой области. Наука благочестия заключается в том, чтобы знать писание и понимать пророков, верить в евангелие и знать пророков). Св. Амвросий говорит: (Что за безумие заниматься астрономией и геометрией: измерять глубину воздушных пространств, забывать то, что дает спасение, предаваться заблуждениям!) Св. Августин говорит: (Астрология, геометрия и подобное в большом презрении у наших, потому что бесполезны для спасения). Геометрию следовало бы запретить во всех христианских государствах, так как она приучает ум логически мыслить.

Резюмируя, можно сказать, что при неукоснительном соблюдении правил христианской религии ни одно государство не могло бы существовать. Кто сомневается в этом, пусть послушает отцов церкви; он увидит, что их мораль совершенно несовместима с существованием государства и его могуществом. Он увидит, что, согласно Лактанцию, никто не должен быть солдатом; согласно св. Юстину, никто не должен быть судьей; согласно св. Иоанну Златоусту, никто не должен заниматься торговлей; согласно мнению очень многих отцов церкви, никто не должен заниматься наукой. Итак, если присовокупить эти правила к наставлениям спасителя мира, то христианин, надлежащим образом стремящийся к совершенству, окажется самым бесполезным существом для своей родины, для своей семьи и для всех окружающих, он окажется праздным созерцателем, промышляющим только о будущей жизни, совершенно отошедшим от этого мира и его интересов и только и мечтающим о том, чтобы поскорее покинуть этот мир. Тертуллиан говорит: (Нас ничто не интересует в этом мире за исключением того, чтоб поскорее уйти от него). Лактанций указывает, что одной из главных причин распространения христианства было представление о близком конце мира.

Послушаем Евсевия Кесарийского и посмотрим, не является ли христианин безнадежным фанатиком, от которого общество не может иметь никакой пользы.

Быт христианской церкви — говорит он — превосходит нашу настоящую природу и обычную жизнь людей. Здесь не добиваются брака, детей, богатств; этот быт совершенно чужд человеческому образу жизни, мы всецело отдаемся любви к божественному.

Христианин почти оторван от земной жизни, только тело его еще на

земле, но дух его всецело на небесах, он живет там уже, как чистые небесные духи; христиане презирают жизнь других людей. (См. Евсевий, *Damonic. evang.*, т. I, стр. 29). Действительно, человек, всей душой уверовавший в истины христианской религии, не может ни к чему привязаться в этом мире, во всем ему мерещится только случай к падению или, во всяком случае, нечто, отклоняющее его от мысли о спасении. Если бы христиане, к счастью, не были непоследовательны и не отвлекались беспрестанно от своих превыспренних фантазий, не отказывались от своего фанатического совершенства, то ни одно христианское общество не могло бы существовать, и народы, просветленные светом евангелия, вернулись бы в первобытное состояние. Повсюду блуждали бы исступленные существа, не знающие никаких общественных уз, они то и дело молились бы и рыдали в этой юдоли слез и стремились бы сделать несчастными себя и других, чтобы заслужить царствие небесное.

Религия, — повторяю, — правила которой стремятся сделать людей нетерпимыми, государей гонителями, а подданных либо рабами, либо мятежниками; религия, темные догматы которой должны вызывать вечные споры; религия, принципы которой лишают людей бодрости и отвращают их от мысли о своих истинных интересах, — такая религия пагубна для всякого общества.

ГЛАВА 15.

О ЦЕРКВИ, ИЛИ О ХРИСТИАНСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ.

Во все времена находились люди, которые умели извлекать для себя пользу из заблуждений своих ближних. Попы всех религий строили свое могущество, богатство и величие на народной темноте. Но ни одна религия не вела к такому порабощению народов духовенству, как христианская. Первых глашатаев евангелия, апостолов и первых священников, изображали как святых людей, получивших вдохновение от бога и участвующих в его всемогуществе. Если не все их преемники окружены тем же ореолом, то часть христиан считает, что духовенство в целом, церковь постоянно озарена святым духом, который никогда не покидает ее. Церковь соборно непогрешима, и, следовательно, постановления ее столь же священны, как веления самого божества, и являются одним сплошным откровением.

Соответственно столь высоким представлениям христианства о духовном сословии последнее, в силу прав, полученных от самого Иисуса Христа, должно неограниченно повелевать народами, перед его волей должны склоняться даже цари. Поэтому неудивительно,

что попы так долго пользовались огромной властью. Эта власть должна была быть неограниченной, так как основывалась на божественном авторитете; она должна была быть деспотической, так как людям не дано ограничивать божественное всемогущество; она должна была вырождаться в произвол, так как находилась в руках людей, опьяненных властью и развращенных безнаказанностью. На заре христианства апостолы, исполняя поручение, возложенное на них Иисусом Христом, проповедовали евангелие евреям и язычникам. Как мы видели, новизна их учения привлекла к ним последователей из народа. Новообращенные христиане, горячие ревнители новых воззрений, образовали в каждом городе особые общины под управлением лиц, поставленных апостолами. Последние, как получившие веру из первых рук, сохраняли за собой надзор над различными основанными ими христианскими общинами. По-видимому, отсюда произошли епископы, или «надзиратели», сохранившиеся в церкви до наших дней; главы современной христианской иерархии гордятся этим происхождением. Св. Иероним во всеуслышание осуждает различие между епископами и священниками. Он утверждает, что, по св. Павлу, священник и епископ — одно и то же и только по наущению сатаны тачались различия в церкви. Ныне епископы, ми на что we нужные, получают большие доходы, а множество приходских священников, обслуживающих свою паству, умирает с голоду.

Как известно, члены этой новой секты отдавали свое имущество в общее пользование. По-видимому, это было обязательно и строго соблюдалось: по приказанию св. Петра двух новообращенных постигла смерть за то, что они удержали кое-что из своего имущества. Фонды, получавшиеся от этой общности имуществ, находились в заведывании апостолов, а после них — в заведывании сменивших их надзирателей, или епископов, и священников. А так как священник должен жить от алтаря, то надо думать, что эти епископы самолично оплачивали себя за свои наставления и имели возможность черпать из общественной казны. Те, кто привлекал новых прозелитов, конечно, должны были довольствоваться добровольными даяниями новообращенных. Как бы то ни было, богатства, накопленные благодаря благочестивому усердию верующих, возбуждали алчность священников и сеяли раздор между ними; каждый из них хотел стать епископом и распорядиться общественными деньгами. Таким образом, вместе с церковью божьей возникли склока и различные группировки. При выборах епископов часто происходили кровопролития. Претекстат говорил: сделайте меня римским епископом и я перейду в христианство. Как

всегда, раньше всего охладевали в своем религиозном рвении сами попы; властолюбие и алчность скоро одерживали в них верх над теми бескорыстными принципами, которым они поучали других. Пока христианство оставалось в загоне и подвергалось преследованиям, склоки между епископами и священниками не выносились наружу. Но с тех пор, как Константин решил воспользоваться помощью партии, ставшей очень многочисленной и широко распространившейся благодаря его суеверию и недомыслию, лицо церкви совершенно изменилось. Главы христиан, соблазненные властью и ставшие царедворцами, стали вести между собой открытую борьбу; они вовлекали императоров в свои распри, преследовали своих соперников. Осыпанные почестями и богатствами, они с течением времени совсем изменили свою физиономию, в них никак нельзя было узнать преемников тех нищих апостолов, или вестников, которых Иисус послал проповедовать свое учение. Они стали князьями и, опираясь на силу религии, могли предписывать законы самим государям и зажигать пожар во всем мире.

По печальной неосторожности сан первосвященника был при (Константине отделен от императорской власти; императорам вскоре пришлось пожалеть об этом. Римский епископ, епископ города, который некогда был властелином мира и одно имя которого все еще импонировало народам, сумел ловко использовать смуты в империи, вторжения варваров и слабость императоров, находившихся слишком далеко, чтобы следить за его поведением. С помощью происков и интриг римский первосвященник уселся на престоле цезарей. Ради него сражались Эмилии и Сципионы. На Западе его считали главой церкви, епископом над всем миром, наместником Иисуса Христа на земле, непогрешимым орудием божества. Известно, что главенство пап, всегда оспаривавшееся патриархами Александрии, Константинополя и Иерусалима, основано на двусмысленном месте в Новом завете. Папы утверждают, что являются преемниками св. Петра, которому Иисус оказал: ты — Петр (камень), и на этом камне я воздвигну церковь свою. Но лучшие критики отрицают, что Петр когда-либо был в Риме. Что касается папской непогрешимости, то у некоторых христиан хватает ума отрицать ее, но, в общем, она неоспоримая истина у испанцев, португальцев, немцев, фламандцев и даже у большинства французов. Беллармин утверждает, что папа имеет право поступать несправедливо: *jure potest contra jus dtacerne* (он по праву может решать против права).

Эти высокомерные притязания пап были отвергнуты на Востоке, но в наибольшей части христианского мира римский первосвященник

господствовал, не встречая соперников. Он стал богом на земле и по недомыслию государей стал вершителем их судеб. Он основал теократию, или божественное управление, стал во главе его, а короли стали его заместителями. Когда они осмеливались оказывать ему сопротивление, он низлагал их и поднимал против них народы. Другими словами, в течение ряда веков духовная власть была сильнее светской власти. Папа имел власть (распределять по своему усмотрению короны, ему беспрекословно подчинялись народы, косневшие во мраке невежества; он разделял государей, чтобы властвовать над ними, и эта власть его продолжалась бы и поныне, если бы их мало-помалу не освободили успехи просвещения, к которому государи относятся так враждебно, или если бы эти государи не оказывались непоследовательными и не следовали больше своему честолюбию, чем своему религиозному долгу. Папы приобрели такое большое влияние в Европе благодаря честолюбию государей и их стремлению захватить чужие владения. Государи вместо того, чтобы объединиться против папы, как должны были бы поступить, старались каждый привлечь его на свою сторону и получить от него полномочие на захват чужого достояния. В самом деле, если служители церкви получили свою власть от самого Иисуса Христа, то оказывать сопротивление его представителям на земле все равно, что восставать против него самого. Короли, как и подданные, совершают преступление, если не подчиняются власти божьей; духовная власть, исходящая от владыки небесного, должна иметь перевес над светской властью, исходящей от людей; истинно-христианский государь должен быть слугой церкви, первым рабом попов.

Неудивительно поэтому, что в века невежества попы были сильнее государей и встречали больше повиновения у народов, ставивших божественные интересы выше земных интересов. Несомненно, в эти темные века христиане ставили своих попов выше своих королей. В Англии во время владычества саксов закол устанавливал за убийство архиепископа кентерберийского большую денежную пеню, чем за убийство короля. Суеверные нации больше повинуются голосу всевышнего и его представителей на земле, чем голосу долга, справедливости и разума. Добрый христианин, покорный церкви, должен слепо и безрассудно подчиняться всем ее приказаниям. Кто имеет право помутить наш рассудок, тот имеет право толкать нас на преступления.

С другой стороны, попы, власть которых на земле исходит от самого бога, не могут зависеть от какой-либо другой власти. Таким образом, независимость христианского духовенства основывается на началах христианской религии; попы всегда выезжали на этом. Вполне

естественно, что попы, одаренные и обогащенные щедротами королей и народов, не желали признавать этот истинный источник своего изобилия и своих привилегий. Люди могут взять обратно свои даяния, последовавшие в результате вымогательства и необдуманности; народы, освободившись от своих предрассудков, могут в одно прекрасное утро заявить протест против даяний, исторгнутых у них под влиянием запугивания и обмана. Попы сознавали все неудобства такого положения и утверждали, что их богатства — от бога; между тем эти богатства были предоставлены им людьми, но каким-то чудом попам поверили на слово. Божественные права попов, или привилегии (иммунитеты) церкви, имеют очень древнее происхождение. Богиня Изида отдала египетским жрецам треть своего царства, за что они должны были воздавать божеские почести ее супругу Озирису после его смерти. См. Диодор Сицил., кн. II, гл. I. Египетские жрецы, во всяком случае, получали десятину и были освобождены от всяких общественных тягот. Египтянин Моисей из колена Левиина, а также бог евреев, как видно, поглощены исключительно заботой о жрецах, устанавливают в их пользу десятину и отдают им часть жертвенных животных. Несомненно, христианские попы унаследовали права еврейских жрецов. Отсюда вытекает, что отказываться платить церкви десятину — великий грех, и столь же великое преступление — заставлять церковь платить общие налоги. Из книги Бытия, гл. 47, ст. 26, видно, что с участков жрецов ничего не взималось в пользу царя. Согласно книге Левит, гл. 27, ст. 21, 28, поля жрецов не подлежали выкупу. Как видим, христианские попы в вопросе о своем имуществе придерживались закона евреев. Таким образом интересы духовенства отделились от интересов общества. Люди, посвятившие себя богу, должны быть представителями его на земле, перестали быть гражданами; их уже не смешивали с мирянами. Они уже не подлежали гражданским законам и обыкновленным судам; их судили только члены их сословия. При таком режиме самые вопиющие безобразия попов часто оставались безнаказанными; личность попа, подчиненная одному богу, стала неприкосновенной и священной. Спор между английским королем Генрихом II и святым архиепископом кентерберийским (Фомой Бекетом) возник из-за того, что король желал собственной властью наказывать духовных лиц за совершенные ими убийства и другие преступления. В последнее время португальскому королю пришлось тщетно добиваться разрешения предать суду иезуитов, замешанных в дело об оскорблении величества. Церковь не соглашается добровольно с тем, чтоб наказывали ее священнослужителей; в таких случаях она

гнушается пролития крови. Она гораздо более покладиста, когда речь идет о пролитии крови других. Государи обязаны были защищать владения попов, оказывать им покровительство, хотя попы не несли никаких общественных тягот и в лучшем случае участвовали в них лишь постольку, поскольку это было в их интересах. Одним словом, эти уважаемые лица могли безнаказанно причинять вред другим, они жили в обществе только для того, чтобы обирать его под предлогом своих назиданий и молитв.

В самом деле, какую пользу извлекли за восемнадцать веков народы из их назиданий и поучений? Удалось ли этим непогрешимым попам столкнуться между собой по самым существенным пунктам своей богооткровенной религии? Надо сказать, странное это откровение, если оно постоянно нуждается в комментариях и толкованиях. Что сказать о священном писании, которое каждая секта понимает столь различно? Народы, беспрестанно поучаемые столь многими пастырями и осиянные светом евангелия, не стали ни более добродетельными, ни более просвещенными в самом важном для «их вопросе. Им велят подчиниться церкви, но в самой церкви никогда нет согласия; прошли века, а она все время только и знала, что реформировала, разъясняла, разрушала и опять восстанавливала свое божественное учение; по мере надобности церковники создают новые догматы, неизвестные основателям церкви. Каждый раз возникают новые тайны, новые формулы, новые члены символа веры. Несмотря на наитие святого духа, христианство никогда не умело достигнуть той ясности, простоты и твердости, которые отличают каждое логичное учение. В тексте: «которые являются несомненными доказательствами хорошей системы". Ни соборы, ни каноны, ни множество декретов и законов, образующих церковный кодекс, не могли до сих пор установить объекты церковной веры. Если бы умный язычник захотел перейти в христианство, его с самого же начала не могло бы не сбить с толку наличие множества сект, из которых каждая утверждает, что она вернее всего ведет к спасению и точнее всего согласуется со словом божьим. Какую секту ему выбрать? Он видит, что они гнушаются друг друга, а некоторые из них безжалостно осуждают все другие; он видит, что вместо взаимной терпимости они преследуют и притесняют друг друга, видит, что секты, имеющие силу, обрушиваются на соперников с самыми утонченными жестокостями, с самыми свирепыми гонениями. Ибо — не будем себя обманывать — христианство не довольствуется тем, что насилует людей, чтобы внешним образом подчинить их своему культу, оно изобрело также искусство тиранить мысль и насиловать совесть человека, искусство, остававшееся неизвестным всем языческим религиям. В своем

усердии к вере попы не ограничиваются обрядовой стороной, они роются в ваших мыслях, нагло залезают вам в душу и оправдывают свое кощунство, и зверство заботой о опасении вашей души. Все это неизбежно вытекает из принципов религии, которая считает заблуждение преступлением, достойным гнева божьего. В силу этих взглядов в некоторых странах попы, с согласия государей, выступают в роли блюстителей веры. Судьи в собственном деле, они посылают на костер тех, взгляды которых находят опасными; окруженные доносчиками, они шпионят за поступками и словами граждан, приносят в жертву своей безопасности всякого, кто внушает им подозрение. Гражданский суд — если ст поступает правильно — старается установить все, что может служить в защиту обвиняемого. Инквизиционный трибунал поступает противоположным образом. Обвиняемому никогда не сообщают причины его ареста, ему никогда не дают очной ставки со свидетелями. Он не знает, в каком преступлении его обвиняют, но тем не менее от него требуют, чтобы он сознался в нем. Таковы правила христианских попов. Правда, инквизиция не выносит смертных приговоров; служители божьи не могут сами проливать кровь. Эта функция предоставляется светской власти, причем эти негодяи притворно просят ее быть снисходительной к виновному — они знают, что это только пустые слова. Мало того! Они, несомненно, подняли бы порядочную катавасию, если бы суд поймал их на слове и действительно проявил снисходительность. Поведение, достойное людей, у которых интерес заглушает чувство человечности, искренность и стыд. На этих гнусных порядках основан режим инквизиции. Она хочет найти виновных; достаточно быть заподозренным ею, чтобы уже оказаться виновным. Таковы правила этого кровавадного судилища. Всюду, где ложная политика государей позволяет инквизиции проводить свой свирепый режим, инквизиция прилагает все усилия, чтобы народ не вышел <из своего невежества, не проснулся от своей спячки. В странах, мнящих себя более просвещенными и более свободными, епископы не стыдятся требовать от зависящих от них лиц подписки под определенными формулами веры и задают им каверзные вопросы. Мало того, даже женщины не изъяты от этих расспросов; некий прелат интересуется их мнением о разных богословских тонкостях, непонятных даже для авторов их.

Поповские разногласия отравили все отношения духом ненависти, вражды и раскола. Так было с самого начала христианства. Религия, построенная на чудесах, баснях и неудобоваримых фантазиях, не может не служить источником раздоров. Вместо полезных знаний богословы всегда имели дело только со своими догматами; вместо

того, чтобы изучать истинную мораль и учить людей их истинному долгу, они стремились только создавать прозелитов. Праздные попы предавались бесполезным умозрениям, варварской и темной науке, которая под именем науки о божестве, или богословия, импонировала толпе. Эта наука в своем самонадеянном невежестве отличалась таким же властным упрямством, как и сам христианский бог, и была столь же непонятной, как и он сам. Опоры рождали новые споры. Нередко люди гениальные, достойные лучшей доли, всецело отдавались этим вздорным хитросплетениям, праздным и произвольным построениям, приносящим обществу не пользу, а вред. Народы опутывались в эти непонятные для них пререкания, государи становились на сторону тех попов, которым они благоволили; сила меча решала, какая вера должна считаться правильной. Та партия, на сторону которой становился государь, душила все остальные. Государи всегда считают своим долгом вмешиваться в богословские споры; они не понимают, что это лишь придает последним пушную важность. Попы всегда призывали помощь светской власти в защиту своих доктрин, единственно угодных богу. История церкви имеет своих героев — это либо упрямые фанатики, ставшие жертвой своих кошмарных идей, либо свирепые гонители, с бесчеловечной жестокостью обрушивавшиеся на своих противников, либо мятежники, вносящие смуту в народ. Потоки крови проливались в защиту кошмарных представлений, вызывающих лишь улыбку потомства, не менее, впрочем, безрассудного, чем предки.

Почти во все века раздавались громкие жалобы на злоупотребления <в лоне церкви; шла речь о реформе. Несмотря на пресловутую реформу в главе и в членах, церковь продолжала оставаться развращенной.

Нации изнемогали под гнетом алчных, беспокойных и мятежных попов, а государи были слишком слабы, чтобы справиться с ними. Только раздоры и расколы среди самих попов ослабили гнет их над народами и государями. Царство римского первосвященника, просуществовав много столетий, было наконец поколеблено возмущенными фанатиками, взбунтовавшимися монахами, которые осмелились поставить вопрос о правах этого грозного деспота. Несколько князей, которым надоели их рабство и их бедность, примкнули к взглядам бунтовщиков, дававших им возможность завладеть имуществом церкви. Таким образом было разорвано единство церкви, выросли новые секты, и каждая сражалась за свое учение. Основатели новой секты, — папа честит их новаторами, еретиками, безбожниками — действительно, отказались от некоторых старых взглядов; но, сделав несколько шагов по

направлению к разуму, они удовольствовались этим и не осмелились полностью сбросить с себя ярмо суеверия. Они продолжали почитать, священные книги христиан, считая их единственным руководством для верующих, заявляли, что черпают из них свои взгляды. Они открыли доступ народу к этим темным книгам, в которых каждый может легко найти все, что ему заблагорассудится, книги, в которых бог на каждом шагу противоречит себе. Эти книги они отдали в руки своих последователей, которые скоро заблудились в этом запутанном лабиринте. В результате расплодилось новые секты.

Итак, главы сект, так называемые реформаторы, лишь приоткрыли завесу над истиной. Они цеплялись за мелочи, продолжали почитать священные легенды христиан, признавать их жестокого и нелепого бога; они сохранили дурацкую мифологию христианства, его догматы, противные разуму; наконец, они сохранили самые непонятные, бредовые таинства, хотя выступили против нескольких других таинств. На каком основании протестанты. Допекая троицу, воплощение, крещение, отвергают догмат пресуществления? Если допускать один абсурд, зачем останавливаться на полдороги? Не удивительно, что, несмотря на реформацию, во всей Европе происходили драки богословов, свирепствовали фанатизм, гонения и религиозные войны. Фантазии и бредни реформаторов лишь принесли ей новые несчастья. Всюду лилась кровь, народы не стали ни разумнее, ни счастливее.

Во все времена попы всех сект добивались господства, считали свои взгляды непогрешимыми и священными и навязывали их другим. Во все времена они, будучи у власти, преследовали другие секты; во все времена их безумства находили поддержку народов; во все времена их роковые учения колебали основы государств. Нетерпимость и дух преследования присущи всякой секте, возникающей в лоне христианства. Жестокий, пристрастный бог, гневающийся на людей за их взгляды, не может мириться с мягкой и гуманной религией. Кальвин сжег в Женеве Сервета. Хотя протестантские попы предоставляют своим последователям право критики, они карают их, лишь только результат этой критики оказывается несогласным с их собственными взглядами. Хотя протестантские церкви не объявляют себя непогрешимыми, они требуют, чтобы их правила соблюдались, словно непогрешимые. Карл I сложил свою голову на эшафоте вследствие склоки по вопросам религии и вследствие нетерпимости протестантов. Хотя протестантские нации похваляются своей терпимостью, различие религии резко разделяет у «их граждан: кальвинисты, лютеране и приверженцы англиканской церкви ненавидят и презирают папистов, а последние, в свою

очередь, проклинаят их. Господствующая, секта везде дает чувствовать другим свою силу. Во всякой секте попы пользуются властью, которая может стать пагубной для государства; они всегда будут воспитывать мистиков, фанатиков, изуверов, которые будут возбуждать смуту, лишь только им внушат, что этого требует дело божие, что церковь в опасности и что надо взяться за оружие во славу Божию.

В результате, в христианских странах светская власть рабски подчинена попам, исполняет волю духовенства, уничтожает его врагов, защищает его права, богатства и привилегии. Почти во всех протестантских странах самые уважаемые люди, получающие самые большие оклады, — это тунеядцы и склочники, люди бесполезные и опасные, попы. Суеверный народ все думает, что он еще мало сделал для слуг божьих. Эти чувства разделяются всеми сектами. Надо сделать, однако, исключение в пользу квакеров, или «трясущихся», которые благоразумно не допускают в своей секте священников. Попы повсюду заставляют государей плясать под свою дудку, заставляют их подчинять политику государства религиозным соображениям, противятся самым полезным для государства учреждениям. Повсюду попы являются наставниками юношества и с раннего возраста прививают людям свои печальные предрассудки. Однако наибольшим могуществом и богатством духовенство всегда пользовалось в тех странах, которые остались покорными римскому папе. Слепая вера подчинила попам и самих королей. Они были лишь исполнителями воли попов, не раз весьма жестокой, всегда готовы были обнажить меч по первому призыву попов. *In nuntum sacardotriis* (по мановению священства), как выразился кроткий св. Бершр. Католические государи находились в большем ослеплении, чем все прочие, безрассудно доверяли попам и почти всегда служили их эгоистическим интересам. Эта секта затмила все прочие своей дикой нетерпимостью и варварскими преследованиями. Ее буйный и жестокий нрав возбудил к ней заслуженную ненависть у наций, менее безрассудных, сиречь менее верных христианству. Бог отвергает того, кто ни холоден, ни горяч. Христианин должен быть проникнут ревностью к вере, так как должен нежно любить своего бога. Христианнейший государь должен скорее превратить свою страну в пустыню, чем допустить, чтобы подданные его оскорбляли бога. Филипп II и Людовик XIV были истинно христианскими государями. Англичане и голландцы — холодные и трусливые христиане, они ставят преуспеяние государства и торговли выше интересов религии. В христианстве веротерпимость и безразличие к религии стали синонимами. Может ли быть терпимым приверженец религии, основатель которой сказал: кто не со мной, тот против

меня!

Да не удивляет нас это. Римско-католическая религия только для того и сочинена, чтобы сделать всемогущим духовенство. Ее попы находчиво отождествили себя с божеством, их дело всегда было делом божьим, их слава стала славой божьей, их воля стала оракулом божества, их имущество принадлежало небу. Их гордыня, их алчность, их бесчеловечность санкционировались интересами их владыки небесного. Более того: в этой секте государь валялся у ног своего попа, смиренно каялся ему в своих грехах и вымаливал у него прощения перед богом. Редко, очень редко попы использовали свое святое служение для блага народа; они не помышляли о том, чтобы упрекать государей в злоупотреблении властью, в нищете народной, в слезах вдовицы и сирых. В таких случаях трусливые и угодливые, попы не вещают государям громовым голосом истину, они не говорят им о беспрестанных притеснениях, под гнетом которых изнемогают народы, о непосильных налогах, о бесцельных разорительных войнах, о непрекращающихся нарушениях прав гражданина. Эти вопросы не интересуют церковь, а между тем она могла бы быть хоть несколько полезной, если бы использовала свою силу для обуздания суеверных тиранов. Маршал де-Д. заметил Людовику XIV: «Я понимаю, что ваше величество находит духовника, который дает вам отпущение, чтобы снискать влияние; но я не понимаю, каким образом отец Ле-Телье находит другого, который дает отпущение ему самому». Ужасы ада были бы простительным обманом, если бы служили для устрашения царей. Попы этим не интересовались. Они почти никогда не выступали за интересы народа. Они курили фимиам тиранам, смотрели сквозь пальцы на их злодеяния, примиряли тиранов с небом, обещали им его прощение, если они примут горячее участие в их поповских драках. Таким образом, в католичестве духовенство господствовало над царями и поэтому и над подданными их. Суеверие и деспотизм заключали вечный союз и объединялись для того, чтобы поработить и разорить народы. Попы запугивали народ ужасами загробного мира для того, чтобы государь мог тянуть из него жилы; в награду за это государь обеспечивал попам блестящую, роскошную, раздольную жизнь и брал на себя сокрушение всех их врагов. Католические нации — самые невежественные и самые угнетенные в Европе; религиозное рабство влечет за собой рабство политическое. Католические попы, можно сказать, выступают перед государями с таким же предложением, как дьявол перед Иисусом Христом, когда искушал его в пустыне. «Все это дам тебе, если, падши, поклонись мне». Мы предадим тебе твоих подданных, связанных по рукам и ногам, если ты подчинишься нашим

фантазиям.

А что сказать о тех богословах, которых христиане называют казуистами? О тех горе-моралистах, которые брались измерить, до какого предела человек может оскорблять творца, не рискуя своим спасением? Эти умники обогатили христианскую мораль смехотворным тарифом грехов; им доподлинно известно, в какой мере каждый грех раздражает всевышнего. У истинной морали есть только одна мера для человеческих провинностей: самые тяжелые, это — те, которые приносят наибольший вред обществу. Кто вредит самому себе, тот поступает необдуманно и неблагоприятно; кто вредит другим, тот поступает несправедливо и преступно.

Попам оплачивают даже их праздность. За счет наивных жертвователей ведут сытую жизнь множество бездельников, разоряющих общество и не приносящих ему никакой пользы. К народу, и без того обремененному налогами, присасываются пиявки, которые пьют его кровь: попы заставляют дорого платить себе за их ненужные, цедимые сквозь зубы молитвы. Тогда как талантливые люди, прилежные ученые, храбрые воины живут в нужде или имеют лишь самое необходимое, ленивые монахи и праздные попы катаются, как сыр в масле, к стыду государств, терпящих это. Никто не написал такой злой сатиры на христианских попов, как евангелист св. Матфей (в гл. 23). Все, что говорит там Христос о книжниках и фарисеях, в точности подходит к нашим попам. В притче о самаритянине Христос дает понять, что из всех людей попы — самые бесчеловечные. В наше время нищий тоже редко обратится за милостыней к духовному лицу.

ГЛАВА 16.

(И ПОСЛЕДНЯЯ) ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Все сказанное выше воочию показывает, что христианская религия противоречит здоровой политике и благу народов. Она может быть выгодна только для тех неразумных и лишенных добродетелей государей, которые считают нужным управлять рабами; чтобы безнаказанно грабить и угнетать народ, эти государи вступают в союз с попами, задачей которых всегда было обманывать народ именем бога. Однако эти неразумные государи должны помнить, какой ценой они добиваются осуществления своих планов: они сами неизбежно попадают в рабство к попам, и последние непременно обратят против них свое священное оружие, если государи не будут им достаточно покорны и откажутся служить их страстям.

Мы видели выше, что христианская религия не менее вредна также здоровой морали и разуму, счастьем отдельных лиц и семейному

согласию, она вредна своими экзальтированными добродетелями, своими безрассудными совершенствами и своим фанатизмом. Легко видеть, что христианин, поклоняющийся мрачному и страдающему богу, должен постоянно предаваться скорби и аскетизму. Если этот мир — только переход к другому миру, то не имеет смысла привязываться к чему-либо в этой, земной жизни. Если бог оскорблен делами и воззрениями людей, верующий христианин обязан, буде это в его силах, сурово карать этих людей; в противном случае он проявит недостаток усердия и преданности своему богу. Добрый христианин должен либо бежать от мира, либо сделать себя невыносимым для себя самого и для других.

Эти соображения должны быть достаточным ответом тем, кто объявляет христианство полезным для государства и морали и утверждает, что без религии человек не может обладать добродетелью и быть добрым гражданином. Несомненно, гораздо правильнее обратное утверждение: правоверный христианин, не изменяющий принципам своей религии и стремящийся во всем подражать подвижникам божьим, которых эта религия «ставит ему в пример, христианин, который умерщвляет свою плоть и удаляется от мира, христианин, который вносит в общество свою экзальтацию, свой фанатизм, свое упрямство, — такой человек, повторяю, не обладает никакой действительной добродетелью, он либо бесполезный член общества, либо язва общества, вредный и опасный гражданин. Наши попы не перестают кричать «караул» против неверующих и философов и называют их неблагонадежными подданными. Между тем, если заглянуть в историю, мы не найдем случая, чтобы философы возбуждали мятежи в государстве; напротив, мы не найдем ни одного мятежа, в котором «е были бы замешаны служители церкви. Доминиканский монах, который отравил императора Генриха VI (он дал ему отравленную просфору), Жак Клеман, Равальяк не были неверующими. Карла I возвели на эшафот не философы, а христиане-фанатики. Не Спиноза, а поп Гомар зажег пожар в Голландии и т. д. и т. д.

Если верить защитникам христианства, то в странах, в которых не водворилось христианство, не должно существовать никакой морали. Между тем уже при беглом взгляде мы видим, что добродетель существует повсюду в мире: без нее не могло бы существовать ни одно государство (*societe politique*). У китайцев, индусов, магометан, несомненно, существуют хорошие отцы семейства, примерные мужья, послушные и благодарные дети и подданные, верные своим государям; так же, как и у нас, честных людей было бы в этих странах гораздо больше, если бы мудрое управление вместо того, чтобы прививать людям с детства

бессмысленные религии, давало им справедливые законы, заботилось об обучении их чистой морали, не извращенной фанатизмом, поощряло их наградами к благородным поступкам и отвращало их от зла с помощью чувствительных наказаний. Повторяю, религия всюду словно только для того изобретена, чтобы избавить государей от заботы быть справедливыми, издавать хорошие законы, хорошо управлять государством. Религия, это — искусство одурманивать людей с целью отвлечь их мысли от того зла, которое причиняют им в этом мире власть имущие. Людей запугивают невидимыми силами и заставляют их безропотно нести бремя страданий, причиняемых им видимыми силами; им сулят надежды на блаженство на том свете, если они примирятся с своими страданиями в этом мире.

Таким образом, религия стала сильнейшим средством несправедливой и возмутительной политики, обманывающей людей для того, чтобы легче управлять ими.

Просвещенные и добродетельные государи должны гнушаться столь низких средств. Да узнают они свои истинные интересы! Да будет им ведомо, что эти интересы связаны с интересами их подданных. Да знают они, что они не могут быть действительно могущественны, если им не служат мужественные и деятельные граждане, трудолюбивые и добродетельные, любящие своего повелителя. Да знают эти повелители, что любовь их подданных может покоиться только на доставляемом им счастье. Бели бы цари прониклись этими важными истинами, им не надо было бы ни религии, ни попов, чтобы управлять народами. Пусть государи поступают справедливо, награждают таланты и добродетели, ополчаются против праздности, пороков и преступления, и вскоре их государства будут изобиловать полезными гражданами, понимающими, что их собственные интересы велят им служить отечеству, защищать его, любить своего государя, ставшего источником их счастья. Граждане не будут нуждаться ни в откровении, ни в таинствах, ни в рае и аде, чтобы выполнять свой долг.

Мораль всегда будет неустойчивой, если не опирается на высокий авторитет. Государь должен стать первосвященником своего народа; ему одному подобает учить морали и призывать к добродетели, принуждать к справедливости, подавать хороший пример, подавлять злоупотребления и пороки. Он ослабляет свою власть, если позволяет водвориться в своих владениях другой власти, интересы которой расходятся с его интересами, мораль которой не имеет ничего общего с моралью, необходимой его подданным, и принципы которой прямо противоположны общественному благу. Отдав дело воспитания в руки фанатиков-попов, христианские государи

насчитывают в своих землях только суеверных жителей, у которых нет за душой другой добродетели кроме слепой веры, религиозного рвения, тупого соблюдения вздорных обрядов, словом — нелепых представлений, не влияющих на их поведение и не делающих его лучше.

В самом деле. Нам толкуют о благотворном влиянии христианской религии; но находим ли мы больше добродетелей у исповедующих эту религию? Действительно ли люди, искупленные кровью бога, лучше других, нравственнее, честнее? Конечно, среди этих ревностных христиан вы не найдете ни угнетения, ни хищничества, обмана, прелюбодеяния? Конечно, вы не найдете у этих благочестивых царедворцев ни интриг, ни вероломства, ни клеветы? Неужели у священников, возвещающих другим грозные догматы и страшные кары, мы найдем несправедливость, пороки, грязные души? И еще один вопрос; он касается несчастных, которых их преступления ведут на плаху. Являются ли они неверующими, вольнодумцами? Нет, все это—христиане, религия не обуздывает их, они на каждом шагу нарушают первейшие правила морали, они сознательно в продолжение всей своей жизни оскорбляют своего бога, но тем не менее надеются, что перед смертью примирятся с ним, умолят его своим запоздалым раскаянием.

Впрочем мы не отрицаем, что христианская религия иногда служит уздой для некоторых боязливых душ, не закореневших в пороках и преступлениях. Но такие люди были бы честны и без религии; их удержал бы и страх возбудить против себя ненависть и презрение и потерять свое доброе имя. Те же, кто в своем ослеплении глухи к этим мотивам, останутся глухи к ним и несмотря на угрозы религии. Нельзя также отрицать, что страх перед богом, видящим ваши сокровенные мысли, действительно сдерживает многих людей. Но он не является уздой для страстных натур, приносящих в своем ослеплении вред обществу. Кроме того, человек, привыкший честно поступать, не нуждается в чьем-либо надзоре; его страшат угрызания совести, он боится, что ему придется самого себя презирать и ненавидеть, — мучительные чувства для каждого, кто не погряз в преступлениях. Не говорите нам, что без страха божьего нельзя испытывать угрызений совести. Каждый воспитанный человек поневоле испытывает тяжелое чувство страха и стыда при мысли о том, что мог запятнать себя бесчестящим поступком; он часто судит себя строже, чем судили бы его другие, избегает чужих взглядов, хотел бы бежать от самого себя — в этом и заключаются угрызания совести.

Другими словами, религия не налагает узды на страсти человека, не оказывает на него в этом смысле влияния, которое с гораздо

большим успехом не могли бы оказать на него разум, воспитание и здравая мораль. Если бы злоумышленник знал, что будет наказан за каждый свой злой умысел, это заставило бы его воздержаться. В благоустроенном обществе порок всегда должен вызывать презрение, за преступлением всегда должно следовать наказание; воспитание, преследующее общественные интересы, должно учить людей уважать себя, бояться презрения других, страшиться бесчестия больше смерти. Но такая мораль не может быть по сердцу религии, которая велит нам презирать себя и ненавидеть, пренебрегать уважением других и стремиться угодить только богу, пути которого неисповедимы.

Наконец, если христианская религия, как уверяют, является уздой для возможных преступников, если она оказывает спасительное влияние на некоторых людей, то можно ли сравнить эти столь редкие, слабые и сомнительные исключения с тем явным, конкретным и огромным злом, которое эта религия породила на земле! Игруют ли роль несколько предупрежденных жалких преступлений, несколько обращений, бесполезных для общества, несколько случаев запоздалого и бесплодного раскаяния или призрачных возмещений в сравнении с теми постоянными раздорами, кровавыми войнами, зверскими бойнями, преследованиями, неслыханными жестокостями, которым христианская религия служила причиной и поводом с самого своего основания! На один тайный умысел, предупрежденный этой религией, приходится ряд опустошительных войн, вызываемых ею между народами; она зажигает факел пожара в сердцах миллионов фанатиков, она вносит раздоры и смуту в семью и государство, она залила землю слезами и кровью. Пусть же здравый смысл решит, какую пользу принесла христианам благая весть их бога!

Многие честные люди, понимающие, каким бедствием является эта религия для человечества, тем не менее считают христианство необходимым злом; они находят, что искоренение ее чревато опасностями. Человек — говорят они — суеверен, ему нужны призраки, он приходит в волнение, если отнять у него иллюзии. На это я отвечаю: человек суеверен только потому, что его с детства воспитывают в таком духе; он ожидает своего счастья от иллюзий потому, что правительство слишком часто отказывает ему в реальных благах; он никогда не пойдет против своих государей, если они будут делать ему добро; государи будут тогда сильнее попов и бога. В самом деле, только государь может вернуть массы на путь разума; он снискает их доверие и любовь, делая им добро; он постепенно отнимет у них веру в призраки, если сам разуверится в них; он помешает вредному действию суеверия, если будет

презирать его и никогда не будет вмешиваться, в его распри — он должен ослабить суеверие, проявляя терпимость ко всем сектам, тогда они в своей борьбе сорвут друг с друга маску и сделают себя смешными; наконец, суеверие падет само собою, если государь вернет свободу умам и таким образом даст разуму возможность бороться с кошмаром. Истинная терпимость и свобода мысли — вот действительные противоядия против религиозного фанатизма; объявив их, государь станет хозяином в своих владениях, ему не придется делить свою власть с мятежными попами — они бессильны против просвещенного, твердого и добродетельного государя. Обман труслив, оружие падает у него из рук при виде государя, презирающего его и сильного любовью народа и истиной.

Если преступная и невежественная политика почти всегда прибегала к помощи религии для порабощения и угнетения народов, то пусть добродетельная и более просвещенная политика постепенно уничтожит религию, чтобы сделать народы счастливыми. Если до сих пор воспитание давало только фанатиков, то пусть более разумное воспитание создает теперь добрых граждан. Если мораль, опирающаяся на чудесное и орудуемая представлениями о загробной жизни, не в состоянии была наложить узду на страсти, то пусть мораль, основанная на действительных нуждах человечества, покажет людям, что в благоустроенном обществе счастье всегда является наградой добродетели, а порок и преступления предаются позору, презрению и заслуженным карам.

Итак, пусть государей не пугает, что их подданные освободятся от суеверия, которое порабощает их самих. И вот уже столько веков препятствует благоденствию их государств. Если заблуждение есть зло, пусть они противопоставят ему истину; если фанатизм вреден, пусть они борются с ним с помощью разума. Пусть государи прогонят в Азию религию, порожденную горячечной восточной фантазией; да будет наша Европа разумна, счастлива, свободна, да царят в ней добрые нравы, активность граждан, душевное благородство, трудолюбие, общественное начало, спокойствие.

Пусть государь повелевает под сенью закона, и подданный повинуется; пусть оба они пользуются безопасностью. Неужели разум не может надеяться рано или поздно вернуть себе власть, давно захваченную заблуждением, иллюзией и авторитетом? Неужели народы никогда не откажутся от своих фантастических чаяний и не обратятся к своим истинным интересам? Неужели они никогда не сбросят с себя ярмо поповщины, которая одна заинтересована в их заблуждениях? Нет, этому нельзя поверить. Истина должна в конце концов восторжествовать над ложью; государи и народы, устав от религиозного кошмара, вернуться к

истине, разум разобьет свои цепи, властный голос его,
долженствующий один повелевать мыслящими существами,
разобьет оковы суеверия. Аминь.

